

"Пламя соблазна (Побег, Фонтан желаний, Пропавшая леди)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Джуд Деверо

Побег

Глава 1

Усадьба Уэстон Мэнор мирно расположилась посередине сада площадью два акра. Дом был простым и незатейливым. Именно в таких домах в 1797 году жили английские джентльмены, и только очень внимательный наблюдатель мог бы заметить, что края сточных канав несколько обвалились, что один из углов каминной трубы осел, и краска на деревянной отделке кое-где облезла.

Внутри дома хорошо была освещена только столовая, но и здесь были заметны следы запустения. Обивка стоявших в тени георгианских кресел обтрепалась и выцвела. От гипсовой лепнины на потолке начали отваливаться небольшие куски, а на одной из стен осталось светлое пятно на том месте, где раньше висела картина.

Но сидевшая за столом девушка не замечала эти недостатки — ее взгляд был прикован к сидевшему напротив нее мужчине. Фаррел Бэтсфорд, изогнув кисть руки таким образом, чтобы сок жареного мяса не запачкал его гофрированные шелковые манжеты, положил себе на тарелку крохотный кусочек мяса и слабо улыбнулся девушке.

— Перестань глазеть по сторонам и ешь, — приказал Джонатан Нортлэнд своей племяннице и повернулся к гостю. — Итак, Фаррел, что вы говорили про охоту у вас в деревне?

Риган Уэстон попыталась сосредоточиться на содержимом тарелки и постараться что-нибудь проглотить, но кусок не лез ей в горло. Она не могла понять, как можно было требовать, чтобы она сохраняла спокойствие и как ни в чем не бывало ужинала, если рядом сидит человек, которого она любит. Она еще раз украдкой взглянула на Фаррела сквозь длинные темные ресницы.

Тонкий прямой нос и миндалевидный разрез голубых глаз говорили о том, что это настоящий аристократ. Плотнo облегающие его худощавую стройную фигуру бархатный сюртук с парчовым жилетом очень шли ему. Его узкое вытянутое лицо обрамляли искусно уложенные светлые волосы, которые ниспадали до безупречно белого галстука и чуть-чуть вились на концах.

Риган глубоко вздохнула, и ее дядюшка еще раз вопросительно посмотрел на нее. Изысканным жестом Фаррел промокнул салфеткой уголки тонких губ.

— А не хочет ли моя будущая невеста прогуляться под луной? — негромко спросил Фаррел, тщательно выговаривая каждое слово.

«Невеста!» — подумала Риган. Спустя неделю она станет женой Фаррела, и получит его для того, чтобы любить, заботиться, обнимать. Он будет принадлежать только ей. Переполюнявшие чувства лишили Риган способности говорить, и она только кивнула в знак согласия.

Бросив салфетку на стол, она поняла, что дядя не одобряет ее действий. Опять она ведет себя не так, как подобает леди. В тысячный раз она напомнила себе, что не должна забывать, кто она такая и кем ей предстоит стать — госпожой Фаррел Бэтсфорд.

Когда Фаррел протянул ей руку, Риган едва удержалась, чтобы не схватить ее. Ей хотелось радостно танцевать, смеяться от счастья, обнять человека, которого она любит. А вместо этого

она покорно проследовала за ним из столовой в прохладный весенний сад.

— Может быть, вам принести шаль? — спросил Фаррел, когда они немного удалились от дома.

— О нет, — шепотом ответила она, приблизившись к нему. — Для этого пришлось бы разлучиться с вами, а я не хочу. Ни на минуту.

Фаррел собрался было что-то сказать, но вместо этого огляделся по сторонам.

— Ветер подул с моря и сегодня прохладнее, чем вчера, — заметил он.

— О Фаррел, — вздохнула Риган. — Всего лишь через шесть дней мы поженимся. Знаете, я самая счастливая девушка на земле.

— Да, возможно, — поспешно произнес Фаррел, высвободив руку, которую она сжимала. — Сядьте сюда, Риган.

Его голос звучал так же, как у ее дяди, когда тот разговаривал с ней, — нетерпеливо и сурово.

— Но мне хочется подольше побыть с вами.

— Судя по всему, вы не собираетесь слушаться меня даже когда мы поженимся? — спросил он, пристально глядя в ее широко поставленные, доверчивые глаза. В них отражались все ее мысли и чувства. В своем муслиновом платье с высоким воротником она выглядела юной и хорошенькой. Но у Фаррела она вызывала такие же чувства, как и щенок, молящий хозяина о любви.

Он отступил от нее на несколько шагов.

— К свадьбе все готово? — вновь заговорил он.

— Дядя Джонатан уже все устроил.

— Конечно же, это в его стиле, — негромко сказал Фаррел. — Тогда я приеду на следующей неделе, перед самой церемонией.

— На следующей неделе! — Риган вскочила. — А не раньше? Но ведь мы, Фаррел... Я...

Он проигнорировал вспышку Риган и протянул ей руку:

— Думаю, нам пора возвращаться. А если то, как я поступаю, вам не по нраву, можете еще раз обдумать свое решение.

Достаточно было одного взгляда Фаррела, чтобы оборвать ее возражения. Она опять напомнила себе о необходимости следить за своими манерами, быть невозмутимой, ни в коем случае не давать любимому человеку повода в чем-либо упрекнуть ее.

Когда они вернулись в столовую, Фаррел и дядя Джонатан быстро отправили ее наверх в спальню. Она не осмелилась протестовать; слишком силен был страх перед тем, что Фаррел опять предложит отменить свадьбу.

Оставшись одна, Риган смогла дать волю сдерживаемым чувствам.

— Он замечательный, не так ли, Мэтта? — едва сдерживая восторг, обратилась она к

горничной. — Ты когда-нибудь видела такую парчу, как на его жилете? Только настоящий джентльмен мог выбрать подобную ткань. А какие у него манеры! Он все делает правильно, просто безупречно. Как бы я хотела быть такой же, как он: уверенной в себе и в том, что мое каждое движение непогрешимо.

Грубое, некрасивое лицо Мэтты нахмурилось.

— Я-то думаю так, что у мужчины должны быть не одни только манеры хорошие, — заявила она с характерным для западного побережья акцентом. — А теперь постойте спокойно и снимите платье. Вам уже пора ложиться.

Риган повиновалась: она всегда подчинялась чужим распоряжениям. Когда-нибудь, подумалось ей, она станет важной дамой. У нее есть деньги, которые оставил ей отец, а мужем станет человек, которого она любит. Они поселятся в Лондоне в прекрасном доме, где будут устраивать светские приемы, еще у них будет загородный дом, где она сможет оставаться одна со своим безупречным мужем.

— Бросьте-ка мечтать, — распорядилась Мэтта. — Ступайте в постель. Придет день, когда вы, Риган Уэстон, очнетесь и поймете, что мир состоит не только из засахаренных фруктов и золотой парчи.

— Что ты, Мэтта, — засмеялась Риган. — Я не такая дурочка, как ты думаешь. Ведь хватило у меня ловкости заполучить Фаррела? Ну какая еще девушка могла бы это сделать?

— Возможно, любая, если бы у нее были деньги отца, — пробурчала Мэтта, подоткнув одеяло под хрупкое тело своей подопечной. — А теперь спите. Можете помечтать.

Риган покорно закрыла глаза, ожидая, пока Мэтта выйдет из комнаты. Деньги отца! Эти слова эхом отдавались в голове. Конечно же, Мэтта ошибается, думала она. Фаррел любит ее просто за то, что она такая, какая есть, за то, что...

Но так и не сумев найти никакой другой причины, почему Фаррел решил жениться на ней, она села. В ту лунную ночь, когда он сделал ей предложение, Фаррел поцеловал ее в лоб и рассказал о своем доме, в котором жили многие поколения его предков.

Отбросив одеяло, Риган подошла к зеркалу и посмотрела на свое отражение, посеребренное лунным светом. Казалось, ее огромные сине-зеленые глаза принадлежали ребенку, а не девушке, которой уже неделю назад исполнилось восемнадцать. Ее тоненькая фигурка всегда была скрыта под просторной одеждой, которую выбирал дядя. Вот и сейчас на ней была тяжелая полотняная сорочка с длинными рукавами и высоким воротом.

Что же Фаррел увидел в ней, спросила она себя. Как он мог догадаться, что она умеет быть изысканной и изящной, несмотря на то что всегда одета, как подросток?

Изобразив соблазнительную улыбку, она приспустила сорочку с плеча. О да, если бы Фаррел увидел ее сейчас, он, может быть, не ограничился бы отеческим поцелуем. Она не смогла сдержаться и весело рассмеялась, когда представила, что сказал бы Фаррел, обнаружив, какой кокетливой может быть его тихая и скромная невеста!

Она бросила быстрый взгляд в сторону соседней комнатки, в которой спала Мэтта, и подумала, что и дяде Джонатану стоило бы услышать, что сказал бы ее жених, увидев свою невесту в сорочке. Надев мягкие домашние туфли, она открыла дверь и на цыпочках спустилась по лестнице.

Дверь в кабинет была распахнута. Ярко горящие свечи создавали вокруг Фаррела золотистый ореол, и Риган, забыв обо всем, устремила на него восторженный взгляд. Только спустя несколько минут она стала прислушиваться к разговору мужчин.

— Посмотрите на этот дом! — неистовствовал Джонатан. — Вчера мне прямо на голову упал кусок лепнины. Сижу, читаю газеты, и тут прямо на меня летит этот чертов цветок.

Фаррел сосредоточенно вглядывался в свою рюмку, наполненную бренди.

— Все это скоро закончится — во всяком случае, для вас. Вы получите свои деньги и сможете отремонтировать дом или, если хотите, купите новый. Меня же впереди ждет долгая тоскливая жизнь.

Хмыкнув, Джонатан налил себе еще бренди.

— Послушать вас, так можно подумать, будто садитесь в тюрьму. Повторяю — вы должны благодарить меня за то, что я для вас сделал.

— Благодарить! — злобно рассмеялся Фаррел. — Вы повесили мне на шею безмозглую, неуклюжую и абсолютно невежественную девчонку.

— Ну, ну, некоторые были бы счастливы заполучить ее. Она хорошенькая, очень многим понравилась бы ее бесхитрость.

— Я не такой, как другие, — предупредил его Фаррел.

В отличие от многих Джонатан не боялся Фаррела Бэтсфорда.

— Это правда, — спокойно ответил он. — Мало кому удалось бы заключить такую выгодную сделку.

Осушив третью рюмку, Джонатан повернулся к Фаррелу.

— Ну ладно, не будем спорить. Нам нужно отпраздновать нашу удачу, а не рвать друг другу глотки. — Он приветственно поднял рюмку, которую перед этим вновь наполнил. — Выпьем за мою дорогую сестру и поблагодарим ее за то, что она вышла замуж за богатого молодого человека.

— И за то, что она умерла и оставила все в вашем распоряжении — не так ли нужно закончить этот тост? — Выпив бренди, Фаррел опять принял серьезный вид. — Вы уверены в завещании вашего зятя? Я не хочу жениться на вашей племяннице, чтобы потом обнаружить, что совершил ошибку.

— Я знаю этот документ наизусть! — возмутился Джонатан. — Последние шесть лет я не вылезал из адвокатских контор. Девушка может получить эти деньги только по достижении двадцати трех лет, если только до этого времени не выйдет замуж. Но и замуж она может выйти только по достижении восемнадцати.

— Если бы дело обстояло иначе, вы бы, конечно, нашли Риган мужа, когда ей было еще двенадцать?

Усмехнувшись, Джонатан поставил рюмку на стол.

— Возможно. Кто знает? Мне кажется, что с тех пор, как ей исполнилось двенадцать, она мало

изменилась, — Если бы вы не держали ее взаперти в этом разваливающемся доме, возможно, она не была бы такой унылой и малоразвитой. Господи! Мне страшно подумать о брачной ночи! Не сомневаюсь, что она будет плакать и дуться, как двухлетнее дитя.

— Хватит жаловаться! — бросил Джонатан. — Вы получите достаточно денег для того, чтобы отремонтировать свой чудовищный дом, мне же за все те годы, что я заботился о ней, достанутся только жалкие крохи.

— Заботился! А часто ли вы покидали клуб, чтобы вспомнить, как она выглядит? — Тяжело вздохнув, он продолжал. — Я оставлю ее в своем доме и уеду в Лондон. По крайней мере, теперь у меня будет достаточно денег на развлечения. Конечно, мало приятного в том, что я не смогу приглашать друзей домой. Может быть, я найму женщину, которая будет вести хозяйство. Не могу себе представить вашу племянницу в качестве хозяйки такой усадьбы, как моя.

Подняв глаза, он увидел, что лицо Джонатана побледнело; костяшки пальцев, сжимавших рюмку, стали совсем белыми.

Быстро повернувшись, Фаррел увидел Риган в освещенном проеме двери. Сделав вид, будто ничего не случилось, он поставил рюмку на стол.

— Риган, — мягко и ласково проговорил он. — Вам давно уже пора отдыхать.

От слез ее глаза казались еще больше.

— Не трогайте меня, — прошептала она. Она стояла напрягшись, сжав кулаки. Из-за густых темных волос, струившихся по спине, и в своей детской ночной сорочке Риган казалась совсем маленькой.

— Риган, вам следует слушаться меня! Она резко обернулась к нему.

— Не смейте говорить со мной таким тоном! Как вы смеете приказывать мне после всего, что обо мне говорили! — Она посмотрела на дядю. — Вы никогда не получите моих денег! Понятно? Ни один из вас не получит из моих денег ни фартинга!

Джонатан начал приходить в себя.

— А как же ты собираешься получить их? — Он улыбнулся. — Если ты не выйдешь замуж за Фаррела, то не прикоснешься к наследству целых пять лет. До сих пор ты жила на мои средства; но теперь знай — если ты откажешься выйти за него замуж, я выброшу тебя на улицу, коль скоро мне от тебя не будет никакой пользы.

Прижав ладони ко лбу, Риган пыталась собраться с мыслями.

— Будьте умницей, — заговорил Фаррел, положив руку ей на плечо.

Она отпрянула.

— Я не такая, как вы думаете, — едва слышно произнесла она. — Я не так простодушна. Я многое могу. Мне не нужны ничьи благодеяния.

— Конечно, не нужны, — покровительственным тоном начал Фаррел.

— Оставьте ее! — резко бросил Джонатан. — Нечего се уговаривать. Она витает в облаках,

совсем как ее мать. — Он грубо схватил ее за руку, впившись пальцами в кожу. — Знаешь ли ты, каково мне было все эти шестнадцать лет после смерти твоих родителей? Ты ела пищу и носила одежду, купленные на мои деньги, а сама тем временем сидела на миллионах! Миллионах! К которым я не мог прикоснуться. Почему я должен был верить, что ты дашь мне хотя бы один фунт, когда вырастешь и сможешь получить наследство?!

— Я бы дала! Ведь вы же мой дядя!

— Ха! — Он толкнул ее к стене. — Ты бы влюбилась в какого-нибудь пустоголового расфранченного щеголя, и он бы все спустил за пять лет. И тогда я решил дать тебе то, что ты хотела, а заодно обеспечить себе гарантии того, что получу то, что нужно мне.

— Каково! — Фаррел чуть не задохнулся. — Это вы обо мне так? Ведь если вы...

Не обращая на него внимания, Джонатан продолжал:

— Так что ты выбираешь? Его — или прямо сразу убираешься из дома?

— Вы не можете... — начал Фаррел.

— Могу, черт побери, и собираюсь это сделать. Если вы думаете, что она будет сидеть у меня на шее еще пять лет ни за что ни про что, то вы просто спятили!

Риган как в тумане переводила взгляд с одного на другого. «Фаррел!» — вскричало ее сердце. Как она могла так ошибаться в нем? Он не любит ее, а только охотится за деньгами; он говорил, как противна ему мысль о женитьбе на ней.

— Так что же ты скажешь? — спросил Джонатан.

— Я соберу свои вещи, — прошептала Риган.

— Только оставь одежду, которую купил тебе я, — глумливо усмехнулся Джонатан.

Вопреки тому, что эти двое думали о ней, у Риган Уэстон была гордость. Ее мать убежала из семьи и вышла замуж за мелкого служащего, не имевшего ни гроша за душой; и все же, работая вместе с мужем и сохраняя веру в него, она помогла ему сколотить состояние. Когда Риган родилась, ей было уже сорок, а спустя два года она вместе с мужем погибла, катаясь на лодке. Риган осталась на попечении своего единственного родственника, брата ее матери. И многие годы у девушки не было случая хотя бы в малой степени проявить силу духа, унаследованную от матери.

— Я уйду, — спокойно произнесла она.

— Одумайтесь, Риган, — сказал Фаррел. — Ну куда вы пойдете? Вы же здесь никого не знаете.

— Может быть, мне следует остаться и выйти за вас замуж? И разве вы не будете стыдиться такой невежественной жены?

— Пусть уходит! Она сюда еще вернется, — огрызнулся Джонатан. — Пусть узнает, что представляет собой мир, тогда она прибежит назад.

Смелость Риган стала быстро улетучиваться, когда она увидела ненависть в глазах дяди и презрение в глазах Фаррела. Чтобы не передумать и не пасть на колени перед Фаррелом, она повернулась и убежала из дома.

На улице было темно. Морской ветер раскачивал ветки деревьев над ее головой. На секунду остановившись на пороге, она высоко вскинула голову. Она пойдет на это; чего бы это ей ни стоило, она докажет им, что совсем не беспомощна. Риган шла прочь от дома по холодным камням, стараясь забыть, что оказалась на улице — пусть и в темноте — в одной ночной рубашке. Настанет день, думала Риган, и она вернется в этот дом. На ней будет атласное платье, а волосы она украсит длинными перьями. Фаррел бросится перед ней на колени и скажет, что она самая красивая женщина на свете. Разумеется, к тому времени она завоеует известность благодаря своим замечательным приемам и станет любимицей короля и королевы; ее прославят острословие и красота.

Ей стало так холодно, что мечты покинули ее. Остановившись возле железной ограды, она стала тереть руки. Где она? Риган вспомнила слова Фаррела о том, что ее держали взаперти. Это было правдой. С двухлетнего возраста она редко покидала Уэстон Мэнор. Ее единственными собеседниками были служанки и сменявшиеся длинной чередой запуганные гувернантки, а единственным местом для развлечений — сад. Несмотря на свою изолированность, она редко чувствовала себя одинокой. Она ощутила одиночество только после того, как встретила Фаррела.

Прижавшись к холодному металлу, она закрыла лицо руками. Кого она пытается обмануть? Что она может сделать ночью, оставшись в одном белье?

Услышав приближающиеся шаги, она подняла голову. Ее лицо озарила радостная улыбка: Фаррел идет за ней! Оторвавшись от ограды, она зацепилась рукавом за железный прут, и сорочка порвалась на плече. Не обратив на это внимания, она побежала навстречу ему.

— Эй, молодка, — сказал бедно одетый незнакомый молодой человек. — Небось ты рада мне и готова пойти со мной?

Отступив назад, Риган запуталась в подоле своей длинной рубашке.

— Не надо бояться Чарли, — сказал незнакомец. — Мне от тебя ничего не нужно, кроме того, что ты сама захочешь дать.

Риган в испуге побежала. Ее сердце бешено колотилось, и с каждым движением прореха на рубашке расплзалась все больше. Она не знала, куда бежит, и бежит ли она к кому-то или от кого-то. Упав, она быстро вскочила и помчалась дальше.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем ей удалось ускользнуть в какой-то переулочек. Она остановилась, чтобы сердце успокоилось, и прислушалась, не бежит ли за ней тот незнакомец. Убедившись, что все тихо, она откинула голову и, прислонившись к сырой кирпичной стене, вдохнула морской воздух, насыщенный запахами соли и рыбы. Откуда-то справа долетел смех, хлопнула дверь, раздался звон металла, крики чаек.

Опустив глаза, Риган увидела, что рубашка ее сильно порвалась и испачкалась; в волосы набилась грязь и лицо тоже было испачкано. Стараясь не думать о том, как она выглядит, девушка попыталась преодолеть страх. Ей нужно уйти из этого места, где пахнет так дурно, и еще до утра найти пристанище, где можно было бы отдохнуть и почувствовать себя в безопасности.

Кое-как пригладив волосы и стянув порванные края ночной сорочки, она вышла из переулочка и направилась туда, откуда доносился смех. Может быть, там она найдет помощь.

Спустя всего несколько минут вновь какой-то прохожий попытался схватить Риган за руку.

Когда она отпрянула, в подол ее рубашки вцепились еще двое. Ткань порвалась еще в трех местах.

— Нет же, — прошептала она, отступая назад. От сильного запаха рыбы невозможно было избавиться, а тьма казалась тяжелой как бархат. Она опять побежала, но люди шли за ней по пятам.

Оглянувшись, она увидела, что ее преследуют несколько мужчин, — они просто не спеша шли за ней, видимо, дразнили ее.

Внезапно она с разбега наткнулась на что-то твердое, как каменная стена. Рухнув на землю, она так и осталась сидеть.

— Тревис, — раздался над ее головой мужской голос. — Похоже, ты вышиб ветер из ее парусов.

Над Риган склонилась гигантская тень, и низкий глубокий голос спросил:

— Вы не ушиблись?

Не успев ничего понять, она вдруг взлетела вверх, и ее сжали сильные надежные руки. Она была так измучена, так напугана, что, забыв об условностях, просто уткнулась лицом в широкое плечо державшего ее человека.

— Пожалуй, ты получил на ночь как раз то, что надо, — рассмеялся его попутчик. — Так что, утром увидимся?

— Может быть, — ответил сильный голос того, чье плечо Риган ощущала щекой. — Но я, возможно, приду только перед самым отплытием. И вслед им вновь раздался смех.

Глава 2

Риган не сознавала, где она и с кем: она только понимала, что теперь находится в безопасности, чувствуя себя при этом, как будто очнулась от кошмара. Закрыв глаза и прижавшись к мужчине, который с такой легкостью поднял ее на руки, она вдруг уверилась, что все будет хорошо. Вспыхнул свет, и Риган еще сильнее смежила веки и глубже зарылась лицом в мускулистое плечо.

— Что у вас там, мистер Тревис? — спросил женский голос.

Риган почувствовала, как все тело незнакомца сотрясает беззвучный смех.

— Принесите мне в комнату немного бренди и горячей воды, а заодно и мыло.

Казалось, этому человеку было совсем не тяжело подниматься по лестнице с Риган на руках. Когда он зажег свечу, девушка уже почти спала.

Он осторожно опустил ее на кровать, прислонив спиной к подушкам.

— Так, давай-ка на тебя посмотрим. Он принялся разглядывать ее, и Риган впервые смогла взглянуть на своего спасителя. Красивое лицо с темно-кариими глазами и четко очерченным ртом обрамляли невероятно густые темные и мягкие волосы. В глазах сверкали искорки смеха, а в их уголках собрались морщинки.

— Ты довольна? — спросил он и, услышав стук, направился к двери.

Вряд ли когда-нибудь ей приходилось видеть человека такого роста — конечно, он совсем не выглядел франтом, но в нем было что-то притягательное. Его грудь казалась вдвое шире, чем любая часть ее тела, а руки — чуть ли не толщиной с ее талию. Риган разглядела, что добротные брюки из грубой ткани облегают мощные, мускулистые бедра. На нем были высокие сапоги до колен, и она удивленно воззрилась на них, потому что раньше видела мужчин только в шелковых чулках и изящных туфлях.

— Выпей это и тебе станет лучше. Бренди обожгло ей горло, и незнакомец посоветовал пить понемногу.

— Ты холодна как лед, а бренди тебя согреет. И действительно, бренди согрело ее, а освещенная золотистым светом свечи комната и исходившая от незнакомца спокойная уверенность укрепили в ней ощущение безопасности. Казалось, дядя и Фаррел где-то далеко.

— Почему вы так странно говорите? — тихо спросила она.

В его глазах зажглось веселье:

— Могу спросить у тебя то же самое. Я — американец.

Глаза Риган широко раскрылись — ей стало интересно и чуть-чуть страшно. Она слышала немало рассказов про американцев — про народ, объявивший войну своей родине, про людей, которые ненамного лучше простых дикарей.

Как бы прочитав ее мысли, гигант опустил кусок ткани в горячую воду, потер ее мылом и начал обмывать лицо Риган. Почему-то казалось вполне естественным, что этот человек, чья ладонь была размером с ее лицо, мягко и нежно моет ее. Покончив с лицом, он принялся за ступни и колени. Она взглянула на его довольно длинные слегка вьющиеся волосы, и, не сумев сдержаться, потрогала их. Они были густыми и чистыми, и Риган подумала, что даже волосы у него такие же жесткие, как и он сам.

Выпрямившись, он взял ее руку и поцеловал кончики пальцев.

— Надень ее, — сказал он, бросив на кровать чистую рубашку. — Я сейчас схожу вниз и поищу какой-нибудь еды. Похоже, тебе не худо бы поесть как следует.

После его ухода комната сразу опустела. Поднявшись на ноги, Риган слегка качнулась и поняла, что бренди ударило ей в голову. Дядя Джонатан никогда не разрешал ей пробовать спиртное. Мысль о нем опять напомнила ей о пережитых страхах. Сняв с себя остатки рваной и грязной ночной сорочки, она стала размышлять о том, каково будет Фаррелу и ее дядюшке, когда она вернется домой с высоким красивым американцем. Колонист был достаточно силен, чтобы добиться всего, что пожелает.

Укладываясь в кровать в его чистой рубашке, доходившей ей до колен, она представила себе, как вновь обретет свое место в Уэстон Мэнор, на этот раз в блеске славы. А американец всегда будет ее другом, даже придет на свадьбу Риган и Фаррела. Конечно, ему нужно будет усвоить хорошие манеры, но Фаррел, возможно, обучит его.

И с улыбкой на губах она погрузилась в сон. Тревис вернулся, неся поднос, тяжело нагруженный едой. Он попытался разбудить Риган, но она только глубже закуталась в одеяло. Тогда сам принялся за еду.

Вместе со своими друзьями-американцами Тревис пьянствовал с самого полудня, празднуя

счастливого завершения плавания и своих дел в Англии. Через неделю он собирался отплыть в Виргинию. Когда эта девушка натолкнулась на него, они вчетвером как раз говорили о том, что хорошо было бы залучить в свою постель какую-нибудь красотку. Смыв с нее целый фунт грязи, он обнаружил, что она хорошенькая и очень молодая. Он задумался о том, что она делала ночью одна, мчась по улицам в порванной ночной сорочке. Возможно, ее выбросили из того заведения, где она обычно работала, а может, ей захотелось попытать счастья самостоятельно, и она поняла, что работать на улицах страшно.

Съев почти все, что было на подносе, Тревис встал из-за стола и потянулся. Какие бы у нее ни были трудности, эту ночь, по крайней мере, она проведет с ним. А завтра он опять отправит ее на улицу.

Он раздевался медленно, его пальцы не сразу справились с пуговицами. То, как девушка прильнула к нему, взволновало Тревиса, и он спросил себя, где она обучилась этим движениям? Ни одна из шлюх, которых он встречал в своей жизни, этого не умела.

Раздевшись, он скользнул под одеяло и потянул девушку к себе. Тело ее обмякло, но когда он сунул руки ей под рубашку, она стала просыпаться.

Риган почувствовала на своем теле теплые мужские руки, которые, казалось, продолжали ее чудесный сон. Никто еще не предлагал ей свою ласку; даже в детстве, когда ей хотелось, чтобы ее кто-нибудь обнял, рядом не было никого, кому она могла бы дать свою любовь. В глубине памяти сохранилось ощущение недавней страшной обиды, и ей хотелось прильнуть к кому-нибудь, кто успокоил бы эту боль.

В полусне она почувствовала, как с нее снимают рубашку. Когда их тела соприкоснулись, она ощутила, насколько крепка покрытая волосами грудь Тревиса, и у нее от удовольствия перехватило дыхание. Чьи-то губы целовали ее щеки, глаза, волосы и, наконец, губы. Девушке никогда еще не приходилось целовать мужчину, но она сразу почувствовала, что это очень нравится ей. Его твердые и одновременно мягкие губы коснулись ее губ, слегка раздвинули их, наслаждаясь их нежностью.

Тревис прижал ее к себе, руки девушки обвили вокруг его шеи, которая была как бы олицетворением его мощи, и Риган ближе придвинулась к нему, желая ощущать его тело. Но когда движения Тревиса ускорились, она удивленно открыла глаза. Она быстро пришла в себя и начала вырываться. Однако Тревис был так силен, что даже не почувствовал ее слабой попытки оттолкнуть его. Выпитое виски слегка затуманило его голову, а радостное движение девушки навстречу воспламенило.

Риган толкнула его сильнее, но руки Тревиса только слегка напряглись, в то время как губы скользили по ее лицу, лишив возможности сопротивляться. Хотя Риган чувствовала, что происходит нечто плохое, она уже не могла противиться, поэтому прижалась к нему, не понимая при этом, что именно хочет от него получить.

Рука Тревиса обняла ее голову, лаская и поглаживая; большим пальцем он провел за ее ухом, а зубами прикусил ей мочку.

— Такая сладкая, — прошептал он. — Сладкая как фиалка.

Улыбаясь, Риган медленно шевельнулась, когда ощутила на себе тяжесть его ноги. Она склонила голову набок, открыв ему шею и плечо. Она почувствовала, что сейчас как бы растворится, когда он начал ласкать ее ключицу. Запустив пальцы в густые волосы Тревиса, она держала его голову, не желая, чтобы он останавливался. Когда рука Тревиса впервые

коснулась ее груди, от неожиданности и удивления тело девушки напряглось. Затем, когда сладкая нега охватила каждую клеточку ее тела, она притянула его голову к своим губам. С радостью, страстью и жадной она впиалась в его губы.

Когда он опустился на нее, первой мыслью Риган было, что для такого крупного мужчины он невероятно легок. В следующую секунду она ощутила боль, ее глаза широко раскрылись, а тело больше не ощущало радости, и она стала изо всех сил отталкивать его.

Но Тревис уже не мог ее слышать. Страсть к этому пылкому и сгорающему от желания дару небес кипела и нарастала в нем, и он не обратил внимания на ее протесты.

Одурманенный выпитым, он понял, что происходит, когда коснулся тонкой перегородки. Где-то в глубине сознания разум твердил ему, что он совершает ошибку, но он уже не мог остановиться. Он быстро овладел ею, хотя весь его первоначальный пыл прошел.

Закончив, он остался лежать на ней, чувствуя, что ее крохотное стройное тело сотрясается от рыданий. Горячие слезы Риган оросили шею Тревиса и смешались с его потом.

Скатившись с девушки, он не решился взглянуть на нее. Сквозь окно стали пробиваться первые лучи солнца. Тревис никогда в жизни не ощущал себя столь трезвым. Надев брюки и сапоги, потом рубашку, которую даже не стал застегивать, он повернулся к ней. Из-под одеяла виднелась только ее макушка.

Как можно осторожнее он опустился на кровать рядом с девушкой.

— Кто ты такая? — тихо спросил он. В ответ она только покачала головой и громко всхлипнула. Глубоко вздохнув, он посадил Риган, придерживая простыню на ее обнаженной груди.

— Не трогайте меня! — горестно прошептала она. — Вы сделали мне больно! Моргнув, Тревис нахмурился.

— Я знаю, и мне очень жаль, но... — Он заговорил громче. — Проклятье! Откуда я мог знать, что вы девушка? Я-то думал, что вы...

Он замолчал, видя, как невинен ее взгляд. Ну как могло ему прийти в голову, что она потаскуха? Возможно, все дело в грязи или плохом освещении комнаты, а скорее всего, в выпитом виски. Но теперь он понимал, что ему следовало бы раньше догадаться, кто она. Даже сидя обнаженной на его кровати, со спутанными волосами, она излучала достоинство и аристократизм, которые в трудных обстоятельствах могли сохранять только англичане, принадлежавшие к высшему обществу. До него стало доходить, что он натворил, затащив в свою постель невинную дочь какого-нибудь лорда, он начал понимать, насколько серьезен его поступок.

— Вряд ли я имею право просить прощения за то, что произошло, — начал он. — Но, может быть, Я могу объяснить с вашим отцом. Может быть, он... — «Поймет?» — добавил Тревис про себя.

— Мой отец умер, — ответила Риган.

— Тогда я отведу вас к вашему опекуну.

— Нет! — вскрикнула Риган. Разве она может вернуться к дяде с этим высоким американцем, который станет рассказывать, что они сделали? — Если вы достанете мне какую-нибудь

одежду, я уйду отсюда. Вам совсем не обязательно меня куда-то отводить.

Тревис на секунду задумался.

— А почему вы среди ночи метались по докам? Если я не ошибаюсь, ребенок вроде вас... — Он улыбнулся, глядя на нее. — Прошу прощения, молодая леди вроде вас, наверное, раньше вообще не видела доков.

Риган гордо вскинула подбородок.

— Вас не касается, что я видела или не видела. Все, что мне нужно от вас — это платье, что-нибудь простое, если вам это по карману, и я сразу же уйду.

Тревис опять улыбнулся:

— Наверное, я могу набрать денег на платье. Но я вас не выпущу на улицу, к этому стаду животных. Вы же помните, что с вами приключилось прошлой ночью?

Ее глаза сузились.

— Что может быть хуже того, что случилось этой ночью? — Она спрятала лицо в ладони. — Кому я теперь нужна? Вы меня погубили.

Тревис отвел ее руки от лица.

— Девочка, да любой человек с радостью вас возьмет. Вы на редкость привлекательная штучка... — Он оборвал себя.

Риган не сразу поняла, что он имел в виду, но вдруг сообразила:

— Ах вы, подлый колонист! Вы действительно дикари, так вас все называют. Вы ловите женщин на улице и затаскиваете их в свою комнату, а потом .. — Она запнулась. — .., поступаете с ними ужасно.

— Подождите-ка! Если я правильно помню, этой ночью вы выбежали из темноты и натолкнулись на меня, и когда я хотел помочь вам подняться, вы прямо бросились в мои объятия. Леди так себя не ведут. И уж коль скоро мы говорим о прошедшей ночи, вы же не думали, что я совершил что-то ужасное, когда ласкали мои волосы и ножками гладили мои ноги.

Придя в ужас от этих слов, Риган только раскрыла рот и молча моргала.

— Послушайте, мне очень жаль. Я не хотел вас обидеть, но давайте расставим все по своим местам. Если бы я знал, что вы — девушка, а не уличная девка, я бы вас пальцем не тронул. Но теперь ничего изменить нельзя. Я виноват, и теперь несу за вас ответственность.

— Я... Нет, вы не несете за меня никакой ответственности. Уверю вас, я сама способна о себе позаботиться.

— Как прошлой ночью? — спросил он, приподнимая бровь. — Счастье, что вы попали на меня, а то с вами могло приключиться неизвестно что.

Риган настолько растерялась, что на какое-то время утратила дар речи.

— Неужели ваша наглость или бесчувственность не имеют пределов? — взорвалась она. — Во встрече с вами для меня не было ничего хорошего, и теперь я понимаю, что на улице мне было бы гораздо лучше, чем здесь, запертой с безумным и мерзким похитителем женщин — таким, как вы, сэр!

В уголках глаз Тревиса появились морщинки, и его рот растянулся в широкой улыбке. Запустив пальцы в свои темные волосы, он издал короткий смешок:

— Так, так! Кажется, проклятье исходило из уст английской леди. — Его взгляд упал на ее обнаженные плечи, и он вновь улыбнулся. — А знаете, пожалуй, вы мне даже нравитесь.

— Но вы меня не интересуете! — ответила Риган, придя в отчаяние от его тупости и бесчувственности.

— Разрешите представиться. Меня зовут Тревис Стэнфорд, я из Виргинии. Очень рад с вами познакомиться. — Он протянул ей руку.

Скрестив руки на груди, Риган отвела глаза. Возможно, если она будет его игнорировать и станет вести себя с ним грубо, он отпустит ее.

— Ну ладно, — заявил Тревис, вставая. — Пусть будет по-вашему. Но давайте твердо договоримся об одном. В доки Ливерпуля я вас одну не отпущу. Либо вы мне скажете, где живете и кто вас опекает, либо же я запру вас в этой комнате.

— Вы этого не сделаете! Вы не имеете права! Его лицо стало серьезным, и он с высоты своего роста посмотрел на Риган.

— Я это право обрел прошлой ночью. Мы, американцы, серьезно относимся к своим обязанностям, и прошлой ночью я взял на себя обязательства по отношению к вам — по крайней мере, до тех пор, пока не узнаю, кто ваш опекун.

Одеваясь перед зеркалом, он исподволь наблюдал за ней, пытаясь понять, почему же она не говорит, кто она такая. Надев куртку, он наклонился к ней и негромко произнес:

— Я пытаюсь делать то, что считаю правильным для вас.

— А кто дал вам право решать, что хорошо или плохо для человека, которого вы даже не знаете? Горланно рассмеявшись, Тревис ответил:

— Вы теперь говорите совсем как мой младший братишка. Может, перед уходом вы меня поцелуете? Если я найду вашего опекуна, то сейчас, может быть, это наши последние секунды вместе.

— Надеюсь, я никогда вас больше не увижу! — отрезала она. — Надеюсь, что вы упадете в море, и вас больше никто никогда не увидит. Надеюсь...

Он прервал этот поток слов, приподняв Риган с кровати. Одну руку он подsunул ей под спину, а второй отбросил разделявшую их простыню. Он принялся гладить мягкую, как персик, кожу ее бедра и колена, а губами коснулся ее губ. Нежно, как можно нежнее, стараясь не напугать, он поцеловал ее.

Сначала Риган оттолкнула его, потом, когда он привлек ее к себе, поняла, что ей приятны прикосновения его могучих рук и исходившая от него мощь. Она поразилась тому, что столь

нахальный грубиян и мужлан может быть таким ласковым.

Обняв его за шею, она склонила голову набок, а руки погрузила в его волосы. Первым разорвал объятия Тревис.

— Теперь мне хочется надеяться, что я не найду вашего попечителя. Вы — ужасно приятная ноша.

Когда она замахнулась, чтобы ударить его, он захохотал и, перехватив ее руку, стал целовать косточки пальцев одну за другой.

— Это ведь только пожелание. Так вот, сидите здесь и ведите себя как следует, а я приду и принесу вам красивое платье.

Он опять засмеялся, когда брошенная ею подушка ударилась о закрывшуюся за ним дверь. Звук поворачивающегося в замке ключа вызвал в ее сознании мысль о цепях, которые словно защелкнулись на ее щиколотках.

Наступившая тишина вселяла ужас. Риган растерянно села и оглядела просторную комнату. Какое-то время до нее просто не доходило, что она не у себя дома, не в своей спальне, отделанной в голубых тонах, и что рядом нет Мэтты, готовой в любую минуту принести ей чашку шоколада. Всего за несколько часов весь ее мир рухнул. Она слышала, как человек, которого любила, сказал, что не хочет на ней жениться, а ее единственный родственник признался, что не намерен о ней заботиться. И, что хуже всего, она потеряла невинность и оказалась в плену у какого-то дикаря-американца. «В плену», — подумала она. Раньше она просто не понимала, что всю свою жизнь была пленницей, что ее держали в позолоченной клетке, состоявшей из красивого сада и ветхого дома.

Придя к этой мысли, она принялась обследовать комнату. В одной стене было большое окно, и она подумала, что, может быть, ей удастся вырваться из плена. Если она сможет бежать отсюда, то наверняка кто-нибудь поможет ей: примет ее в свой дом или даст ей работу. При этой мысли Риган замерла. Что она умеет делать? Каким способом она сможет зарабатывать себе на жизнь в течение пяти лет, пока не получит наследство? Единственное, что она умела делать действительно хорошо, это разводить цветы. Возможно...

Нет. Сейчас не время ломать голову над подобными вопросами. Сначала ей нужно бежать и доказать этому простолюдину-колонисту, что он не имеет права похищать англичанку и держать ее под замком, требуя при этом покорности.

Выпрыгнув из кровати, она поняла, что самое главное — достать одежду. В углу комнаты стоял чемодан, но он, конечно же, был заперт.

Когда в дверь постучали, она едва успела набросить рубашку Тревиса. В комнату вошла розовощекая пухлая девушка. В руках она несла тяжелый поднос, заставленный тарелками.

— Мистер Тревис приказал принести вам еды и, если вам понадобится, горячей воды, — смущенно сказала она, прижавшись спиной к закрытой двери и между делом обшаривая комнату глазами.

— Вы не могли бы достать мне одежду? — попросила Риган. — Прошу вас! Я вам потом верну ее, но сейчас у меня ничего нет, кроме мужской рубашки.

— Прошу прощения, мисс, но мистер Тревис запретил мне давать вам одежду, а распорядился

принести только пищу и горячую воду; и еще хочу вам сказать, что он нанял человека, который будет караулить под окном целый день — это если, как он сказал, вы захотите ускользнуть.

Подбежав к окну, Риган убедилась в том, что служанка не обманывает ее.

— Вы должны помочь мне, — умоляла она. — Этот человек держит меня под замком. Пожалуйста, ну пожалуйста, позвольте мне уйти.

Служанка поспешно поставила поднос на стол, от испуга ее глаза расширились.

— Мистер Тревис угрожал убить меня, если я позволю вам убежать. Извините, мисс, но я должна подумать о себе. — И, не сказав больше ни слова, она вышла из комнаты и снова повернула ключ в надежном тяжелом замке.

Риган долго не могла собраться с мыслями. Вся ее прошлая жизнь была приятной, лишенной событий, спокойной. У нее почти не было забот, а знакомых и того меньше; но теперь на нее навалились проблемы, которые давили своим весом. Раньше ей не хотелось покидать дом дядюшки, теперь же она не хотела оставаться пленницей этого ужасного человека.

Подняв обеими руками поднос, она бросила его в стенку и принялась наблюдать, как по гладкой оштукатуренной стене текут яйца и джем. От этой вспышки ярости настроение Риган не улучшилось, ей стало еще тоскливее. Бросившись на кровать, она уткнулась в подушку и закричала, колотя кулаками и ногами по набитому перьями матрасу.

Однако усталость оказалась сильнее охвативших Риган гнева и ярости. Ее мышцы постепенно расслабились, и она забылась тяжелым сном. Она не проснулась даже тогда, когда служанка принялась очищать от потеков стену, и тогда, когда в комнату вошел Тревис со стопкой разноцветных коробок в руках и склонился над ней, улыбаясь при виде ее нежного невинного лица.

Глава 3

— Вы — приятное существо, и возвращаться к вам приятно, — сказал Тревис, покусывая мочку ее уха.

Она начала просыпаться, и тут он отступил назад, чтобы посмотреть, как она потягивается. Рубашка облегалась ее миниатюрное тело, повторяя все его изгибы и выпуклости.

Не открывая глаз, Риган выгнулась, ее грудь поднялась, раздвигая ткань между пуговицами, и он увидел нежное тело. Она слабо улыбнулась, но тут открыла глаза и увидела Тревиса.

— Это вы! — вскрикнула она.

Девушка ловко выпрыгнула из кровати и бросилась на него с кулаками. Подол рубашки развеялся за ее спиной. Тревис одной рукой схватил оба ее кулака.

— Вот это приветствие, — почти промурлыкал он, обняв Риган. — Трудно помнить о том, что я должен относиться к вам как к леди, если вы вот так бросаетесь в мои объятия.

— Я не бросалась в ваши объятия, — ответила она, сжав зубы. — Ну почему вам всегда нужно все исказить? Неужели вы не можете поверить, что мне от вас ничего не нужно, кроме свободы? Вы не имеете права....

Ее слова прервал быстрый поцелуй.

— Я отпущу вас, как только вы скажете, куда вас отвести. У такой юной леди, как вы, наверняка есть родственники. Скажите мне, кто они, и я вас отведу к ним.

— Чтобы вы похвастались перед тем, что со мной сделали? Конечно, я не могу на это согласиться. Освободите меня, и я сама вернусь домой.

— Вы не умеете лгать, — улыбнулся он. — У вас такие же ясные глаза, как у куколки. В них отражаются все ваши мысли. Я уже не раз объяснял вам, на каких условиях отпущу вас, и хватит об этом. Я от своего слова не отступлюсь, поэтому смиритесь с тем, что вам придется подчиниться.

Вырвавшись из его рук, она вздернула подбородок:

— Я могу быть такой же упрямой, как вы. — Она зло усмехнулась. — К тому же мне известно, что вы скоро отплываете в Америку. Вам придется меня освободить.

На секунду Тревис задумался.

— Итак, мне нужно что-то с вами делать, правда? — ответил он, поглаживая подбородок. — Мне бы не хотелось уплыть в Америку, оставив без защиты ваши ножки.

Захлебнувшись от ярости, Риган дернула простыню, но дальний край за что-то зацепился. Подойдя к ней, Тревис нагнулся, освободил уголок, и, внезапно сунув руку ей под рубашку, погладил ягодицы. Риган завизжала, потом вскочила и, выдернув простыню из его рук, обернула ее вокруг талии:

— Ну как вы смеете так обращаться со мной? Почему вы позволяете себе такое? Я же никогда никого не обижала.

В ее словах звучала такая искренность, что Тревис опустил глаза.

— Я никогда в жизни так не поступал. Может, мне нужно просто отпустить вас, но вот почему-то я не могу. Наверное, это то же самое, как если бы я выбросил полевой цветок в штормовой ветер. А уж коль скоро мы стоим в доке, то проще сказать — «в печку.» — Он ласково и нежно посмотрел на нее. — У меня нет особого выбора. Отпустить вас я не могу, но не могу и держать вас под замком. Господи! У меня даже рабов нет, — где уж там говорить о том, чтобы запирать на ключ невинных девочек.

Закончив свою речь, он тяжело опустился на стул в углу комнаты. К своему глубокому удивлению, Риган почувствовала, что ей хочется успокоить Тревиса. В наступившей неловкой тишине она вдруг заметила разноцветные коробки, лежавшие на дорожном сундучке, и тихо спросила:

— Вы принесли мне платье?

— Принес ли я вам платье? — улыбнулся он, преодолев секундное замешательство.

Развязав веревку на одной коробке, он вытащил бархатное платье необычного цвета, который Риган никогда раньше не приходилось видеть: красно-коричневое, оно переливалось и отсвечивало золотом. Набросив платье ей на руку, он сказал:

— Это цвет ваших волос. Не красный, не каштановый, а все эти цвета вместе. Она удивленно посмотрела на него.

— Как... Как это романтично. Я не думала, что вы...

Посмеиваясь, он забрал у нее платье:

— Вы ничего обо мне не знаете, а я знаю о вас еще меньше. Вы даже не назвали свое имя.

Заколебавшись, она провела ладонями по бархату. Ей всегда покупали самую дешевую одежду. Она никогда не видела ткани красивее этого бархата, но как бы страстно ей ни хотелось ощутить его на своей коже, она старалась быть настороже.

— Меня зовут Риган, — тихо ответила она.

— Просто Риган? А фамилия?

— Я назову вам только имя; а если вам кажется, что меня можно подкупить красивым платьем, то вы ошибаетесь, — высокомерно ответила она.

— Я не привык подкупать, — решительно ответил Тревис. — Я уже объяснил вам, на каких условиях освобожу вас, и платье здесь ни при чем.

Отшвырнув платье, он принялся распаковывать остальные свертки, разрывая их один за другим и бросая содержимое на кровать. Взору Риган предстало бледно-голубое платье из шелкового крепа, отделанное синими лентами, и ночная сорочка из батиста, расшитая сотнями крохотных розовых бутонов. Из последнего свертка он достал две пары домашних туфель из тонкой кожи, выкрашенной под цвет бархата и голубого шелка.

— Как красиво! Просто прекрасно! — Риган от неожиданности задохнулась и прижала шелковое платье к щеке.

Глядя на нее, Тревис пришел в восторг. В ней одновременно сочетались девочка и женщина, — секунду назад она была разъярена, подобно рассерженному котенку — и вдруг превращалась в невинную очаровательную девушку. Видя, как улыбка осветила ее бирюзовые глаза, он понял, что она его околдовала, очаровала, и теперь он мог думать только о ней. Сегодня он провел многие часы в магазинах женской одежды, в которых его все раздражало, но ему так хотелось доставить ей радость.

Он присел на кровать рядом с ней.

— Они вам нравятся? Я не знал, какие фасоны или цвета вы предпочитаете, но в магазине мне сказали, что это по самой последней моде.

Она повернула к нему улыбающееся лицо, и Тревиса охватило пронзительное чувство близости, которое он испытывал только к своей земле в Виргинии. Не сознавая, что делает, он нагнулся над кроватью и привлек девушку к себе. Не дав ей времени прийти в себя и начать сопротивляться, он жадно поцеловал ее, пытаясь восполнить те, проведенные вдали от нее, часы, когда его думы были заполнены только ею.

— Мои платья! — задохнулась Риган. — Вы их помнете.

Тревис сгреб все покупки в охапку и бросил на стул.

— Я весь день думал о вас, — прошептал он. — Что вы со мной сделали?

Несмотря на то, что от близости Тревиса ее сердце забилось быстрее, она попыталась заставить свой голос звучать как можно безразличнее.

— Я не хочу иметь с вами ничего общего. Пожалуйста, отпустите меня.

— Вы действительно этого хотите? — хрипло спросил он, целуя ее шею.

«Ну почему этот мерзкий злой человек так плохо обходится со мной?» — подумала она. Но даже эти мысли не заставили ее оттолкнуть его — так велико было желание оказаться в его объятиях, так нравились его поцелуи, запах его дыхания и прикосновение его волос к ее лицу. Рядом с этим гигантом она ощущала себя маленькой, надежно защищенной и окруженной заботой.

Губы Тревиса нашли ее обнаженную грудь, и мысли ее оборвались. Она больше не могла ни о чем думать, только застонала, и ее руки заскользили по его плечам.

Медленно Тревис отодвинулся от нее, и, изумленно открыв глаза, она увидела, как он возвышается над ней и снимает с себя куртку. Не имея сил отвести от него взгляда, она смотрела, как он неторопливо раздевается.

Лучи заходящего солнца проникли в окно и осветили все красно-золотым сиянием, превратив обычную комнату в волшебное блистающее царство. Риган молча следила, как постепенно обнажается тело Тревиса. Ей никогда еще не приходилось видеть мужчину без одежды, и ее охватило любопытство.

Ничто не могло подготовить ее к виду обнаженного Тревиса. Многие годы физической работы сформировали его тело: мускулы его налились, грудь походила на панцирь римского воина, который Риган однажды видела в книге. Но талия его была тонкой, живот весь состоял из мышц. Когда он снял брюки, обнажились могучие бедра, на которых рельефно выступала каждая мышца.

— Боже! — В ее возгласе слышался благоговейный ужас.

Увидев же его естество, она закрыла глаза. Тревис захохотал и вытянулся на кровати рядом с ней.

— Как бы вы ни противились, готов поспорить: стоит вас как следует обучить, и из вас выйдет страстная штучка.

— Не надо, — проговорила она, предпринимая последнюю слабую попытку оттолкнуть его, но Тревис не обратил на это внимания. Он ловко освободил ее от оставшейся одежды и начал поглаживать ее живот, легонько его пощипывая. Его пальцы играли с этой чувствительной частью тела, его ладонь возбуждала кожу. И все время он целовал ее, прикусывая зубами мочку, а языком слегка касался теплой пульсирующей точки под ухом.

Она провела руками по его плечам, погладила длинные впадины, где соединялись мышцы. Его крепкое тело так отличалось от ее, нежного; его сила — от ее слабости. Двигаясь под ним, она просунула руки ему под мышки и стала ласкать его ребра, ощущая ладонями мускулы спины, вздувавшиеся под его разгоряченной смуглой кожей, а затем коснулась его напряженных бедер. Прикосновения к Тревису вызывали у нее любопытство и удовольствие, его ласки заставляли ее сердце биться все сильнее, ее дыхание участилось.

— Риган, милая Риган... — Она не столько услышала, сколько почувствовала его голос своим телом, когда его слова эхом отдались в его могучей груди.

Когда он захотел оторваться от нее, ее пальцы больно вцепились в его руки.

— Да, моя ласковая киска, да!

Тревис медленно и нежно вошел в нее, и хотя это показалось ей невероятным, ее пульс еще сильнее участился. Боли не было, она испытывала только сильное желание. Неумело и неловко она прижалась к нему, но Тревис отстранился от нее.

— Не спеши, киска, не спеши, — прошептал он, положив руку ей на бедро и большим пальцем лаская ее пупок.

Она не поняла, что он имеет в виду, и ей оставалось только подчиниться. Хотя плотская любовь была ей внове, она все же чувствовала, что он сдерживается, пытается быть учителем, а не бездумным участником. Медленно и осторожно показывая, что нужно делать, он помогал ей получать наслаждение, брать решение на себя и подчиняться его зову.

Риган показалось, что ее тело сейчас взорвется, что оно растет и растет, и когда произойдет взрыв, она, наверное, умрет.

Внезапно Тревис ускорил движения, его возбуждение перелилось в нее. Она прильнула к нему, чувствуя, как внутри вспыхнул фейерверк — ослепительный, жаркий и головокружительный.

Обмякшее и взмокшее тело Тревиса расслабилось, и Риган почувствовала себя опустошенной, слабой — но как же ей было хорошо! Как будто ее избавили от тяжелой ноши.

Ей казалось — хотя она не была в этом уверена — что немного вздремнула, а проснувшись, подумала о том, что близость с этим человеком, который по-прежнему оставался для нее чужим, была просто одним из ее снов. Рука Тревиса лежала на ней. Она попыталась представить себе, как бы состоялась ее встреча с Фаррелом. Наверняка он бы уже знал о том, что она провела время с этим американцем и стыдился бы ее, может быть, даже не стал бы с ней разговаривать. Она представила, как объясняла бы случившееся, доказывала бы, что сопротивлялась, но он все равно бы догадался. Американец сказал, что по ее глазам можно прочесть все ее мысли. А будут ли в них отражаться эти новые для нее переживания? Догадается ли кто-либо в мире о том, что эта женщина лишилась одной из своих добродетелей?

Лежавший рядом с ней Тревис шевельнулся, приподнялся на локте и улыбнулся ей.

— Я был прав, — прошептал он. — Немного обучившись...

Риган скинула с себя его руку.

— Не прикасайтесь ко мне! — пронзительным шепотом ответила она. — Вы вынудили меня пойти на это против моей воли.

Тревис невесело рассмеялся.

— Что, мы опять о том же? А я-то думал, что на этот раз вы взглянете правде в глаза.

— Правда! Я знаю, в чем правда! Вы насильно удерживаете меня здесь. Вы низкий преступник.

Со вздохом Тревис спрыгнул с кровати и начал одеваться.

— Я уже объяснил вам, почему держу вас здесь. — Он быстро повернулся к Риган. — Вы понимаете, что вам грозит, если вы опять попадете в доки? Вас насильно заставят сделать то же самое.

— Так в чем же разница между ними и вами?

— Даже при своей невинности вы должны понять, что я овладел вами любя, они же просто задерут вам юбку на голову и будут по очереди делать все, что им захочется.

— У меня нет юбки! — выдохнула Риган. — На мне только рваная ночная сорочка. Тревис в отчаянии вскинул руки.

— Вы видите только то, что вам хочется видеть, разве не так? Поэтому моя обязанность — защитить вас от самой себя и от ваших наивных мечтаний, а еще от тех людей, которые вас обидят.

— Вы не имеете права! Прошу вас, пожалуйста, отпустите меня!

Как будто не услышав этих слов, Тревис подошел к двери и крикнул вниз, чтобы принесли ужин. Закрыв дверь, он сказал:

— Когда вы поедите, вам станет лучше.

— Я не голодна, — заносчиво ответила она. Тревис взял ее за подбородок и заставил посмотреть себе в глаза.

— Вы будете есть, даже если мне придется кормить вас насильно. — Утратив прежнюю доброту, его взгляд стал жестким.

В ответ она смогла только кивнуть.

— Так почему вы не хотите надеть одно из этих платьев? — уже веселее спросил он. — Вам сразу станет лучше.

— Вам придется выйти из комнаты, — ответила она слабым голосом, все еще помня его угрозу. До сих пор она несколько его не боялась.

Вздернув при этих словах одну бровь, Тревис поднял ее с кровати и поставил на пол.

— У вас нет ничего, что бы я еще не видел. А если не хотите, чтобы хозяин застал вас в таком виде, то вам лучше одеться.

Посмотрев на платья, которые бросил ей Тревис, она поняла, что он не купил ей белье. Но она ни за что на свете не стала бы просить его, поэтому надела бархатное платье прямо на голое тело. Едва она застегнула последнюю пуговицу, как в дверь постучал хозяин.

Платье было с высокой талией, а глубокий вырез был задрапирован газом. Увидев свое отражение в зеркале, висевшем напротив кровати, она обрадованно отметила про себя, что это туалет так отличается от тех полудетских платьев, которые она носила до сих пор. Вьющиеся волосы, струившиеся по спине, сияющие глаза, покрасневшие щеки — все эти детали дополняли образ женщины, которой только что обладали и которая получила от этого удовольствие.

Любопытный взгляд хозяина заставил Тревиса чуть ли не вытолкнуть его за дверь.

— Зачем вы это сделали? — в испуге спросила Риган, пытаясь понять, не ревнует ли Тревис.

— Не хочу, чтобы ему в голову приходили грязные мысли, — ответил Тревис, сняв крышку с блюда, где лежал кусок ростбифа. — Завтра мне опять придется оставить вас одну. А если ему взбредет в голову, что вы мне безразличны, он способен прислать кого-то еще. Меньше всего мне хочется перед самым отплытием попасть в драку или еще какую-нибудь другую историю. Ничто не мешает мне вернуться домой. Я и так слишком много времени провел в этой чертовой стране.

Сдавшись, Риган села на предложенный им стул. После первого глотка она почувствовала, как давно не ела. Последний раз — при воспоминании об этом глаза ее погрузнели — она ужинала с дядей и Фаррелом.

— В чем дело? — спросил Тревис, накладывая ей еду на тарелку.

— Ни в чем. Просто я .. — Она вскинула голову. — Мне не нравится быть пленницей, вот и все.

— Не хотите — не говорите. А теперь ужинайте, пока не остыло.

Все время ужина Тревис пытался разговорить ее, но она отмалчивалась, опасаясь, что нечаянно даст ему понять, где живет. Возможности вернуться к прежней жизни у нее не было. После того, что произошло предыдущей ночью, она, вероятно, уже больше не может считаться настоящей леди.

Накрыв ее руку своей рукой, Тревис наклонился к Риган.

— Это позор, что англичанкам внушают, будто акт любви не должен доставлять удовольствия, — с сочувствием сказал он, правильно истолковав ее мысли. — В Америке женщины ближе к природе; они любят своих мужчин и не стесняются показать это.

Она выдавила из себя неискреннюю улыбку.

— Так почему бы вам не вернуться в Америку к тем женщинам?

Тревис расхохотался так, что зазвенели тарелки, а потом поцеловал ее в щеку, — Так вот, малышка, мне тут нужно кое-что написать, а вы пока ложитесь в постель и ждите меня, или...

— Или лучше я уйду.

— Вы слишком наивны, если не сказать сильнее...

«А вы упрямы», — подумала она, глядя, как Тревис сложил тарелки на поднос и выставил его за дверь. Позже, надев ночную сорочку и забравшись в просторную кровать, она смотрела на него, сидящего спиной к ней, и наблюдала, как он запускает руку в свои волосы, как его перо порхает над листом бумаги. Она сгорала от желания узнать, чем он занят, но не хотела спрашивать об этом, не хотела, чтобы их отношения переросли в более близкие.

Вытянувшись на кровати, она стала мечтать о том, как Фаррел придет ей на помощь и победит американца в схватке на шпагах. Дядя Джонатан тоже будет здесь, он станет вымалывать прощение и говорить, что без нее ему совсем одиноко. Представив, как Тревис съезжится от страха, она улыбнулась. В своих мечтах она грезила о том, как, высвободившись из объятий Фаррела, подойдет к Тревису, протянет ему руку и простит его, прикажет ему вернуться в Америку и забыть ее — если он сможет.

Когда Тревис скользнул в кровать и лег рядом с ней, она сделала вид, что спит, но он только придвинул ее к себе, пощекотал за ухом, положил руку ей на живот и быстро заснул. Как ни странно, она почувствовала, что и сама может заснуть.

Проснувшись утром, Риган обнаружила, что одна в комнате. Не успела она открыть глаза, как в дверь вошла служанка.

— Прощу прощения, мисс, я-то думала, что вы еще спите. Мистер Тревис распорядился принести вам горячей воды.

Риган решила не унижаться перед служанкой просьбами выпустить ее на волю. Она приказала девушке принести таз и горячей воды. К ее удивлению, купание доставило ей удовольствие. Это было чуть ли не наслаждением — делать все самостоятельно. В прошлом ее и одевала и мыла ей голову служанка, а дядя покупал дешевую детскую одежду.

Вымывшись, она высушила полотенцем волосы, съела обильный завтрак и надела голубое шелковое платье, скрыв глубокий вырез воздушным шарфом, расшитым цветами всех оттенков голубого.

День тянулся долго, и поскольку Риган заняться было нечем, она заскучала. В комнате было довольно прохладно, но камина в ней не было, поэтому она расхаживала из угла в угол и терла себе руки и плечи. Весеннее солнце почти не проникало в комнату, и все же теплее всего было около окна. Она придвинула к нему стул, рассеянно посмотрела в окно и погрузилась в мечты, начав с того, что посадит у себя в саду, а закончив тем, что никогда не простит Тревиса и разрешит Фаррелу пронзить его шпагой насквозь.

Когда солнце стало клониться к закату, она услышала голос, который мог принадлежать только Тревису — глубокий, мелодичный и веселый — и сердце ее учащенно забилося. Естественно, это объяснялось только ее долгим одиночеством, и все же, когда он вошел, она с трудом скрывала радость.

Его большие карие глаза скользнули по ней, и он приветственно улыбнулся.

— Платье вам идет, — сказал он, снимая шляпу и куртку. Тяжело опустившись на стул, он глубоко вздохнул. — Легче целый день проработать в поле, — сообщил он. — Ваши соотечественники — просто ограниченные снобы. Я с трудом заставлял людей выслушать мои вопросы, не говоря уж о том, что не смог добиться от них ответа.

Пытаясь казаться безразличной и скрыть любопытство, Риган принялась водить пальцем по краешку стола.

— Может быть, им не понравились ваши вопросы.

Но ее вид не обманул Тревиса:

— Я только хотел узнать, не пропала ли где хорошенькая, но вздорная юная женщина.

Она открыла рот, чтобы ответить, но тут сообразила, что это ловушка.

— И что же вы узнали? Тревис был озадачен.

— Я не только не смог узнать о пропавшей девушке, похожей на вас, но даже не нашел никого, кому хотя бы встречалась женщина, соответствующая описанию.

Риган нечего было ответить. В усадьбе Уэстон Мэнор никогда не бывало гостей. О жизни вне усадьбы она знала только по рассказам своих служанок и гувернанток, из их болтовни о любви и галантных джентльменах, о мире за стенами ее дома. Разумеется, ее никто не знал. Глядя на нее, Тревис пытался угадать, о чем она думает. Весь день его мучил один и тот же вопрос: как с ней поступить, когда настанет пора отплывать в Америку? Он не сказал ей о том, что нанял троих, чтобы навести о Ней справки. В ту ночь, когда он нашел ее, она не могла бежать издалека, следовательно, она живет либо в Ливерпуле, либо где-то поблизости — или же оказалась здесь проездом. Проверив все жилые дома в этой местности, он понял, что Риган живет именно здесь, но не мог найти никаких следов ее. Словно той темной ночью в доках она возникла из небытия.

— Вы убежали из дома, — спокойно сказал он, надеясь, что выражение ее лица подтвердит этот вывод. — Одного только не могу понять — от кого вы скрываетесь и почему никто не перевернул все вверх дном, разыскивая вас.

Отвернувшись, Риган пыталась не думать о том, что объясняется это просто: людей, в чью любовь к себе она верила, не интересовало, где она.

— Могу понять только одно, — продолжал он. — Вы что-то совершили, и ваши родственники на вас рассердились. Я твердо знаю, что вас не поймали в постели с сынком садовника. Стало быть, вы отказались выполнить то, чего они от вас добивались. Вы что, отказались выйти замуж за богатого старого дурака?

— Ничего подобного, — заносчиво ответила она.

Тревис только рассмеялся, поняв по ее глазам, что не далек от истины. Но за смехом он скрыл свои подлинные чувства. Его страшно рассердила мысль о том, что кто-то смог так легко вышвырнуть на улицу непорочную девушку в одной ночной рубашке. Такое могло случиться в разгар скандала; но как же могли они не броситься на поиски и сидеть сложа руки?

— И я подумал, что, коль скоро у вас нет особой причины оставаться в Англии, вам, может быть, лучше уплыть со мной в Америку.

Глава 4

— Что! — Риган даже задохнулась — так потрясли ее эти слова. — В Америке полно неграмотных грубиянов, и живут они в деревянных хижинах. Что там есть еще помимо кровожадных индейцев и страшных животных, не говоря уже о высоких дикарях! Нет, ничто не заставит меня поехать в вашу отсталую страну.

Глаза Тревиса быстро утратили веселое выражение, он встал и двинулся к ней.

— Проклятая англичанка! То же самое я слышу каждый день от ваших соотечественников — «джентльменов». Меня щелкают по носу за то, как я говорю или одеваюсь, или потому, что у кого-то родственник погиб на войне в те времена, когда я был еще мальчишкой. Мне, черт побери, надоело, что на меня смотрят как на нечто дрянное, и я не желаю этого слышать от тебя!

Риган отпрянула и, защищаясь, рукой закрыла шею.

— Хватит мне ходить вокруг тебя на цыпочках: отныне будешь делать то, что я скажу. Если бы я оставил дитя вроде тебя одну здесь, где у тебя нет ни единого друга, я никогда бы себе этого не простил. Не буду докучать тебе рассказами о том, что такое Америка, раз ты сама так

хорошо это знаешь, но зато в моей стране девочек не выбрасывают из дома за одно только непослушание. Когда мы приплывем в Виргинию, ты сама выберешь себе занятие, которое подобает английской «леди», — он произнес это слово с презрением, — более достойное, чем шляться по улицам. А ведь это тебя и ждет, если я оставлю тебя здесь.

Прищурившись, он посмотрел на Риган, прижавшуюся к стене.

— Ясно? — не дав ей возможности сказать хоть слово, он стремительно вышел из комнаты и запер за собой дверь.

— Да, Тревис, — прошептала она ему вслед. Она обрадовалась, что он ушел, поскольку в присутствии Тревиса вообще не могла думать. По крайней мере, раз она его так рассердила, он не заставит ее заниматься в постели этими ужасными вещами и, может быть, даже отпустит ее совсем, если она его совсем разозлит. Улыбаясь, Риган села и стала обдумывать свой побег, мечтая о том, как хорошо будет бежать от этого грубияна американца. Подумать только! Как ему могло прийти в голову, что она поедет в Америку!

Съездившись на стуле, она завернулась в одеяло и представила, насколько ужасна Америка, а потом вспомнила рассказы служанки, чей брат плывал в эту страну и, вернувшись, рассказывал зловещие истории с множеством кровавых подробностей.

Когда огонек свечи погас, и комната погрузилась во мрак, она стала поглядывать на дверь, задаваясь вопросом, когда же вернется Тревис. Уже глубокой ночью она встала со стула и вскарабкалась в просторную холодную кровать и зарылась в подушки. Это было не так приятно, как рядом с большим теплым телом, однако она немного согрелась. Наутро у нее болела голова, и настроение было ужасное. Ее возмутило, что этот американец на целую ночь оставил ее одну без всякой защиты, на милость любого, кто смог бы подобрать ключ к ее комнате. То он говорит о том, как будет о ней заботиться, то вдруг бросает совершенно беспомощную.

Ее мрачные мысли прервал торопливый стук, и дверь открылась. Риган сложила руки на груди и вскинула голову, готовясь показать Тревису, что его уход ее совершенно не тронул. Но вместо низкого голоса Тревиса раздался легкий женский смех. Риган задохнулась от изумления, когда увидела, как в комнату входят три женщины, неся какие-то толстые книги и корзины.

— Вы мадемуазель Риган? — спросила хорошенькая миниатюрная брюнетка. — Меня зовут мадам Роза, а это мои помощницы. Мы пришли сшить вам одежду для путешествия в Америку.

Риган потребовалось несколько минут, чтобы осознать происходящее. Как оказалось, Тревис нанял бежавшую из Франции мадам Розу, которая в прошлом была портнихой одной из дам в свите королевы Марии Антуанетты, чтобы она подготовила полный гардероб для его пленницы. Взбешенная его наглостью, Риган не вымолвила ни слова, а только сидела на кровати и отсутствующим взглядом смотрела на пришедших. Но увидев их удивленные лица, она поняла, что не имеет права выплеснуть на них свой гнев. Она поссорилась с Тревисом Стэнфордом, а не с этими женщинами, которые лишь выполняли свою работу.

— Пожалуй, я взгляну на то, что вы принесли, — устало сказала она, вспоминая все случаи, когда дядя разрешал ей выбрать себе одежду: он позволял ей покупать только розовые, голубые или белые ткани, а отделку вышивала она сама с помощью служанок.

Радостно улыбаясь, портниха и ее помощницы стали раскладывать на кровати образцы. Казалось, многообразию расцветок и разных видов тканей не будет конца; большинство из них

Риган даже не доводилось видеть. Одного бархата было более дюжины видов, а атласа и полотна — еще больше, полдюжины разновидностей шелка, и каждая из них — самых разнообразных оттенков. На одном уголке кровати разложили шерстяные ткани, и Риган в восторге взидала это изобилие: кашемир, множество видов шотландки, какая-то мягкая пушистая материя — ей сообщили, что это ангорская шерсть. А какие там были муслины: казалось, их сотни, — полосатых, пестрых, набивных, с вышивкой, плиссированных — и все различного цвета.

В изумлении Риган оторвалась от созерцания тканей и, широко раскрыв глаза, посмотрела на мадам Розу.

— Конечно же, еще есть и отделка, — сообщила портниха и попросила принести образцы.

На смену тканям появились перья, а за ними — бархатные и атласные ленты, украшенные кружевом ручной работы и крошечными жемчужинами, серебряные нити, блестящий черный бисер, цветы из шелка, сеточки из золота и замысловатые витые застёжки из тесьмы.

От удивления Риган не могла шелохнуться, а только любовалась великолепием расцветок.

— Возможно, мадемуазель, мы пришли слишком рано, — извиняющимся тоном сказала мадам Роза. — Но месье Тревис сказал, что мы должны уложиться в один день и успеть раскроить все до вашего отплытия. Он нанял портниху — она поплывет с вами и на корабле будет все время шить, так что к прибытию в Америку платья будут готовы.

В голове у Риган начал проясняться, и она спросила себя, а понимает ли Тревис, во что он впутался. Вряд ли этот колонист отдает себе отчет, сколько стоят женские туалеты. Разумеется, дядя Джонатан внушил ей представление о безумных деньгах, которые приходится платить портным.

— А Тревис спросил у вас, сколько все это будет стоить?

— Нет, мисс, — удивленно проговорила портниха. — Вчера он пришел ко мне поздно вечером и сказал, что, по слухам, я самая лучшая в Ливерпуле портниха и что он хочет заказать для одной юной леди полный гардероб. О цене мы не договаривались, но, я так поняла, месье Тревиса этот вопрос не интересует.

Риган собралась было ей ответить, но только улыбнулась. Вот как! Этот могучий настырный колонист считает, что все еще находится в лесах Америки! Будет довольно приятно провозиться целый день с тканями, отделкой, помечтать о том, какой у нее будет богатый гардероб, а затем увидеть лицо Тревиса, когда он получит счет на такую сумму, какой и представить себе не мог. Естественно, она потребует, чтобы счет представили до того, как портниха начнет кроить:

Риган не хотелось, чтобы та оказалась в убытке, когда выяснится, что Тревис не сможет оплатить счет.

— С чего мы начнем? — весело спросила она, улыбнувшись при мысли о том, как накажет хвастуна.

— Пожалуй, с платьев на каждый день, — предложила мадам Роза, взяв образцы муслина.

Однако спустя несколько часов эта затея уже не вызывала у Риган такого удовольствия. Как жаль, что у нее не будет всех этих туалетов — ведь она придумала такой гардероб, который

достоин принцессы. Она заказала повседневные платья из муслина всевозможных расцветок, бальные туалеты из атласа и бархата, платья для прогулок, амазонки, которые вызвали у Риган приступ смеха: ведь она не умела ездить верхом, пелерины, плащи, рединготы, спенсеры, а также кучу ночных сорочек, корсетов и отороченных кружевами нижних юбок. На ее наряды пошли почти все принесенные портнихой ткани.

Им принесли обед, и Риган вздохнула с облегчением, радуясь, что утомивший ее отбор туалетов закончился.

— Но мы только начали, — сказала мадам Роза. — После обеда придут меховщик, модистка, обувщик и перчаточник. С вас, мадемуазель, снимут все мерки.

. — Разумеется, — прошептала Риган. — Как я могла забыть!

К вечеру она перестала чему-либо удивляться. Меховщик принес шкурки соболя, шиншиллы, горностая, бобра, рыси, волка и ангорской козы. Потом она подбирала подкладки, воротнички и манжеты к уже заказанным платьям. Башмачник взял с собой образцы тканей, чтобы покрасить кожу для мягких туфель без каблучков, и описал, какие сапожки для прогулок он сошьет. Модистка с мадам Розой договорились о шляпках и белье.

К вечеру все устали, особенно Риган. Ей стало неловко при мысли о том, что вся эта работа пойдет насмарку, поскольку ни один американец не сможет оплатить всю заказанную ею одежду. Она попросила мадам Розу передать счета Тревису до того, как раскроют хотя бы один кусок материи, чтобы они были оплачены заранее. Портниха вежливо улыбнулась и пообещала прямо к утру все подготовить.

Наконец, оставшись одна, Риган в изнеможении опустилась на стул, утомленная этим долгим днем и постоянным чувством вины. С самого утра она знала, что все это игра и что все эти люди придут в возмущение, когда поймут, что работа, на которую они потратили целый день, не будет оплачена. К тому времени, когда на лестнице раздались тяжелые шаги Тревиса, она совсем пала духом: ведь это именно он виновник всего. Когда дверь распахнулась, она бросила в Тревиса туфельку и попала ему в плечо.

— В чем же дело? — улыбнулся он. — А я-то думал, что тебе будет приятно меня увидеть. Ты ведь постоянно жаловалась, что тебе нечего надеть.

— Я не ожидала, что вы возьмете на себя эти заботы! У вас нет на меня никаких прав. Вы не посмеете увезти меня в вашу варварскую страну. Я никуда не поеду, слышите? Я англичанка и остаюсь в Англии.

— Где же ваша семья и друзья? — язвительно спросил он. — Я опять целый день пытался выяснить, где ты жила раньше, но так ничего и не добился. Чтоб им пусто было! — добавил он, запустив пальцы в волосы. — Ну что это за люди, которые так легко отказались от такого ребенка?

Должно быть, на нее подействовала усталость после бессонной ночи и утомительного дня, и Риган расплакалась. Последние часы она пребывала в такой ярости, что ей некогда было размышлять над тем, какие чувства вызвали в ней слова Фаррела о том, как ему ненавистна женитьба на ней, и заявление дядюшки, что он ее презирает. В течение нескольких дней она жила надеждой, что они спасут ее, но Тревис, вне всякого сомнения, заглядывал в их дом. Неужели Фаррел и дядя Джонатан отреклись от Риган, сказали, что не знают ее?

Она не успела произнести ни слова — Тревис обнял ее. Она сначала отталкивала его, пытаясь

сопротивляться.

— Оставьте меня в покое, — слабо прошептала девушка, но все ее усилия вырваться из его объятий оказались тщетными, так как Тревис крепко держал ее, и в конце концов Риган спрятала лицо у него на груди, и ее тело сотрясли рыдания.

Тревис сразу же подхватил ее на руки и сел на стул, обняв ее как ребенка.

— Поплачь, киска, — ласково сказал он. — Если уж кому это нужно, так прежде всего тебе.

Она заплакала еще горше, когда поняла, что этот чужой ей человек, который овладел ею и готов был заботиться о ней, ласково обнимает ее, тогда как те, кто обязаны опекать ее, от нее отказались. Но хуже всего было то, что она лишилась надежды, что Фаррел спасет ее, что она снова увидит любимого человека. Теперь ей никогда уже не удастся доказать ему, что она может стать хорошей женой. Ее увезут в Америку, и им даже не будет известно, где она.

Когда рыдания девушки стали стихать, Тревис погладил ее по голове.

— Скажи, почему ты так расстроена?

Не могла же она рассказать ему про Фаррела!

— Потому что я ваша пленница! — как можно тверже ответила она, оторвавшись от его плеча.

Тревис по-прежнему гладил ее волосы, потом терпеливо и сочувственно заговорил:

— По-моему, до нашей встречи, ты как раз и была в плену. А иначе бы тебя не выбросили, как какой-то хлам.

— Хлам! — Она даже задохнулась, — Да как вы смеее так говорить!

Тревис удивленно улынулся ей:

— Я же не говорю, что это ты — хлам. Я сказал только, что к тебе так где-то относятся. Вот только понять не могу — почему ты готова вернуться к этим людям.

— Я... я... никто... — И она снова заплакала. Этот Тревис так грубо называл вещи своими именами.

— Что же дурного в том, что ты сирота?. — продолжал он. — Вот я уже много лет, как потерял родителей. А может быть, мы подходим друг другу...

Риган подняла на него глаза. Ей трудно было представить, что этот человек мог хоть кому-нибудь подходить. Что бы Тревис ни говорил, он наверняка привык похищать девушек и держать их взаперти.

— Не очень-то мне нравятся твои мысли. — предупредил он. — Если ты что-то вбила себе в голову, то знай — я отвечаю за то, что мне принадлежит.

— Вам принадлежит! — воскликнула она. — Я же совсем вас не знаю!

Он улынулся и прижался к губам Риган, целуя ее так нежно и бережно, что она неожиданно обвила руками его шею.

— Ты достаточно знаешь меня, — хрипло проговорил он. — И запомни — ты моя.

— Я не ваша! Я... — голос ее ослабел, когда Тревис начал покрывать ее шею быстрыми легкими поцелуями, и, вздохнув, Риган склонила голову набок.

— Ты — искусительница. — Он засмеялся. — И из-за тебя вся моя работа стоит. — Он решительно снял ее с колен. — Как ни хочется остаться с тобой, но меня ждут дела. И боюсь, что на целую ночь. Ты знаешь, что мы отплываем послезавтра?

Понурившись, Риган молчала. Как быстро и безотчетно откликнулась она на его зов!

«Послезавтра!» — подумала она. Если она решится от него освободиться, это нужно сделать как можно быстрее.

— И ты не поцелуешь меня на прощание? — пошутил Тревис, остановившись возле двери. — Разве ты не хочешь, чтобы это согрело меня вдаль от тебя?

Схватив вторую туфельку, она бросила ее в Тревиса, но теперь он ловко от нее уклонился. Хохоча, он запер за собой дверь и спустился вниз по лестнице.

Она ужасно устала. Не могло быть речи о том, чтобы не ложиться спать в эту ночь; но с каждой ночью кровать, как ей казалось, становилась все просторнее.

Ее разбудила тяжелая поступь — так могли звучать только шаги Тревиса, который пытался на цыпочках пройти по комнате. Не открывая глаз, она сделала вид, будто все еще спит, даже когда он склонился и поцеловал ее в щеку. Риган прислушалась — повернулся ли ключ в замке, но ничего не услышала и села. Протерев глаза, она убедилась в том, что зрение ее не обманывает — дверь была открыта настежь.

Не теряя ни секунды, она выпрыгнула из кровати, быстро надела бархатное платье и схватила туфли. Она тихо прикрыла за собой дверь, вышла на лестницу и стала спускаться вниз. В гостинице это была единственная комната, которая была расположена в стороне от всех остальных, и к ней вела узкая крутая лестница. Внизу, судя по запахам, находилась кухня. Вытянув шею, Риган увидела ногу и высокий сапог Тревиса у подножия лестницы. Ей сопутствовала удача, потому что на улице раздался стук лошадиных копыт и грохот нескольких повозок, потом мужской голос позвал на помощь. Риган обрадованно увидела, что Тревис бросился к двери.

Спустя секунду она уже была внизу, пробежала через пустую кухню, потому что прислуга выскочила на улицу, чтобы поглазеть на происходящее, и, наконец, оказалась на ярко освещенной солнцем улице.

Обуваться времени уже не было — Тревис очень быстро заметит ее исчезновение. Необходимо было убежать как можно дальше, и так, чтобы ее не обнаружили.

Но Риган никогда не доводилось бегать босиком по мостовым, к тому же прохожие стали обращать на нее внимание. Замедлив бег, она заметила между двумя домами темный проход, бросилась в него и присела на корточки между вонючими ящиками с рыбой.

«Думай!» — приказала она себе, потому что понимала — если она не учтет каждую мелочь, ей никогда не удастся не вырваться на свободу.

Присев на один из ящиков, она надела туфли и обвязала ленточками щиколотки. Сердце стало

биться спокойнее, и Риган задумалась, что же делать дальше. Куда пойти и где найти пристанище, пока она не найдет работу? Где укрыться, пока этот безумный американец не уплывет из Англии?

Задумавшись, она не сразу расслышала крики на улице, но вдруг увидела Тревиса: он стоял боком к ней, широко расставив ноги и уперев руки в бока. Только спустя несколько минут Риган поняла, что он ее не видит, и отдает кому-то приказы. То, как он распоряжался посторонними людьми, только укрепило ее решимость избавиться от этого человека. Она присела позади ящиков и съежилась, в надежде, что он ее не заметит.

Даже когда Тревис повернулся и побежал по улице в другую сторону, Риган не шевельнулась, потому что понимала: такой человек не отступится от своего. Нет, Тревис Стэнфорд был слишком уверен в своем праве, чтобы принимать в расчет чье-либо мнение. Уж если он держит кого-то под замком, то, конечно же, без борьбы не позволит пленнику сбежать.

Сохраняя неудобную позу, Риган попыталась сообразить, что делать дальше. Прежде всего нужно выбраться из доков, а для этого нужно идти в сторону от моря. Ну, это сделать нетрудно, тем более, что половина дела сделана. Еще нужно решить, куда направиться из доков. Если бы она смогла найти дорогу к усадьбе Уэстон Мэнор, может быть, старая служанка Мэтта посоветовала бы, куда ей пойти.

Казалось, прошло несколько часов, но солнце по-прежнему светило ярко, а в доках было все так же шумно и людно. Собравшись с мыслями, Риган изо всех сил старалась не замечать, как у нее сводит ноги и болит спина. Дважды мимо нее прошел Тревис, и во второй раз она чуть было не окликнула его. Боль, разлившаяся по всему ее телу живо напомнила ей, как она оказалась в доках. В тот раз, правда, на ней была только ночная сорочка, и она не могла рассчитывать, что ее примут за леди, раз она была одета как уличная женщина. Теперь же, в элегантном бархатном платье любой признает в ней леди и не осмелится тронуть ее пальцем.

Вновь собравшись с духом, она улыбнулась и попыталась привести в порядок волосы. У портнихи-француженки и ее помощниц были короткие стрижки в греческом стиле, и Риган спросила себя, не обрезать ли и ей волосы. Может быть, в новой жизни (что бы ее ни ждало) она обретет новый, еще более изысканный вид.

За размышлениями и мечтами она не заметила, как прошло время, и солнце стало клониться к закату. Риган чувствовала, что готова к новым приключениям. Она избавилась от этого ужасного американца и теперь могла по своему желанию идти куда захочет.

Преодолевая боль в ногах, она медленно выпрямилась, размяла усталые ноги, и когда встала на землю, то почувствовала, что ступни ее все изранены. Ссадины были покрыты засохшей кровью и после первого же шага опять стали кровоточить.

Собравшись с силами, она направилась, в сторону темнеющей улицы. «Ты — леди», — сказала себе Риган. Она должна ощущать себя леди, а не обращать внимания на такие пустяки, как ободранные и распухшие ступни. Если она будет держать плечи и спину прямо, а голову высоко поднятой, никто не станет докучать ей — никто не осмелится оскорбить леди.

Глава 5

Подобно лесному пожару по докам распространился слух о том, что здесь разгуливает юная хорошенькая женщина. Даже пьяные, которые едва держались на ногах, очнулись от забытья и, спотыкаясь, направились на ее поиски. Целый экипаж корабля, только что пришедшего в порт после трехлетнего плавания, захватил бутылки рома и ринулся туда, где, как было

известно с чьих-то слов, их ждала целая толпа женщин.

Изо всех сил скрывая страх, Риган старалась не обращать внимания на все прибывавшую толпу мужчин, окружавших ее. Некоторые из них беззубо улыбались, от них дурно пахло рыбой и грязью, они тянули свои мерзкие трясущиеся руки, чтобы потрогать бархат платья.

— В жизни такого мягкого не видал, — шептали они. — У меня никогда еще не было настоящей леди. — А что, с дамами это так же бывает, как и со шлюхами?

Она шла все быстрее и быстрее, отталкивая руки и возникавшие на ее пути тела. Она уже больше не думала о том, в каком направлении ей надо идти, единственной ее мыслью было — бежать!

Похоже, население доков издевалось над ней, как в ту ночь, когда она оказалась на улице в ночной рубашке. Но когда на нее наткнулись изголодавшиеся матросы, сравнительно безобидные игры закончились. Обнаружив, что здесь всего одна женщина, а никак не толпа, они обозлились и все свое бешенство обратили на эту единственную испуганную девушку.

— Ну-ка, дайте на нее взглянуть. Я хочу не только пощупать ее платьице, — прорычал какой-то молодой парень, протянул руку и вцепился в платье на плече Риган.

Ткань разорвалась, обнажив полную мягкую грудь, и окружившая ее толпа разразилась хохотом.

— Не надо, прошу вас, — шептала Риган, пятясь от матросов, но три пары рук задрали ей юбку и стали ощупывать ее ноги.

— Маленькая, а где надо, все у нее есть!

— Не теряй времени!

— Хватай ее!

Не успела Риган понять, что сейчас должно произойти, как ей вспомнились слова Тревиса о том, что ее силой принудят к тому, что совершил с ней он, и тут один из матросов сильно толкнул ее, и она упала на стоявших позади людей. Тщетно пытаясь закричать, она попробовала выпрямиться, но толпа сзади расступалась, жадные руки хватили ее. Матросы стояли над ней, зверски улыбаясь.

— А теперь посмотрим, что там под этими юбочками.

Один из них вцепился в ее юбку, и Риган изо всех сил ударила его в лицо.

Он отлетел и упал. Сзади кто-то схватил ее за руки и поднял над головой, крепко сжимая. Спустя секунду ее схватили за щиколотки и раздвинули ноги.

— Меня ты, красотка, не ударишь, — засмеялся один матрос, вцепившись в подол ее юбки.

Он возвышался над Риган, потешаясь над ее ужасом и беспомощными попытками вырваться из их рук, но вдруг отшатнулся и схватился за свое плечо, на котором быстро расплывалась красное пятно. Казалось, звук выстрела послышался только после того, как матрос отлетел в сторону.

Над их головами прозвучали еще два выстрела, прежде чем они начали понимать, что

происходит. Руки матросов по-прежнему держали Риган. Сначала наступила тишина, и внезапно она почувствовала, что хватка ослабла. Она стала отбиваться и освободила одну ногу. Спустя секунду через ее тело переступил взбешенный Тревис, и не успела толпа понять, что происходит, как он, хватая за руки, шеи, ремни — за все, что попадалось под руку — начал расшвыривать матросов и портовый сброд.

Содрогаясь от ужаса, Риган лежала неподвижно, и одна за другой руки отрывались от ее тела. Тревис присел спиной к ней, держа в каждой руке по пистолету.

— Кто еще хочет прикоснуться к леди? — бросил он.

Пятясь, эта трусливая банда диких зверей бормотала, что Тревис лишил их развлечения, но никто не осмелился открыто возразить грозному американцу.

Засунув пистолеты за пояс, Тревис повернулся, посмотрел на Риган, тяжело дышавшую от страха, и сразу понял, что ее одежда почти цела. Одним быстрым движением он наклонился и словно мешок с мукой вскинул девушку на плечо.

Задыхаясь, Риган кулаком ударила его по спине.

— Опустите меня! — потребовала она. Тревис сильно шлепнул ее — к счастью, толстый бархат ослабил силу удара, — а потом кивнул двум другим людям, которые своими пистолетами удерживали трусливую толпу на удалении, и зашагал в гостиницу.

Один из матросов, кому Риган попала в глаз, заорал ему вслед, что уж янки-то умеют обращаться с женщинами, а остальные расхохотались, радуясь, что не пришлось драться с этим свирепым американцем. Раненный Тревисом матрос заковылял прочь, в глубь порта.

Риган молча покачивалась в этой неудобной и унижительной позе, и радовалась, что длинные волосы скрывают ее лицо от прохожих и от людей в гостинице. Когда Тревис поднялся по лестнице и вошел в их комнату, она уже была готова сказать, что думает о его отношении к себе, и что он вряд ли лучше, чем уличный сброд.

Но смелость ее исчезла, когда Тревис бросил ее на кровать с такой силой, что, несмотря на пышный матрац толщиной в целый фут, она ударилась сквозь него о сетку. Задыхаясь, она подняла голову, откинула волосы и подняла глаза на побагровевшее взбешенное лицо Тревиса. Он не дал ей сказать ни слова:

— Знаешь, как я нашел тебя? — процедил он. На его щеках ходили желваки, кулаками он уперся в бока. — Я нанял людей, чтобы они прошли по порту и сообщили мне, если где-то поднимется шум. Я знал, что дождусь, когда ты где-то появишься; ясно было — когда это произойдет, они облепят тебя как мухи. — Наклонившись, он резко бросил:

— Ты продержалась дольше, чем я думал. Где ты была? Пряталась?

По ее лицу он понял, что угадал. В отчаянии Тревис вскинул руки, расхаживая по комнате тяжелой поступью.

— Да что же, черт возьми, мне с тобой делать! Придется держать тебя под замком, чтобы защитить от самой себя. Неужели ты не имеешь представления о том, что происходит в мире? Я же объяснял тебе, что произойдет, если ты уйдешь отсюда, а ты мне не поверила. Нет, тебе нужно было, чтобы над тобой надругались, а может быть, и убили. В первый раз я тебя увидел, когда за тобой гнались мужчины, и теперь, по твоей же вине, это опять произошло. Ты думала,

что во второй раз будет по-другому?

Придерживая порванный ворот платья, она перебирала великолепный бархат юбки. Ей хотелось думать, будто случившееся с ней — всего-навсего кошмарный сон. Она прошептала:

— Я думала, что раз одета как леди, они не станут...

— Что? — рявкнул Тревис, потом упал на стул. — Да никому и в голову не придет рассуждать подобным образом...

Он остановился и посмотрел на эту девушку — крохотную, дрожащую, с длинной царапиной на щеке — и опять почувствовал себя хозяином ее судьбы.

— Больше говорить не о чем. Завтра ты поплывешь со мной в Америку.

— Нет! — вскрикнула она, подняв голову. — Я не могу, я должна остаться в Англии. Здесь мой дом.

— Неужели тебе нужен дом, где каждый раз, выйдя на улицу, ты будешь подвергаться нападению? Хочешь, чтобы сегодняшняя история повторилась?

— Это не настоящая Англия! — умоляющим тоном ответила она. — Есть же здесь прекрасные люди и дома, полные любви, дружбы и...

— И чего? — резко спросил он. — Денег? Именно в деньгах и заключается вся разница между местными негодьями и благородным сословием, которое ты обожаешь. Аристократами, которые выгнали из дома невинное дитя, вроде тебя. А мне сдается, что эти замечательные люди, которых ты знаешь, — примерно то же самое, что свора, пытавшаяся тебя раздеть.

В глазах Риган стали медленно наполняться слезами, и когда она подняла голову, Тревис увидел в них горечь.

Риган подумала, что не может жить без мечты, ей нужно верить в любовь и красоту. Должно же что-то заполнить пустоту, возникшую в ее жизни.

Не совсем понимая, о чем думает Риган, Тревис догадался, как она унижена, и при виде ее слез смягчился. Он тут же сел рядом с ней на кровать и обнял ее, пытаясь защитить от мучительных воспоминаний.

— Ты полюбишь Америку, — ласково сказал он, поглаживая ее волосы. — Народ у нас хороший, честный, ты понравишься нашим людям. Я познакомлю тебя с половиной населения Виргинии. Не успеешь глазом моргнуть, как у тебя появится множество друзей — ты сама знать не будешь, что с ними делать.

— Друзей? — прошептала она, прижавшись к Тревису, и только сейчас начала понимать, как сильно пережитое в порту подействовало на нее. Она все еще ощущала на своем теле цепкие жадные руки.

— Ты даже не представляешь себе, сколько в Америке замечательных людей. У меня есть младший брат, Уэсли, которому ты понравишься. И, конечно же, я знаю Клея и Николь. Николь — французенка, и как примется лопотать по-французски, что молния за ней не угонится.

— А она красивая? — Риган всхлипнула.

— Почти такая же красивая, как ты, — улыбнулся он, лаская ее волосы. — Когда я уезжал, она как раз должна была рожать. Ребенку сейчас уже несколько месяцев. К тому же у нее уже есть пара близнецов.

— Близнецов?

Засмеявшись, Тревис отодвинул ее и вытер ее слезы — Неужто ты так и не поняла, что я забираю тебя в Америку не в наказание и не потому, что мне нравится похищать девочек? Да просто у меня нет выбора! Ничего другого я для тебя сделать не могу.

По обыкновению назвав вещи своими именами, он попытался ее успокоить. Но слова Тревиса произвели на Риган обратное впечатление. Ее дядя и Фаррел тоже говорили, что вынуждены с ней мириться, а ей так надоело быть людям в тягость.

— Пустите меня! — вскрикнула она и оттолкнула Тревиса.

— Так в чем же дело на этот раз?

Повернув голову, она попыталась укунить лежавшую на ее плече руку.

Тревис опять толкнул ее на кровать и потерял руку.

— Я тебя совсем не понимаю. Всего час назад я спас тебе жизнь, а сейчас пытаюсь как можно мягче объяснить тебе, что защищаю прежде всего твои интересы, а ты на меня набросилась. Я тебя совсем не понимаю.

— Поймите же! — выдохнула она. В ее глазах горел огонь. — Мне бы не пришлось от вас убегать, если бы вы не держали меня взаперти. И меня бы не пришлось спасать, если бы я не встретила вас. Можно сказать, что вы спасли меня от самой себя, но для себя.

В изумлении открыв рот, Тревис воззрился на нее:

— Вам всегда в голову приходят такие мысли? Вы всегда идете к цели десятью разными извилистыми дорогами?

— Полагаю, вы использовали это американское выражение для того, чтобы скрыть полное отсутствие логики в ваших словах. Все дело в том, что я ваша пленница и прошу освободить меня, — заносчиво ответила Риган, сложив руки на груди и гордо отвернувшись.

Гнев Тревиса быстро иссяк, и он попытался подавить разбиравший его смех. Судя по всему, она не очень-то разбиралась в значении слова «логика». Тревису захотелось еще раз объяснить Риган, что с ней случится, если он ее отпустит. Но раз она дважды подверглась нападению, и это на нее не подействовало, у него не было желания объясняться с ней опять. И не будет он рисовать ей прекрасный образ Америки. Осталось только дать ей возможность самой увидеть эту страну. Он даже был готов открыть Риган дверь и позволить ей еще раз попробовать выбраться из доков, или же нанять для нее кэб, чтобы ее отвезли, куда ей хочется.

При этой мысли сердце его сжалось. Если он выпустит Риган, ему, наверное, больше никогда не придется увидеть ее, этого маленького зверька, смотревшего на мир сквозь розовые очки. Мысль о долгом морском путешествии без нее, о том, что ему придется остаться в одиночестве, наполнила его сердце горечью.

— Ты поплывешь со мной в Америку, — твердо заявил он и коснулся рукой ее обнаженного

плеча. Если раньше он очень остро ощущал свою вину за то, что обесчестил эту невинную девушку, и потому в течение двух ночей удерживался от искушения, то сейчас все пережитое за этот день, а также ее притягательность — обнаженные плечи и полуобнаженная грудь, заставили его совершенно забыть о логике.

— Не прикасайтесь ко мне, — высокомерно приказала она.

— Мы можем расходиться в вопросах ., логики, — при этом слове он улыбнулся. — Но есть одна сфера, где у нас с тобой, пожалуй, нет расхождений.

Риган искренне хотела избежать близости с Тревисом, но нельзя было не отозваться на прикосновение его руки — широкой, теплой, чувственной ладони, поглаживавшей ее шею. Она пыталась сделать вид, будто произошедшее никак не отразилось на ней, показать ему, что она смелый и волевой человек, хотя на самом деле готова была взобраться ему на колени и спрятать голову у него на груди. Она еще никогда не была так счастлива, как тогда, когда увидела его в порту с пистолетами в руках.

Отвернувшись, она чувствовала, как его пальцы ласкают ее шею; она закрыла глаза, а он принялся гладить ее другой рукой.

— Ты устала, милая, правда? — шепнул Тревис, и давление его руки усилилось. — Мышцы онемели?

Она слабо кивнула, ощущая, как ее тело расслабляется. Риган не знала, что он делает. Единственное, что она понимала — каким-то чудом он добился того, что напряжение спало с нее. Она закрыла глаза и отдалась во власть его рук. Как в тумане она ощущала, что он снимает с нее платье и кладет ее нагое тело на кровать лицом вниз. Ласковые глубокие звуки его голоса усилили новое для нее ощущение удовольствия.

— Еще мальчиком я три года плавал на китобойных судах, — сказал он. — Работа там была ужасная, зато мы останавливались в разных портах, например в Китае, где меня обучили вот этому.

Где бы он этому ни обучился, все равно она была ему благодарна. Его руки погружались в ее тело, временами даже причиняли боль, но она быстро поняла, что, когда расслабляется, боль уходит. Пальцы Тревиса разминали мышцы, изгоняя ломоту, возникшую от долгого сидения, съезжившись, в переулке. Постепенно прошли судороги в ногах и икрах. Когда он занялся ее ступнями, ее тело глубоко вдавилось в мягкий матрас. К своему изумлению она почувствовала, что даже руки могут испытывать напряжение.

Риган расслабилась так, что не могла шевельнуться, поэтому он сам перевернул ее и возобновил свои целительные движения. Начав со ступней, он поглаживал, постукивал, разминал, вдавливал, ласкал каждую сантиметр ее тела. Когда он принялся за ее лицо, мягко касаясь щек и кожи вокруг носа большими пальцами, она почти потеряла сознание.

Совершенно расслабившись, Риган не сознавала, насколько чувственным был массаж, насколько прикосновение сильных рук Тревиса, его взгляд, ласкающий ее обнаженное тело, разбудили ее страсть. Она казалась себе кошкой, вытянувшейся на солнце, все мышцы успокоились в предвкушении того, что ждало ее впереди.

Когда Тревис начал массировать ее бедра, это показалось ей вполне естественным. На губах Риган появилась нежная улыбка ожидания, глаза она не открывала, желая только почувствовать, подчиняться своим ощущениям. То ли давление рук Тревиса стало нежнее, то ли через

кончики пальцев его желание передалось ей — хотя и было скрытым, но она поняла его, — Да, красавица, — прошептал он глухим голосом и глубоко задышал.

Он не касался ее тела губами, он не прижимался к ней, он ласкал ее только руками — замечательными, большими, сильными руками, которыми на ее глазах легко расшвыривал взрослых мужчин. Широкие мозолистые пальцы были умелы и ловки, своей нежностью они пробуждали Риган, снова возвращаясь туда, где они только что были.

Риган почувствовала, как внутри ее тела раздался гул, как будто заработала какая-то древняя машина. Слегка прогнувшись, ритмичными движениями она отдавала ему свое тело.

— Прошу вас, — прошептала она, глядя его руки и проводя пальцами по мышцам. — Прошу вас...

Тревис сразу же повинился ей, потому что уже находился на грани взрыва. Сама по себе чувственность их близости и красота ее миниатюрного юного тела заворожили его, и он медленно, очень медленно вошел в нее, ни на миг не нарушая их нежного блаженства.

Риган знала о плотской любви уже достаточно, чтобы продлить это ощущение, и следовала за ним, как будто они были двумя небесными телами, слившимися в вечном союзе. И все же она не могла долго сдерживать себя, поэтому вскоре ее дыхание участилось и она впиалась руками в тело Тревиса. Спустя несколько секунд их ласка переросла в ярость, желание превратилось в ненасытный голод.

Когда же наконец их страсть достигла предела, Риган вскрикнула и ощутила, как к глазам ее подступают слезы — настолько велика была сила внутреннего освобождения.

Несколько минут она лежала неподвижно, плывя в пустоте, успокоенная и счастливая, расслабленная и тихая.

Тревис медленно оторвался, подпер голову рукой и посмотрел на Риган. Его карие глаза потемнели, и она впервые заметила, насколько густы его короткие ресницы.

«Кто он такой? — подумала она. — Кто он, заставивший мое тело подчиниться божественной музыке?» Он молчал, а девушке казалось, что она видит его впервые. Она была его пленницей, и все же он о ней заботился, вел себя так, будто она ему нужна, и даже несколько раз, казалось, испытывал угрызения совести из-за того, что сделал ее своей рабыней. Кто же, что за человек мог быть одновременно таким добрым и таким властным?

Разглядывая Тревиса, она подумала о том, как мало знает о нем. О чем он думал, кого он любил, и кто любил его? Она притронулась к его щеке и провела по ней пальцами. Неужели этот мужчина, который, кажется, считает, что ему принадлежит весь мир, создан для того, чтобы любить? Доступно ли простой женщине сделать его своим рабом, взять его сильно бьющееся сердце в свои маленькие ручки?

Она провела рукой по его голой груди, ладонью ощутила, как пульсирует сердце, запустила пальцы в волосы на груди, а потом, неожиданно для себя, дернула их.

— Перестань, маленькая чертовка, — пробормотал он и поцеловал ей пальцы. — Мне казалось, что ты с большей благодарностью отнесешься ко мне после того, как я заставил тебя вскрикнуть.

— С благодарностью! — выдохнула Риган, скрывая улыбку. — С каких это пор рабыня

благодарит своего хозяина?

Тревис не поддался на эту уловку, а только что-то пробормотал и привлек ее к себе. Он, кажется, даже не обратил внимания на то, как изогнул ее тело, придав ему невероятную позу.

Риган собралась было протестовать, сказать, что не сможет заснуть в таком положении, обвившись вокруг него, но слова, возникнув в сознании, сразу же исчезли. Чувствуя себя как бы виноградной лозой, которая оплела ствол высокого дуба, она расслабилась и погрузилась в глубокий сон.

Глава 6

Мечтательное и как бы разнеженное настроение Риган на удивление быстро прошло на следующее утро, когда Тревис грубо вытащил ее из кровати и плеснул ей в лицо пригоршню холодной воды. Задыхаясь, она в конце концов открыла глаза, и именно в этот момент увидела летевшее на нее полотенце.

— Одевайся, — бросил Тревис через плечо, запихивая в и без того битком набитый чемодан свою и ее одежду.

Видя, что ее порванное бархатное платье подвергается еще большему надругательству, когда Тревис свернул его в тугий шар, Риган бросилась на него.

— Перестань! Нельзя так обращаться с моим красивым платьем! — крикнула она, забрала его из рук Тревиса и любовно разгладила.

Отступив, Тревис с интересом взглянул на нее.

— Оно все равно порвано. Куда оно годится, кроме как на тряпки?

— Его можно зашить, — ответила она, аккуратно складывая платье. — Я очень хорошо умею чинить свою одежду; к тому же ворс бархата скроет то место, где зашито.

— С каких это пор молодые богатые английские леди должны чинить свою одежду? Она резко повернулась к нему.

— Я не говорила о том, что богата. — Риган чопорно улыбнулась.

— Где-то там замешаны деньги, а иначе тебя бы так запросто не вышвырнули. — В его глазах играли искорки, и он погладил ее ниже спины. — Или, точнее сказать, выкинули пинком под одно место. — Но она не успела дать ему полный достоинства ответ, так как Тревис ловко шлепнул ее. — А теперь одевайся, а то мы опять окажемся в постели, и корабль уплывет без нас.

Погрузившись в раздумья, она начала одеваться; но вдруг под влиянием своих чувств повернулась к нему.

— Ты и вправду думаешь, что я могу соблазнить тебя... на нечто?

Тревис понятия не имел, что она имеет в виду, но видя ее полуобнаженное тело и глаза, ярко-синие от отблеска шелкового платья, кожу, все еще блестящую от ночной ласки, и чувствуя, как голова его до сих пор кружится, он уверовал, что Риган может убедить его в чем угодно.

— Хватит искушать меня, одевайся. У тебя впереди месяцы на борту корабля, чтобы

разыгрывать из себя соблазнительницу, но сейчас у нас много других дел.

Вспыхнув из-за того, что он не правильно понял ее, Риган все свое внимание обратила на одежду. Что, если этот американец, мечтательно подумала она, окажется... Посмотрев на Тревиса, который бросил в сундук сапоги поверх чистых белых рубашек, она улыбнулась. Вероятно, он никогда не станет джентльменом, но возможности для этого у него были. Глаза ее расширились, когда Тревис закрыл сундук, нагнулся, взялся за кожаную ручку и выпрямился, закинув его за спину.

— Ты готова? — спросил он, даже не замечая чудовищной тяжести.

Она кивнула и первой вышла из комнаты. Внизу для них был приготовлен обильный горячий завтрак, подобного которому ей еще не приходилось видеть.

— Из-за тебя я упустил еды больше, чем за всю жизнь, — сообщил ей Тревис.

Она холодно подняла на него глаза, потом выразительно взглянула на его широкую грудь.

— А может, тебе будет только полезно пропустить несколько обедов.

Тревис засмеялся, но спустя несколько минут она заметила, как он поглядывает в зеркало, как бы изучая себя. Она улыбнулась, и ее охватило легкое торжество.

Риган пришла в восторг от вкусной пищи. Она с удовольствием отметила, что за столом Тревис держится неплохо. Возможно, он не обладал деликатностью Фаррела или других джентльменов его круга, но в хорошем обществе смотрелся бы вполне достойно.

— У меня что, рога выросли? — поддразнивая ее, спросил Тревис.

Не обратив на его слова внимания, она опять опустила глаза на наполненные тарелки, и сама удивилась тому, что у нее изменилось настроение. Как видно, причина заключалась в том, что ей вспомнилось, в какую переделку она попала накануне и как Тревис спас ее.

По правде говоря, мысль о поездке в Америку начала занимать ее. Риган приходилось слышать, что благодаря царившей в Америке свободе там можно разбогатеть. А что, если в этой примитивной стране она заработает себе состояние и вернется в Англию — и к Фаррелу — победительницей?!

Почувствовав на своем подбородке руку Тревиса, она очнулась.

— Ты опять от меня ускользаешь! — негромко спросил он. — Или замышляешь убить меня во сне?

— Ни то, ни другое. Я бы не стала на это тратить время.

Весело хмыкнув, Тревис встал из-за стола, и, протянув ей руку, помог подняться.

— Думаю, в Америке тебе повезет. Нам нужны женщины с таким нравом, как у тебя.

— А я думала, что все американки — воплощение изящества и смелости.

— Возможность для совершенствования есть всегда. — Тревис засмеялся и взял ее за руку. — А теперь держись поближе ко мне, и все будет хорошо, — вполне серьезно предупредил он ее.

Ей не нужно было повторять дважды, и когда они вышли из гостиницы, она сама прильнула к руке Тревиса. В нос ей ударил запах рыбы, она услышала обычный шум порта, и на секунду ее мысли опять перенеслись к тому моменту, когда в нее вцепились мужские руки.

Тревис задумчиво наблюдал за ней, понимая, почему в ее глазах застыл страх. Он забросил тяжелый сундук на ожидавшую его повозку и объяснил кучеру, на какой корабль его нужно доставить. Когда повозка тронулась, он опять повернулся к Риган:

— От страха можно избавиться только одним способом — идти навстречу опасности. Когда падаешь с лошади, нужно сразу же опять вскочить ей на спину.

Риган едва внимала этому не вполне понятному совету и только еще ближе придвинулась к Тревису, крепко ухватившись за его руку.

— Скоро подадут экипаж? — прошептала она.

— Экипажа не будет, — весело ответил Тревис. — Мы пойдем на корабль пешком. Когда мы туда доберемся, ты уже привыкнешь. Нужно, чтобы каждый раз, проходя мимо пристани, ты не корчилась от страха или от запаха гнилой рыбы.

Смысл его слов не сразу дошел до Риган. Оторвавшись от Тревиса, она бросила на него встревоженный взгляд.

— Это что, своеобразная американская логика? Я не хочу идти пешком через это... это место. Я требую, чтобы ты нанял экипаж.

— Что, требуешь? — Тревис улыбнулся. — Жизнь научила меня, что требовать можно только в том случае, если требование осуществимо. Может быть, ты готова добраться до корабля в одиночку?

— Ты же не заставишь меня пойти на это? — прошептала она.

— Нет, дорогая, — спокойно ответил он и взял ее за руку. — Я даже не оставлю тебя одну в этой стране, а уж тем более в этом грязном месте. А теперь улыбнись-ка мне. Мы пойдем на корабль пешком, и ты сама увидишь, что рядом со мной ты в безопасности.

Несмотря на свои тревоги, Риган вскоре стала получать удовольствие от прогулки. Тревис показывал ей разные строения, склады и таверны, рассказал смешную историю о том, какая драка произошла в одном из кабачков. Вскоре она уже смеялась и больше не цеплялась в отчаянии за его руку. Несколько матросов, праздно стоявших у кирпичной стены, принялись обсуждать ее, и хотя слов Риган не слышала, но смысл сказанного поняла. Тревис спокойно попросил ее подождать, подошел к матросам и что-то им сказал. Они мгновенно сняли шапки, подошли к Риган и смущенно пожелали ей доброго утра и хорошего плавания.

Сначала она удивилась, а потом обрадовалась, как кошка, которую угостили сметаной. Риган подняла на Тревиса глаза и опять взяла его за руку.

Развеселившись, он наклонился и поцеловал ее в нос.

— Милая моя, если ты будешь на меня так смотреть, мы ни за что не доберемся до корабля. Придется, как видно, задержаться в одной из этих гостиниц.

Она отвела глаза, однако выпрямилась, высоко подняла голову и пошла легкой походкой, как

будто ее ноги едва касались земли. А самое главное — испуг Риган улетучился. Ее пальцы ни на секунду не отпускали руку Тревиса, но теперь она знала, что этого легкого касания уже достаточно, чтобы чувствовать себя вне опасности. Как видно, не так плохо быть рядом с этим громадным американцем, если разные люди низкого сословия уважительно кланяются ей.

Быстрее, чем ей хотелось бы, они добрались до корабля, размеры которого привели Риган в восторг. Усадьба Уэстон Мэнор могла поместиться целиком на его верхней палубе.

— Ты как себя чувствуешь? — спросил Тревис. — Тебе ведь не страшно?

— Нет, — искренне ответила она и глубоко вдохнула свежий морской воздух.

— Я был уверен в этом, — горделиво произнес Тревис и повел ее вверх по сходням.

Она не успела ничего разглядеть, потому что он повел ее к острому носу корабля. Со всех сторон ее окружали переплетения канатов толщиной с ее ногу, а над головой паутиной свивались ванты.

— Это такелаж, — объяснил Тревис, ловко помогая ей обходить матросов и ящики с провиантом.

Он подтолкнул ее к узкой крутой лестнице и, спустившись, привел в маленькую, но чистую и прибранную каюту. Стенами ее служили высокие сводчатые переборки, выкрашенные в два оттенка синего цвета. Возле одной стены стояла широкая кровать, посередине к полу был привинчен стол, а у противоположной стены — два сундука для одежды. Сквозь окно в каюту проникал дневной свет.

— Ну, что ты скажешь? — ласково спросил Тревис.

Она удивилась — голос его звучал как бы с грустью.

— Очень красиво, — улыбнулась она и села на стул возле окна. — А у тебя такая же хорошая комната?

Тревис усмехнулся.

— Пожалуй, именно такая же хорошая. А теперь подожди меня здесь, а я прослежу за тем, как размещают мой груз. — Он остановился в двери и повернулся. — Заодно поищу среди пассажиров портниху, которую я нанял, и пришлю ее к тебе. Ты посмотришь на то, что лежит в сундуках, и решишь, что тебе нужно в первую очередь. — Глаза его блеснули. — Еще я сказал ей, чтобы она выкинула из головы мысль о ночных рубашках — у меня есть свой способ согреть тебя.

Сказав это, он ушел, а Риган в смятении смотрела на закрытую дверь. Пассажиры! Как, он рассказал пассажирам, что она будет с ним спать? А неужели пассажиры — и есть его друзья из Америки, которые, она надеялась, в будущем станут относиться к ней с должным уважением?

Не успела она поразмыслить над этим новым удручающим поворотом событий, как дверь распахнулась, и вошла высокая худая женщина.

— Я постучала, но никто не ответил, — заявила она, с интересом разглядывая Риган. — Если хотите, я приду позже. Тревис сказал — работы предстоит много, так что хватит на все

плавание. Здесь на лодке — ой, Тревис же сказал, что это корабль — есть одна женщина. Так вот я и подумала, что уговорю ее помочь мне. Не знаю, сумеет ли она справиться с тонкой работой, но хотя бы уж будет делать простые швы.

Она помолчала, продолжая разглядывать Риган.

— Что с вами, миссис Стэнфорд? У вас начинается морская болезнь, или вы уже заскучали по дому?

— Что? — слабо спросила Риган. — Как вы меня назвали?

Женщина рассмеялась и села рядом с Риган. У нее были красивые глаза, изящные полные губы, но длинный острый нос.

— Похоже, ни вы, ни Тревис не привыкли к тому, что женаты. Когда я у него спросила, давно ли вы поженились, он посмотрел на меня так, будто я не к нему обращаюсь. Вот это мужчина! Им нужно лет десять, чтобы понять, что они утратили свободу.

Продолжая говорить, она рассматривала каюту.

— Но я вам скажу, что брак создан для мужчин; обзаведясь женой, они получают еще одну рабыню. Ну, ладно! — Внезапно она остановилась. — Где ваши ткани? Думаю, пора начать.

В голове Риган роились сотни путаных мыслей. В суете последних дней она совершенно забыла об одежде.

Женщина сочувственно погладила руку Риган:

— Похоже, вы еще не пришли в себя: стать женой такого человека, как Тревис, и все прочее, да еще и поездка в незнакомую страну, — слишком многое обрушилось на вас сразу. Думаю, мне лучше прийти позже.

"Женой, " — подумала Риган. В какой-то степени она была женой. По крайней мере, ей гораздо приятнее представлять себя женой Тревиса, чем смотреть правде в глаза.

Женщина уже стояла на пороге каюты, когда Риган опомнилась.

— Подождите! Не уходите. Я не знаю, где лежат ткани. Хотя нет, Тревис сказал, что они в сундуках.

Широко улыбаясь, женщина протянула ей руку.

— Меня зовут Сара Трамбул, и мне приятно с вами познакомиться, миссис Стэнфорд.

— О да! — Риган вздохнула. Эта женщина очень ей понравилась несмотря на то, что Говорила на английском языке несколько своеобразно.

Сара мгновенно опустилась на колени и откинула крышку первого сундука. Молчание, с которым она взирала на буйство красок, на мягкие шелковистые ткани с красивыми узорами, судя по всему свидетельствовало о ее восторге.

— Это, должно быть, стоило Тревису немало золотых монет, — наконец выговорила она.

Риган охватило острое чувство вины при воспоминании о том, что она умышленно выбрала для

себя гораздо больше одежды, чем требовалось, только ради того, чтобы смутить Тревиса, когда он убедится, что не сможет оплатить счет. И все же, очевидно, он его оплатил, и она спросила себя, сколько же денег он отдал; может быть, ему пришлось что-нибудь заложить или продать?

— Что-то вы опять позеленели. Вас действительно качка не беспокоит?

— Нет, все хорошо.

— Ну и ладно, — заявила Сара, опять поглядывая на содержимое сундука. — Тревис не преувеличивал, сказав, что здесь работы на месяцы. Думаете, и во втором сундуке тканей столько же?

С трудом сглотнув воздуха, Риган посмотрела на закрытую крышку.

— Боюсь, что так.

— Боятесь? — Сара рассмеялась и достала из сундука кожаную сумку. — Взгляните на это! — воскликнула она и вывернула содержимое себе на колени. Посыпались свертки плотной бумаги, на которую были нанесены четыре изящных акварельных рисунка женских платьев. — Вы эти платья выбрали?

Взяв листки в руки, Риган улыбнулась. Платья были великолепны, да и сами рисунки были истинными произведениями искусства. Начав распаковывать свертки, Сара и Риган увидели, что все платья и плащи были тщательно раскроены, а в каждом свертке лежали все отделки.

— Похоже, все, что мне надо, уже нарезали, — сообщила Сара, засмеявшись собственной шутке. Собрав выкройки и ткани, она объявила, что приступает к работе, и вышла из каюты так же стремительно, как и появилась.

Несколько минут Риган сидела в одиночестве около окна, разглядывая каюту, и думала о том, какие приключения ждут ее впереди. Она вспомнила Фаррела, и ей захотелось, чтобы он знал — она находится на корабле, отплывающем в Америку, и ей шьют гардероб, достойный принцессы.

Она не помнила, сколько времени просидела в неподвижности, но постепенно до нее стали доходить раздававшиеся за дверью звуки. Всю свою предыдущую жизнь ей приходилось проводить время в очень небольшом пространстве, погруженной в свои мысли. Теперь она поняла, что получила свободу смотреть на мир и совершать разные поступки, и что дверь в каюту открыта. Ей стоит только подняться по нескольким ступенькам, и она окажется на палубе настоящего корабля. Глубоко вздохнув и ощущая себя птицей, выпущенной из клетки, она вышла из каюты и на секунду остановилась у нижних ступенек темной лестницы. Когда рядом с ней распахнулась дверь, она от неожиданности подпрыгнула.

— Прошу прощения, — произнес вежливый мужской голос. — Я не знал, что здесь кто-то есть. — Риган не ответила, и человек продолжал:

— Поскольку нам предстоит быть соседями, мне следовало бы представиться. Или я слишком назойлив? Видимо, капитан окажет нам честь, представив нас друг другу.

Безукоризненные манеры этого молодого человека оказались для Риган приятным сюрпризом после полного отсутствия в течение последних нескольких дней хотя бы подобия учтивости. Она почти что отвыкла от элементарной вежливости — Мы будем соседями, — улыбнулась она. — Поэтому сейчас мы можем пренебречь формальностями.

— Тогда позвольте представиться. Меня зовут Дэвид Уэйнрайт.

— А я — Риган Элина... Стэнфорд, — ответила она после некоторого раздумья. Ей не хотелось называть свое подлинное имя или дать понять этому новому знакомому, каковы ее истинные отношения с Тревисом.

Он мягко взял ее за руку и спросил, не хочет ли она подняться с ним на верхнюю палубу.

— Кажется, погрузка еще не закончилась, поэтому можно развлечься, наблюдая, как американцы ведут себя среди своих. Хотя, должен признаться, временами с трудом понимаю их диалект.

Палубу освещало теплое яркое солнце, и Риган охватило чувство радостного волнения при виде сновавших повсюду людей. Они вышли в самом низу квартердека, — дополнительной палубы в носовой части корабля. Вскоре Риган и Дэвид поняли, что мешают работе, и по лестнице поднялись на палубу. С высоты они могли спокойно наблюдать за всем, что происходило на корабле, а также на причале. Заодно Риган получила возможность разглядеть Дэвида Уэйнрайта. Он оказался небольшого роста, с открытым лицом и соломенного цвета волосами. Костюм его был сшит из хорошей шерсти, галстук выглядел безупречно белым, а на небольших ногах красовались туфли из мягкой сафьяновой кожи. Он относился к тому типу джентльменов, который был ей знаком раньше — его руки были предназначены для клавишей фортепиано или для того, чтобы неспешно поигрывать рюмкой бренди. При виде его длинных тонких пальцев она с отвращением подумала, что неотесанный Тревис, вероятно, одним своим толстым пальцем может ударить сразу по двум клавишам. Правда, ей следовало бы признать, что его толстые пальцы временами попадали на нужные струны.

При этих потаенных мыслях на ее губах появилась улыбка, она отвернулась от Дэвида, который объяснял, почему плывет в эту варварскую Америку, и стала взглядом искать Тревиса.

— Не могу передать, до чего я рад, что мне предстоит путешествовать в обществе английской леди, — говорил Дэвид. — Когда мой отец предложил мне отправиться туда, чтобы приглядеть за его собственностью в этой дикой пустыне, я сначала испугался. Мне доводилось слышать немало рассказов о тех краях, к тому же простое знакомство хотя бы с одним американцем может внушить отвращение к их стране. Вы только посмотрите! — Он глубоко вздохнул. — Именно это я имел в виду.

Внизу двое матросов бросили груз, который несли к середине палубы, откуда другой матрос таскал его в трюм, и принялись толкать друг друга. Вдруг один из них попытался ударить второго в подбородок, но промахнулся. Не успел он замахнуться опять, как соперник кулаком угодил ему в нос. Мгновенно брызнула кровь, и пострадавший вновь начал яростно размахивать кулаками.

Откуда ни возьмись появился Тревис, схватил их обоих (они были ростом гораздо ниже его) и оторвал от палубы. Хорошо было слышно, что именно он думал о поведении этих матросов и что он им пообещал, если они и дальше будут безобразничать. Встряхнув их как щенков, он отбросил спорщиков в разные стороны, приказал им привести себя в порядок, умыться и приниматься за работу, а сам отнес брошенные ими вещи к ожидавшему матросу.

— Вот об этом я и говорю, — заявил Дэвид. — У этих американцев нет никакого порядка. Корабль это английский, и капитан на нем англичанин, и тем не менее этот американец... этот деревенщина-американец считает, что имеет все права распоряжаться экипажем. К тому же этих драчунов нельзя было отпускать просто так. За дурное поведение их следовало примерно

наказать. Любому капитану известно, что единственный способ не допустить неповиновения — это подавить его в самом зародыше.

Разумеется, Риган с ним согласилась. От дяди Джонатана она много раз слышала подобные заявления, но то, как Тревис расправился со спорщиками, представилось ей действенным и разумным. Размышляя над этим, она нахмурилась и попыталась понять, кто же прав на самом деле.

Задумавшись, она не сразу увидела, что Тревис машет ей рукой.

— Кажется, он зовет вас, — сообщил Дэвид с некоторым омерзением, не вполне веря своим глазам.

Пытаясь держаться изысканно, Риган вежливо помахала Тревису в ответ, затем отвела глаза в сторону. В отличие от Тревиса ей не хотелось привлекать к себе внимание.

— Вряд ли он обрадовался, — удивленно сказал Дэвид. — Кажется, он идет сюда. Может быть, мне позвать капитана?

— Нет! — выдохнула Риган, глядя на Тревиса и непроизвольно улыбаясь ему.

— Ты без меня скучала? — Тревис засмеялся, подхватил ее на руки и закружился с ней.

— Опустить меня! — рассерженно крикнула она, хотя на лице ее появилось радостное выражение. — От тебя пахнет как от садовника!

— А откуда ты знаешь, как должен пахнуть садовник? — Он явно дразнил ее.

За ее спиной Дэвид громко откашлялся. Вспыхнув, Риган попыталась оттолкнуть руки Тревиса.

— Мистер Уэйнрайт, познакомьтесь с Тревисом Стэнфордом.

Она с мольбой подняла на него глаза.

— Это... Мой муж, — прошептала она. Тревис даже не моргнул глазом. Напротив, он улыбнулся еще ласковее и пожал тонкую гладкую руку Дэвида.

— Рад познакомиться с вами, мистер Уэйнрайт. В Англии вы были знакомы с моей женой?

«Как же ловко он солгал!» — подумала Риган. И все же хорошо, что он таким образом спас ее честь. Вполне можно было ожидать, что Тревис, как часто бывало, будет над ней смеяться.

— Нет, мы только что познакомились, — негромко ответил Дэвид, глядя то на него, то на нее, пока Тревис по-хозяйски обнимал узкие плечи Риган. На его глазах воспитанную и элегантную английскую леди обнимал полудиккий и не умеющий себя вести работяга. Ему очень захотелось вытереть ладонь, которая коснулась Тревиса.

Если Тревис и заметил, как верхняя губа юноши скривилась, то вида не подал, а Риган попыталась обрести свое достоинство, легонько оттолкнув руку Тревиса.

— Я-то надеялся, что вы раньше встречались, — произнес Тревис, не обращая внимания на Риган, потому что слова его прозвучали несколько странно, как если бы он был неискренен. — Милая, мне нужно продолжить работу, — снова улыбнулся он. — А ты оставайся здесь, на нижнюю палубу не спускайся, поняла?

Не дожидаясь ответа, он повернулся и оглядел Уэйнрайта.

— Надеюсь, я могу оставить ее на ваше попечение? — вежливо и официально, но в тоже время как бы посмеиваясь, спросил он. Риган ужасно захотелось ударить его. Он быстро повернулся и помчался вниз по лестнице, а Риган спросила себя, не ревнует ли он. Возможно, Тревиса обеспокоило, что он вряд ли может соперничать с таким джентльменом, как мистер Уэйнрайт.

Глава 7

С приливом корабль вышел в море. Риган так волновалась, что у нее пропал аппетит, и ее снедало такое любопытство, что она не могла ни на секунду покинуть палубу, поэтому не заметила, как лицо Дэвида побелело и он стал судорожно глотать воздух. Когда, извинившись, он удалился, Риган улыбнулась и не двинулась с места. Над ее головой проносились крикливые чайки, а матросы поднимали паруса. Качка напомнила ей, что корабль сейчас уйдет в море и у нее начнется новая жизнь.

— У тебя счастливый вид, — раздался за ее спиной негромкий голос Тревиса. Она не слышала, как он поднялся по трапу.

— Да, я счастлива. А что эти люди делают? Куда ведут эти лестницы? И кто остальные пассажиры? У них комнаты такие же, как у нас, или окрашены в другой цвет?

Тревис улыбнулся и принялся рассказывать ей, что знал про корабль. Они плывут на двадцатичетырехпушечном бриге; пушки нужны для сражения с пиратами. Другие пассажиры жили на нижней палубе в средней части корабля. Он ничего не сказал ей об ужасной духоте, царившей в тех помещениях, о строгих правилах, ограничивавших передвижения пассажиров. Только им двоим и Уэйнрайту было дозволено свободно ходить по кораблю.

Он объяснил, почему почти все корабли красят желтой краской. До американской революции все суда промазывали льняным маслом, отчего после очередной обработки древесина темнела. Чем старше корабль, тем более темной была его обшивка. Во время войны англичане взяли себе за правило нападать на корабли из потемневшего дерева, пока кому-то не пришлось в голову красить все суда так, будто они новые.

Тревис показал ей несколько пятен красной краски и объяснил, что почти все внутренние части корабля, а особенно возле пушек, красили в такой цвет, чтобы экипаж привык к нему и не ударился в панику, когда во время сражения вокруг матросов появятся пятна красной крови.

— Откуда ты все это знаешь? — с интересом спросила Риган.

— Как-нибудь я расскажу тебе о своей жизни на китобойном судне; а пока идем поедим. Если, конечно, у тебя есть аппетит.

— Почему же у меня не должно быть аппетита? Мы завтракали очень давно.

— Я боялся, что и у тебя будет то, чем страдает твой дружок — морская болезнь. Думаю, большинство пассажиров на нижней палубе сейчас выплевывают содержимое желудков в ночные горшки.

— Правда? Тревис, я должна как-то помочь им. Не успела она подойти к трапу, как он схватил ее за руку.

— Позже многим станет плохо, а сейчас ты пойдешь и поешь. День у тебя сегодня был долгий.

Хотя она и чувствовала усталость, ей до смерти надоело выслушивать его приказания.

— Я не голодна и отдохнуть могу позже. Лучше я пойду и помогу другим пассажирам.

— А я говорю, что тебе лучше слушаться меня, поэтому прими мои слова к сведению.

Она сердито посмотрела на него, не желая двинуться с места. Нагнувшись к ней, Тревис решительно произнес:

— Либо ты меня слушаешь, либо я отнесу тебя вниз на глазах всей команды.

Ее охватило чувство бессилия. Ну как ей убедить этого человека? Как внушить ему, что для нее важно приносить пользу ближнему?

Когда Тревис протянул руку к ее плечу; она резко развернулась и убежала в каюту. Усевшись перед окном, она старалась сдержать слезы. Трудно было и дальше мечтать о том, что в один прекрасный день она станет почтенной леди, коль скоро ею командуют как какой-то девчонкой.

Спустя несколько минут вошел Тревис, неся полный поднос еды. Он аккуратно накрыл стол, потом подсел к ней:

— Ужин готов.

Он хотел взять ее за руку, но она отвела ее в сторону.

— Проклятье! — Он в ярости вскочил. — Ну что ты смотришь, будто я тебя побил? Я только сказал, что тебе не нужно опаздывать к ужину и жертвовать сном ради того, чтобы помочь людям, которых ты даже не знаешь.

— Я знаю Сару! — воскликнула она. — И ты не говорил, что мне нужно отдохнуть; ты сказал — я должна отдохнуть! Ты никогда ничего не предлагаешь, а всегда только требуешь. Не приходило ли тебе в голову, что у меня есть собственное мнение? В Англии ты держал меня под замком, не разрешал мне даже выйти за дверь, а теперь держишь взаперти в этой комнатке. Почему бы тебе не привязать меня к кровати или приковать цепью к столу? Почему не признать честно, кто я для тебя?

На красивом лице Тревиса отразилась целая гамма чувств, но главным из них была растерянность.

— Я же объяснял, почему ты не можешь остаться в Англии. Я даже спросил юношу, с которым ты была на палубе, не знакомы ли вы. Тогда корабль еще был в порту, и если бы он ответил утвердительно, я бы еще мог вернуть тебя семье.

На глаза Риган опять навернулись слезы: она-то думала, что Тревис ревнует, а в действительности он искал еще один повод избавиться от нее.

— Прости, что я обременяю тебя, — высокомерно сказала она. — Может быть, тебе лучше бросить меня за борт и избавиться от лишних забот?

Тревис в изумлении посмотрел на нее:

— Если я проживу даже тысячу лет, то вряд ли пойму ход твоих мыслей. Поешь-ка чего-нибудь, и потом, если захочешь, я отведу тебя вниз. Тогда ты сможешь целую ночь поддерживать головы страдающих над горшками.

Он был так красив, его большие выразительные глаза так молили ее, он так старался доставить ей удовольствие. Ну как объяснить Тревису, что ей нужна именно свобода выбора, право принимать решения самой? И самой себе, и дяде она пыталась доказать, что чего-то стоит.

Оперевшись его протянутую руку, она пошла за ним к столу, но никак не могла избавиться от мрачного настроения. Она размазывала еду по тарелке, но почти ничего не стала есть. Риган пыталась слушать Тревиса, но никак не могла сосредоточиться на его словах. Она думала о том, что всю жизнь ей суждено быть чьей-то пленницей, которой не позволят самостоятельно принять хоть одно решение.

— Выпей вина, — ласково предложил Тревис. Она покорно опустошила свой стакан и почувствовала, как расслабилась. Казалось естественным, что Тревис подхватил ее, крепко прижал к себе и отнес в кровать. Пока он раздевал ее, она была как в тумане и уже дремала. Даже когда он раздел ее и поцеловал в шею, Риган только улыбнулась и крепко заснула.

Догадавшись, что больше всего ей нужен сон, Тревис укутал ее одеялами, а потом поднялся на палубу выкурить сигару.

— Ну как, устроились в каюте? Тревис повернулся к подошедшему сзади капитану.

— Думаю, все будет хорошо.

Капитан посмотрел на Тревиса, который, зажав в зубах сигару, облокотился о поручни, и спросил серьезным тоном:

— Что у тебя не ладится, дружище? Тревис улыбнулся. Многие годы капитан дружил с отцом Тревиса, пока тот не умер.

— Что тебе известно о женщинах?

— Мужчины знают о них мало, — сказал капитан, сдерживая улыбку и радуясь, что ничего серьезного не произошло. — Извини, что я не познакомился с твоей молодой женой. Говорят, она красавица.

Разглядывая сигару, Тревис ответил не сразу.

— Да, моя жена... Просто мне не удастся ее понять. — Он был не из тех, кто делится своими сокровенными мыслями, поэтому не сказал ничего больше. Выпрямившись, он перевел разговор на другую тему. — Думаешь, мебель благополучно доплывет в трюме?

— Думаю, что да, — ответил капитан. — Но зачем тебе еще мебель? Ты ведь пока не пристроил к своему особняку новое крыло.

Тревис усмехнулся.

— Нет, это не понадобится по крайней мере до тех пор, пока у меня не будет хотя бы пятидесяти ребятишек, чтобы заполнить те комнаты, что уже есть в доме. А мебель для одного друга. Правда, я прикупил участок земли. В нынешнем году посею хлопка еще больше.

— Еще больше! — удивленно проговорил капитан, а потом обвел рукой лежавшую перед ними палубу. — А мне нужно только вот это. Я не помню — сколько у тебя сейчас акров земли?

— Думаю, около четырех тысяч. Не веря своим ушам, капитан недоверчиво хмыкнул.

— Надеюсь, твоя женушка — хорошая хозяйка. Твоя мать отдала вашему хозяйству все свои способности и силы, а после смерти отца, пожалуй, оно удвоилось.

— Думаю, она справится, — уверенно ответил Тревис. — Спокойной ночи, сэра.

Вернувшись в каюту, он неторопливо разделся, лег в постель и прижал к себе Риган. Засыпая, он пробормотал:

— Вопрос в том, справлюсь ли я с ней?

Риган потребовались сутки, чтобы убедиться:

Тревис был прав, утверждая, насколько тяжело иметь дело со страдающими от качки. С раннего утра и до глубокой ночи она занималась только тем, что вытирала следы рвоты и смывала ее с одежды людей. У пассажиров не было сил держать головы над фарфоровыми сосудами, которые она подставляла, и они слишком сильно страдали, чтобы заботиться о том, куда девается содержимое их желудков. Матери лежали на узких койках, рядом с ними плакали дети, а Риган и две другие женщины убирали грязь и в течение многих тяжелых часов пытались успокаивать пассажиров.

К собственным заботам Риган прибавился ужас, который она испытывала, видя, в каких условиях живут пассажиры. Их разместили в трех помещениях: одно — для семейных пар, а два других — для одиноких мужчин и женщин, и команда строго следила за тем, чтобы холостые пассажиры держались отдельно друг от друга. Сестрам не позволялось разговаривать с братьями, отцам — с дочерьми. А в эти первые дни пути страданий и невзгод все так беспокоились о своих близких.

В каждом спальном отсеке были рядами расставлены жесткие узкие койки. В проходах лежали вещи пассажиров: сундуки, ящики, свертки, корзины, и не только с одеждой и вещами, необходимыми для жизни в Новом Свете, но и с запасами еды на все время плавания. Кое-что уже начало портиться, и от этого запаха пассажиров тошнило еще больше.

Риган и две другие женщины сновали по общему отсеку для женщин, им приходилось все время переступать через сундуки или обходить их.

Когда она вернулась в свою каюту, которая по сравнению с увиденным казалась дворцом, то почувствовала, что устала гораздо сильнее, чем предполагала.

Тревис сразу же отложил книгу и обнял Риган.

— Тебе пришлось трудно, любимая, — прошептал он.

Приникнув к его груди, она смогла только кивнуть, радуясь, что рядом с ней здоровый и сильный человек и что теперь она вдали от увиденной за день жалкой нищеты.

Прижавшись к нему в полусне, она расслабилась, едва понимая, что происходит, когда он опустил ее на стул и пошел открыть дверь, в которую кто-то стучал. Даже когда она услышала шум плещущейся воды, у нее не хватило сил на то, чтобы открыть глаза. В конце концов, в

течение целого дня она слышала только его, когда стирала одежду, пеленки и мыла грязные ночные горшки.

Улыбаясь от удовольствия, она размякла. Руки Тревиса тем временем стали расстегивать ее платье. Было приятно, что с ней возятся, а не ей приходится ухаживать за посторонними людьми. Он раздел и поднял Риган на руки. Она с такой радостью мечтала о том, как заснет; но когда ее спина коснулась горячей воды, она открыла глаза.

— Тебе нужно помыться, мой пахучий дружок. — Заметив ее удивление, Тревис засмеялся.

Ощущение горячей воды, пусть даже морской, было замечательным, и она откинулась назад, помогая Тревису.

— Я тебя не понимаю, — прошептала она слабо, наблюдая за ним, пока его сильные руки в мыльной пене мыли ее тело.

— Что ты хочешь понять? Я отвечу тебе на все вопросы.

— Несколько недель назад я бы сказала, что похититель людей — преступная личность и его место в тюрьме, а ты...

— Что — я? Я похищаю хороших юных леди, прячу их, но не бью? В любом случае это бывает не очень часто. — Он улыбнулся.

— Нет, — ответила она серьезно. — Ты не такой, но мне кажется, ты способен на что угодно. Я не могу тебя понять.

— А каких людей ты понимаешь? Своего малютку Уэйнрайта? Скажи, скольких мужчин ты встречала в жизни? Скольких ты любила?

Ее ответ удивил Тревиса.

— Одного мужчину, — ответила она. — Я была влюблена один раз, и вряд ли это когда-нибудь еще случится.

Секунду Тревис вглядывался в лицо Риган. Он заметил, как ее взор смягчился, глядя вдаль, как уголки ее губ изогнулись.

Всего на мгновение Риган удалось предался своим воспоминаниям о Фарреле, о том, как он сделал ей предложение, и вдруг зачихала: прямо перед ней Тревис швырнул в воду кусок мыла.

— Заканчивай сама или жди, пока придет твой любимый и домоет тебя, — крикнул он. Дверь с треском захлопнулась за ним.

Улыбаясь при мысли о том, что наконец-то сумела заставить его ревновать, она вылезла из ванны и стала вытираться. Она подумала, что Тревису пойдет на пользу, если он поймет, что он — не единственный человек в ее жизни, в мире существуют и другие люди. Когда она приплывет в Америку и они расстанутся, Тревис, может быть, перестанет думать, будто она ни на что не способна. Она, вероятно, даже найдет мужчину подобного Фаррелу, который полюбит ее, не думая о том, что она невежественное дитя.

Забравшись в постель, Риган вдруг ощутила себя совсем одинокой. Фаррел не любит ее, ему нужны только ее деньги. Не нужна она и своему дяде. А этот странный, заносчивый и добрый

Тревис дал ей понять, что она нужна ему только на какое-то время. Она заплакала, чувствуя себя одинокой, усталой, голодной и несчастной.

Когда, вернувшись, Тревис обнял ее, она вцепилась в него руками, опасаясь, что он опять уйдет.

— Тише, сладенькая, успокойся. Тебе ничто не угрожает, — прошептал он, пытаясь утешить Риган. Но когда она прильнула к его губам, он уже больше не мог думать о том, чтобы ее успокаивать.

Риган не понимала, почему: то ли из-за того, что весь день провела со страдающими людьми, то ли из-за преследующих ее мыслей о своем одиночестве, но она ужасно обрадовалась Тревису. Она забыла, что находится у него в плену и что должна делать вид, будто с неохотой отвечает на его ласки. Она только понимала, как отчаянно нуждается в Тревисе, как хочет, чтобы он обнимал и любил ее, чтобы дал ей возможность почувствовать себя частичкой вселенной, а не никчемным пустым придатком.

Она смело прикоснулась к воротнику его рубашки, и оторвавшаяся пуговица улетела в другой конец комнаты. Его волосатая грудь была воплощением его мужественности и напомнила ей, что он мужчина. Пальцы Риган трогали грудь Тревиса, не мягко, а настойчиво, даже грубо, гладили его кожу, ощущали, как она начинает пылать.

Тревис отошел, чтобы снять последнюю одежду. Его глаза его сверкали, горячие губы налились жаром. Когда он сел на край кровати и принялся стаскивать сапоги, Риган досталась его широкая мускулистая спина. Она покусывала плечи Тревиса, а соски ее груди легко и возбуждающе скользили по его спине. Потом губы ее спустились вдоль глубокой впадины позвоночника, целуя, лаская и наслаждаясь его телом. Она кончиками пальцев касалась его ребер, а грудью и животом поглаживала его спину. Признак его силы — твердые выпуклые мышцы, разделенные углублениями — успокоились под пальцами Риган, и это вселило в нее ощущение собственной власти.

Риган поцеловала мочку его уха, потом резко прикусила ее, раздался ее низкий мурлыкающий смех. Одним быстрым движением Тревис повернулся, обнял ее и бросился на нее. Ее желание было таким же горячим, и она с нетерпением ждала его.

Тревис был ослеплен ее готовностью — ему уже не впервые приходилось сдерживаться из-за стеснительности Риган. Он обнимал ее со всем пылом и страстью, кипевшими в нем, резко входил в нее, глядя ее ягодицы, и все крепче обнимал.

Когда их возбуждение достигло наивысшего предела, они дали волю своей плоти, которая исчерпала себя и, ослабев, вздрагивала.

— Что ты со мной делаешь? — тяжело дыша, Тревис сжал ее так сильно, что едва не раздавил.

Не имея сил думать, Риган только держалась за него. Когда она быстро погрузилась в глубокий сон, уже не сознавая, что происходит вокруг, Тревис склонился над ней и разглядывал ее лицо, глядя волосы, потом заботливо укрыл Риган простыней. Но даже во сне она чувствовала его объятия, близость его могучего тела, сладость его теплого дыхания возле своего уха. Шевельнувшись, Риган открыла глаза, сонно ему улыбнулась, благодарно приняла его легкий поцелуй и опять улыбнулась. Когда Тревис опустил голову на подушку рядом с ней, наконец, тело ее обрело покой.

На следующий день повторилась та же самая тяжелая работа, сопряженная с запахами —

помощь пассажирам, страдавшим от морской болезни. Ближе к вечеру Тревис попросил Риган уйти в каюту и отдохнуть, иначе от нее никому не будет пользы. Его приказной тон задел ее.

— Ты мог бы помогать людям, а не просто слоняться по палубе, — отрезала она.

— Это я слоняюсь? — Его легкая улыбка, больше похожая на ухмылку, разъярила Риган.

Впервые она обратила внимание на то, как он одет: в засаленную, пропитанную потом хлопковую рубашку и широкие брюки для верховой езды, заправленные в мягкие кожаные сапоги. Его узкую талию опоясывал широкий ремень из черной кожи. Внезапно Риган угадала ответ на несколько вопросов: например, каким образом Тревис мог позволить себе отдельную каюту. Очевидно, ему пришлось отрабатывать ее во время плавания.

— И чем же я могу помочь? — спросил он. — Если ты ждешь, что я буду вытирать чужие грязные губы, то ошибаешься.

Раз уж Тревис вынужден отрабатывать свое место на корабле, она — тем более, поэтому мысль об отдыхе стала невыносимой.

— Сегодня утром потеряли сознание два пассажира с верхних коек. Я пыталась поговорить с матросами, но они только смеялись.

— Как видно, они смеялись потому, что не знают, как вести себя с тобой. Что у тебя еще?

— Нам нужен кто-нибудь, чтобы заниматься детьми постарше. И я подумала — может быть, ты найдешь Сару Трамбул? Я уже несколько дней ее не видела.

— Сара занята, — решительно ответил он, — но с другими делами я постараюсь помочь.

Со слабых плеч Риган свалилась тяжелая ноша. Она знала, что Тревис сдержит слово.

— Продолжай и дальше смотреть на меня такими глазами, и тогда я для каждого пассажира построю на палубе отдельный домик.

Посмеиваясь и чувствуя, что ее настроение улучшилось, Риган вернулась к своим обязанностям.

Спустя некоторое время Тревис появился в дверях женского отсека, неся ящик с плотницким инструментом. Женщины начали визжать от возмущения, потому что были едва одеты, но очень скоро они почувствовали себя совершенно спокойно в обществе Тревиса. Он смеялся вместе с ними, рассказывал о том, как мужчины изнывают без них и ждут не дождутся, когда поднимутся на палубу, и тогда путешествие станет менее однообразным. Вопреки тому, что Тревис раньше говорил Риган, он подержал для одной из женщин сосуд и осторожно вытер ей губы. Он перепеленал двух крохотных детишек и передвинул несколько тяжелых сундуков, чтобы освободить проход. Между делом Тревис еще починил сломанные койки, проверил остальные и укрепил те, которые расшатались.

Когда он ушел из отсека, почти все пассажирки улыбались — казалось, в затхлом спальном отсеке повеяло свежим ветром.

— Господи, — вздохнула одна из женщин, чьего ребенка Тревис пеленал. — Кто этот замечательный человек?

— Он мой, — объявила Риган, да так громко и уверенно, что женщины стали смеяться, а Риган вспыхнула.

— Милочка, вам нечего стесняться. Просто каждую ночь благодарите Бога за Его доброту.

— А может, ночью у нее другое на уме, — произнес чей-то звонкий голос.

Риган обрадовалась, когда одна из пассажирок застонала, что дало ей повод сбежать, избавившись от подобных шуток. Но, помогая одной из женщин, Риган вдруг возмутилась. Прямо на ее глазах Тревис флиртует с другими! Несомненно, он доволен, что все женщины вьются вокруг него; ему нравится, что только одного его допускают в отсек для одиноких женщин. Допускают! Как же, Тревис Стэнфорд никогда не пойдет на то, чтобы просто просить разрешения, а сделает, что захочет.

Резко поставив на стол кувшин с водой, Риган с каждой секундой накалялась все больше. Конечно, он не мог обращаться с ней, как с леди, потому что знал ее только в постели. Этот высокий грубый американец умел обращаться с женщиной только как с необходимой ему вещью. Для него все женщины одинаковы — и больные, в постели, и одетые в атласные платья; он убежден, что их предназначение — доставлять ему удовольствие.

Перед заходом солнца она поднялась на палубу, чтобы вымыть глиняные горшки. Здесь Тревис и два матроса учили окруживших их детей вязать узлы. Девочка лет двенадцати вязала кусок какой-то ткани, а на коленях Тревиса сидел двухлетний мальчик и старался разобраться в премудростях узла, который тот вязал. Обернувшись к Риган, Тревис улыбнулся и снова занялся детьми.

Она высокомерно вскинула голову и опять направилась в душный отсек, охваченная бешенством от того, что даже для детей он так притягателен. Хотя женщинам Риган и заявила, что Тревис принадлежит ей, она все же понимала, что не имеет над ним никакой власти, что она — его пленница, игрушка, и по прибытии в Америку он быстро от нее избавится и, конечно же, заведет себе другую. Она стала подозрительно оглядывать пассажирок в спальном отсеке, пытаясь заранее обнаружить соперницу.

Риган уходила из женского отсека в дурном настроении. Дядя утверждал, что она никогда не бывает искренней, чем ставит его в неловкое положение; но за последние недели с ней приключилось столько всего, что Риган сильно изменилась.

В их каюте было пусто. Она стояла у окна и глядела на звезды. Дверь отворилась.

Тревис быстро отклонился в сторону, когда ему прямо в голову полетел оловянный кувшин.

— Что?.. — начал он.

Риган схватила с полки еще один кувшин.

— Ты обожаешь ухаживать за женщинами, да? — крикнула она. — Тебе нравится, когда женщины вьются вокруг тебя? Как они все причитали: «Ну что за прекрасный человек!» И второй брошенный кувшин задел его плечо. Когда Риган потянулась за третьим, Тревис бросился через каюту и схватил ее за руку. И опять на его лице появилась легкая, веселая улыбка:

— Не поддавайся раздражению. Помни, что некогда ты была английской леди.

Его высокомерная улыбка, сознание того, что из-за Тревиса она перестала быть леди, вселили в Риган ярость; кровь бросилась ей в лицо.

— Я тебя ненавижу! — выдохнула она и локтями стала бить его по груди.

Его недовольное ворчание доставило ей радость, и не успел он прикрыться, как она пнула его в лодыжку.

Он отступил и начал поглаживать ушибленные места, но на его лице застыло удивленное выражение.

— Почему бы нам не поговорить спокойно? Что тебя так взбесило?

— Взбесило? — передразнила она его своим чеканным голосом. — Меня возмущает твоя самоуверенность, будто у тебя на все есть первоочередное право. Тебе понравилось, что женщины смотрели на тебя с обожанием? Как это было отвратительно, что, используя детей, ты добивался их благосклонности. И что же: когда я тебе надоем, ты украдешь одну из них?

— Вполне вероятно, — ответил Тревис, выпятив подбородок. В глазах его сверкали искорки. — Во всяком случае, одна из них может оказаться более благодарной, чем ты. Что же ты не спросила, кто из них хотела бы поменяться с тобой местами?

— Ты безмозглое наглое животное, каких свет не видывал! — крикнула она. — А тебе не приходило в голову, что я не хочу быть твоей пленницей, и что другим женщинам этого тоже не захочется? Что, я должна благодарить тебя за то, что ты удерживаешь меня против моей воли, затащил меня на корабль, плывущий в страну, которую я ненавижу, и угрожаешь рассказать всем о подлинных отношениях между нами, если я не останусь с тобой?

— Я уже объяснял, почему не мог отпустить тебя в Англии. — Голос его звучал глухо. — Я был с тобой предельно ласков, оберегал тебя, как мог, ты же по-прежнему слишком романтична, чтобы понять правду. Вспомни, что приключилось в доках, когда портовый сброд набросился на тебя!

Почти то же самое Риган приходилось слышать от своего дяди. Кто-то всегда должен был присматривать за ней, постоянно напоминая ей об этом.

— Я не обязана испытывать благодарность, — отдельно произнесла она. — И мне больше ничего от тебя не нужно. Не беспокойся, на корабле на меня никто не нападет. Поэтому я уйду и буду жить в отсеке для одиноких. — Опустив глаза на свое простенькое муслиновое платье, которое только прошлой ночью Сара сшила для нее, она добавила:

— В Америке я попытаюсь заработать деньги, чтобы расплатиться с тобой за это платье. А остальные можешь продать.

Она повернулась и, гордо подняв голову, направилась к двери. Тревис не сразу понял, что она действительно уходит, что у нее хватит на это упрямства. Не отдавая себе отчета в том, что делает, Тревис схватил ее за платье. А поскольку Риган пошла в одну сторону, а Тревис потянул ее в другую, тонкий муслин мгновенно порвался снизу доверху.

В мгновение ока гнев Тревиса перерос в желание: он страстно пожирал ее глазами, радуясь, что ее бурно вздымающаяся грудь полностью обнажилась.

— Нет! — прошептала она, изо всех сил пытаясь уклониться от его пылающего взгляда.

Мощными руками он обнял Риган за талию и прижал к себе так, что ее спина сильно прогнулась.

Она сначала сопротивлялась, яростно желая бросить ему вызов, доказать, что принадлежит только себе, но от его прикосновения, от ощущения губ Тревиса на лице обессилела.

— Ты будешь поступать так, как я скажу, милочка, — прорычал Тревис, подняв ее в воздух и губами лаская шею. — До тех пор, пока ты мне нужна, ты — моя.

Риган закрыла глаза, откинула голову и всецело подчинилась Тревису, уже не мечтая убежать от того, кто так легко управлял ею. Услышав звук рвущейся ткани и почувствовав, как распахнулась сорочка, Риган опять стала сопротивляться.

— Моя! — прошептал Тревис. — Я тебя нашел, и ты моя.

Не успела она опомниться, как Тревис всем своим сильным и большим телом прижал ее к стене.

Его поцелуи стали горячими, как будто он хотел проглотить ее. Дыхание Риган тоже участилось. Она обняла его плечи, сквозь рубашку впиваясь пальцами в тело, прижимаясь к нему, чтобы он ее раздавил.

Одной рукой Тревис жадно провел по ее обнаженной ноге, погладил ее и закинул ногу Риган себе на бедро. Сгорая от желания, Риган обхватила его тело ногами, сцепив ступни за его спиной, а он, держа ее на весу, гладил ее спину.

Его руки ласкали тело Риган, возбуждая и дразня ее, и вызвали у нее бешеную страсть. Она так и не поняла, когда он обнажил нижнюю часть своего тела. Когда он приподнял ее руками за талию и вошел в нее, глаза Риган раскрылись, но лишь на долю секунды.

Она была вся в его власти, не имея возможности даже шелохнуться, прижималась спиной к стене и обнимала его ногами, а он начал приподнимать ее, управляя ее телом и показывая, что делать дальше. Ощущая близость его тела, движения бедер Тревиса под собой, его напор, она едва не сошла с ума. Вцепившись пальцами в его волосы, она сжалась, когда Тревис еще плотнее надвинулся на нее, угрожая переломить пополам, слиться с ее плотью, обладать ею. Он легко поднимал и опускал ее, снова и снова, быстрее и быстрее, пока от сладости сжигающей ее муки она не вскрикнула. Губы Тревиса впелись в нее, когда он обмяк, а ее ноги стальным обручем сжимали его; тело Риган вздрагивало, ослабев и ощущая свою беспомощность, и от чувства удовлетворенности наступил покой.

Постепенно Риган опомнилась, где она находится и кто она такая, а ее ослабевшее тело прильнуло к могучей груди Тревиса. Он ласково целовал ее влажную шею, по-прежнему держа ее на опущенных руках. Как ребенка, как самое ценное и нежное существо в мире, Тревис отнес и уложил ее на кровать.

Устало ощущая, что его тело стало как бы бескостным, он снял рубашку и лег рядом с ней.

— Сегодня опять ужинать не будем, — прошептал он без всякого сожаления. Собрав остатки сил, он прижал Риган к себе, и их влажные тела слилась.

— Ну как я могу отпустить тебя? — прошептал он, когда они засыпали.

Глава 8

Наутро Риган стоило большого труда выдержать взгляд Тревиса. Из-за того, как он смотрел на нее — горделиво и уверенно — ей захотелось бросить в него ножом. Видимо, он считал, что все знает о Риган, что она полностью в его власти, что стоит ему поманить пальцем, и она будет принадлежать ему.

Как же ей хотелось прогнать это выражение с его лица! Как ей хотелось хотя бы раз увидеть, чтобы Тревис не получил то, что, как он считал, принадлежит ему.

Во время завтрака раздался торопливый стук в дверь, и вошла Сара Трамбул.

— Ой, простите меня! — сказала она. — Обычно вы оба к этому времени уже уходите.

— Поешь немного, Сара, — сказал Тревис, самодовольно улыбаясь и глядя на Риган так, будто понимал, почему она не смотрит ему в глаза.

Но Сару больше интересовал рваный кусок муслина, в который превратилось сшитое накануне платье. Посмеиваясь, она укоризненно, и в то же время насмешливо взглянула на Тревиса и ответила:

— Тревис, если ты так будешь обходиться с моей работой, тогда зачем мне шить другие платья?

Проведя рукой по волосам и бросив быстрый взгляд на отвернувшуюся Риган, он рассмеялся.

— Попробую сдерживаться. А теперь пойду — надо помочь матросам на палубе. В этом рейсе у капитана не хватает людей. Впрочем... — Он усмехнулся. — Если только у меня остались силы.

Прежде чем выйти из каюты он поцеловал Риган в прохладную щеку.

Сара шумно вздохнула и ласково посмотрела на закрытую дверь.

— Будь таких мужчин побольше, я, может быть, и вышла бы замуж.

Если бы Риган знала бранные слова, в этот момент они бы ей оченьгодились.

— У вас есть работа? — резко бросила она. Но ее тон не остановил Сару.

— Будь он моим, я бы тоже ревновала.

— Он не!.. — сердито заговорила Риган, но сдержалась. — Тревис Стэнфорд — ничей, — закончила она и стала составлять тарелки на поднос.

Сара решила сменить тему разговора:

— Вы знакомы с пассажиром из каюты напротив?

— С Дэвидом Уэйнрайтом? Мы познакомились недавно. У него все благополучно?

— Не знаю. За те два дня, что шью вам платья, я уже который раз прихожу к вам в каюту, но не слышала оттуда ни звука. Я было подумала, что он помогает пассажирам, страдающим от качки.

Нахмурившись, Риган решила выяснить в чем дело. Она извинилась перед Сарой и вышла из каюты. И хотя в последние дни она уже привыкла к тяжелым запахам, вонь, которая ударила ей в нос, когда каюту Дэвида открыли, оказалась чудовищной. В полной темноте она некоторое

время постояла в двери, ища взглядом Уэйнрайта.

Наконец, она увидела, что он, беспомощно съежившись, сидит у окна на стуле, содрогаясь всем телом. Подойдя к нему, она сразу поняла, что у него жар; по подозрительно блестящим глазам и бессвязной речи Риган догадалась, что он бредит.

Она оглянулась на шорох за спиной — Сара в ужасе осматривала каюту:

— Да как же здесь можно жить?

— Попросите Тревиса, чтобы он прислал сюда горячей воды, да побольше — распорядилась Риган. — Еще мне нужны тряпки и мыло.

— Разумеется, — ответила Сара, нисколько не завидуя Риган, которой предстояло такое занятие.

Лившийся в окна каюты Дэвида Уэйнрайта солнечный свет падал на золотистые волосы Риган. Солнце освещало ее мягкое муслиновое платье, пахнущее духами, подчеркивая каждый из крохотных расшитых золотом розовых бутонов. Ее рука слегка придерживала книгу, и произносимые ею слова были так же нежны, как и она сама.

Дэвид лежал, откинувшись на подушки в выстиранных наволочках, уложенные на койку со стороны окна, и поднимая голову. Рука его была перевязана, а белоснежная рубашка распахнута на шее.

Прошел месяц после того, как Риган обнаружила его, больного и брошенного. Сразу после выхода в море он стал мучиться от качки и ушел в свою каюту. Спустя несколько часов он неловко упал с койки и сломал руку. Страдая от боли и тошноты, он так ослабел и был так беспомощен, что не смог позвать на помощь. Пытаясь снова лечь на койку, он поскользнулся и потерял сознание. Когда Риган пришла к нему, он даже не помнил, кто он и где находится. В течение многих дней после того, как ему наложили повязку, никто не догадывался, как он страдает.

Все это время Риган не отходила от него. Она вычистила грязную каюту, вымыла Дэвида. Она все время была рядом с ним и даже уговорила выпить бульон из солонины. Риган упорно поддерживала в нем волю к жизни. Дэвид был тяжелым подопечным. Ему казалось, что он умирает, что он больше никогда не увидит Англию, что вина за его смерть на совести Америки и американцев. Он долгими часами твердил Риган о том, будто бы доживает последние часы.

Риган радовалась, что теперь есть повод избавиться от власти Тревиса, что впервые в жизни она кому-то нужна и ни для кого не является обузой.

— Риган, прошу вас, хватит читать, лучше поговорите со мной. — капризно произнес Дэвид, со скорбным видом пошевелив поврежденной рукой.

— О чем же вы хотите поговорить? Кажется, мы уже абсолютно все обсудили.

— Вы хотите сказать, — все, связанное с моей жизнью. А кем были ваши родители, где вы жили в Ливерпуле, как вы познакомились с этим американцем?

Положив книгу на стол, она встала.

— Пожалуй, нам надо пройтись по палубе. Сегодня такой хороший день, и нам вдвоем неплохо

бы размяться.

Слабо улыбаясь, Дэвид спустил ноги на пол и терпеливо ждал, пока Риган поможет ему подняться.

— Моя загадочная леди, — произнес он, и по голосу его чувствовалось, что он предпочитает поменьше знать о ней.

Первым, кого они встретили на палубе, был Тревис: Риган держала Дэвида за талию, а он обнимал ее за плечи. Риган не могла не обратить внимания на контраст между изящным светловолосым юношей в безупречном платье и загорелым Тревисом, одежда которого просолилась и пропахла потом.

— Решили немного проветриться? — вежливо поинтересовался Тревис и, приподняв бровь, насмешливо улыбнулся Риган.

Коротко, почти грубо, Дэвид кивнул и чуть ли не подтолкнул Риган вперед.

— Ну как вы могли выйти замуж за такого человека? — спросил он, когда они остались наедине. — Вы такая добрая и нежная; стоит мне подумать, что вам приходится выдерживать ласки этого бесчувственного детины из колоний, как я опять начинаю заболеть.

— Он не бесчувственный! — поспешно возразила она. — Тревис...

— И какой же он? — терпеливо спросил Дэвид. Ответа он не получил. Отойдя от него, Риган облокотилась о поручни, и, глядя на воду, спросила себя, какой же для нее Тревис? Ночью она стонала от удовольствия, и то, как по вечерам он всегда готовил ей горячую ванну, убеждало Риган в его доброте. И все же ее не покидала мысль о том, что она — его пленница.

— Вы мне не ответили, Риган, — сказал Дэвид. — Вам нехорошо? Вы, наверное, устали. Я понимаю, что ухаживать за мной — не самое легкое дело. Может быть, вам...

— Нет, — она улыбнулась, услышав знакомые жалобы. — Вы же знаете, как мне приятно ваше общество. Не посидеть ли нам?

Весь день оставаясь с Дэвидом, она совершенно не прислушивалась к его словам. Зато она внимательно наблюдала за тем, как Тревис ловко карабкается по вантам, как аккуратно складывает толстые тяжелые канаты на палубе. Иногда он останавливался и подмигивал Риган, постоянно чувствуя на себе ее взгляд.

В ту ночь она впервые за многие недели вернулась в каюту раньше Тревиса. Когда он вошел, лицо и глаза его сияли.

Казалось, за последние недели он стал еще красивее: его лицо загорело, мышцы стали еще крепче, чем раньше.

— После тяжелого дня так приятно тебя увидеть. Могла бы и поцеловать меня при встрече; или ты все поцелуи отдала юному Уэйнрайту?

Радость ее улетучилась.

— Предполагается, что я должна молча сносить эти оскорбления? Хотя и то, что ты навязал мне позорную связь, вовсе не значит, что другой мужчина может — или хотя бы попытается —

добиться того же.

Отвернувшись, Тревис снял рубашку и начал умываться.

— Очень рад, что щенок не пытался наложить лапу на то, что принадлежит мне. Ему такое, конечно, не по силам, но хотелось бы быть полностью уверенным в этом.

— Ты невыносим! И я тебе не принадлежу! Тревис самодовольно улыбнулся.

— Может, стоит доказать, что ты принадлежишь мне?

— Я не принадлежу тебе, — повторила она, отступая. — Я сама могу о себе позаботиться.

— Хм, — Тревис улыбнулся и подошел к ней. Он ласково и призывно провел пальцем по ее руке, и когда ее смотревшие столь решительно глаза дрогнули, он прищурился.

— Разве сможет этот недоросль возбудить тебя одним лишь пальцем? Она отпрянула.

— Дэвид — джентльмен. Мы говорим о музыке и книгах, в которых ты ничего не понимаешь. Его семья — одна из древнейших в Англии, и мне нравится его общество. — Она гордо выпрямилась. — Я не позволю, чтобы твоей ревностью помешал нашей дружбе.

— Ревностью? — Тревис рассмеялся. — Если бы я к кому и ревновал, так уж, конечно, не к этому нытику. — Взгляд его опять стал серьезным. — Но, кажется, он начинает питать к тебе серьезные чувства, и я думаю, что тебе надо реже видеться с ним.

— Реже! — вскипела Риган. — Ты намерен вмешиваться в мою жизнь буквально во всем! — Она продолжала более сдержанно. — Я — свободная женщина, и когда мы приплывем в Америку, я собираюсь воспользоваться своей свободой.

Такой человек, как Дэвид, захочет жениться, а не станет превращать женщину в ., свою рабыню. Тревис спокойно положил руки ей на плечи.

— Ты действительно хочешь променять меня на юнца и золотое кольцо?

Он наклонился и хотел поцеловать ее, но Риган уклонилась.

— Возможно, мне бы и хотелось попробовать, — шепотом ответила она. — Вряд ли мужчины так отличаются друг от друга. Если Дэвид полюбит меня, мы, может быть, подойдем друг другу на брачном ложе.

Тревис больно схватил ее за плечи.

— Если этот мальчишка когда-нибудь тронет тебя хоть пальцем, я переломаю ему все кости — прямо у тебя на глазах. — Он резко оттолкнул ее и в ярости выбежал из каюты.

Той ночью Риган осталась одна. Ей не хотелось признаваться себе, как она скучает без Тревиса, как ей одиноко без его объятий. Всю ночь она ворочалась в постели, сдерживая рыдания, стараясь не поддаваться страху.

Наутро она проснулась с кругами под глазами, и Сара вновь ни о чем ее не спросила. Они молча сидели в каюте и шили. К вечеру в дверь постучал Дэвид и осведомился, не хочет ли Риган прогуляться с ним.

Когда они поднялись на палубу, Риган, казалось, видела только Тревиса, но он ни разу не повернул голову в ее сторону.

Его равнодушие возмутило ее, и она обратила все свое внимание на Дэвида, который жаловался на долгое путешествие и плохую еду. Заметив, что скучающее выражение в ее глазах сменилось восхищением, он смолк и посмотрел на нее.

— Сегодня вы особенно восхитительны, — прошептал он. — От солнца ваши волосы стали золотисто-красными.

Именно в эту минуту мимо них прошел Тревис, держа на плече громадный кусок холста.

— Благодарю вас, Дэвид, — ответила она громче, чем нужно. — Своими комплиментами вы заставляете женщину чувствовать себя настоящей королевой. Не помню даже, когда мне последний раз говорили такие вещи.

Даже если Тревис и слышал ее, то не подал вида и даже не замедлил шаг.

И опять она провела ночь одна. Ей страстно хотелось показать Тревису, что, хотя он и бросил ее, ей это безразлично. Риган жаждала доказать ему, что способна на самостоятельные поступки. Поэтому она с каждым днем все более открыто кокетничала с Дэвидом, когда Тревис оказывался поблизости.

Вечером третьего дня, когда Дэвид проводил ее до каюты, он, вместо того, чтобы как обычно вежливо пожелать ей доброй ночи, страстно обнял ее.

— Риган, — прошептал он у самого уха. — Вы должны знать, что я люблю вас. Я полюбил вас с первой минуты... И каждую ночь я вынужден одиноко лежать в своей каюте, а это... животное пользуется правом касаться вас. Риган, любимая, скажите, что и вы питаете ко мне те же чувства.

К своему изумлению, она поняла, что поцелуи и объятия Дэвида вызывают у нее отвращение. Она попыталась освободиться из его объятий.

— Я — замужняя женщина! — выдохнула она.

— Замужем за человеком, который недостоин целовать подол вашего платья. Мы будем скрывать нашу любовь, пока не приплывем в порт, а потом мы добьемся расторжения вашего брака.

Вы же не собираетесь провести всю жизнь с этим нищим матросом. Станьте моей, и я построю вам такой дом, какого еще не видели в этой захудалой стране.

— Дэвид! — воскликнула она, уже со всей силы отталкивая его. — Немедленно отпустите меня!

— Нет, любовь моя. Если у вас не хватает решимости оставить его, я сам скажу ему.

— Нет! Прошу вас, не надо! — Внезапно она поняла, что Тревис был прав. Дэвид не нужен ей, и все последние дни она только использовала его, чтобы возбудить ревность Тревиса.

Он повернул к себе ее лицо и начал покрывать его горячими мокрыми поцелуями, а Риган, задыхаясь, пыталась вырваться из объятий Дэвида.

Только что Дэвид обнимал ее, но через секунду уже взлетел в воздух. В изумлении, не веря

своим глазам, она увидела, как Тревис кулаком ударил Дэвида в лицо, и хлипкий юнец отлетел к стене. Потеряв сознание, он сполз на пол, а Тревис еще раз замахнулся на него.

Бросившись к нему, Риган схватила Тревиса за руку и повисла на ней.

— Нет! — закричала она. — Ты убьешь его! Обычно спокойное лицо Тревиса, повернувшегося к ней, исказила гримаса. Его глаза его горели и потемнели от гнева, а губы сжались. В испуге она отпрянула.

— Ты получила, что хотела? — прорычал он, сердито сведя густые брови. Не сказав больше не слова, он повернулся и опять ушел на палубу.

Вся дрожа, Риган следила за тем, как Дэвид приходит в себя. Кровь струилась у него из носа. Первым ее побуждением было помочь юноше. Но увидев, что он пытается подняться, Риган поняла, что он не слишком пострадал, и убежала в свою каюту. Закрыв дверь, Риган прислонилась к ней; сердце ее колотилось, по щекам катились слезы. Тревис оказался прав! Она использовала Дэвида, играла его чувствами, едва ли не пообещала то, что не собиралась делать, и все ради того, чтобы возбудить ревность Тревиса. Но заставить Тревиса ревновать невозможно — она всего лишь его собственность.

Бросившись на кровать, она разрыдалась. Спустя несколько часов, с гудящей головой и покрасневшими глазами после тяжелого, не принесшего облегчения сна, она очнулась от бешеной качки. Лежа в тишине, она пыталась понять, что происходит, и внезапно от толчка упала с койки на жесткий пол и ошеломленно замерла. Дверь каюты распахнулась, ударились о переборку, а корабль швырнуло в другую сторону. В двери появился Тревис в тяжелом плаще из промасленной ткани, его мокрые волосы были растрепаны. Широко расставляя ноги, он, шатаясь от качки, подошел к Риган и взял ее на руки.

— Ты не ранена? — прокричал он, и тут она поняла, насколько чудовищно грохочет море.

— В чем дело? Мы тонем? — Она прижалась к нему, испытывая счастье от того, что он опять рядом с ней.

— Это всего лишь шторм! — крикнул Тревис. — Особой опасности нет, потому что мы к нему готовились много дней. Но ты оставайся здесь, ясно? И не вздумай выйти на палубу или спуститься к другим пассажирам. Ты поняла?

Прижавшись к нему, она кивнула, опустив голову на плечо Тревиса и думая о том, что последние дни он не приходил потому, что готовился к шторму.

Он опустил ее на постель, посмотрел на нее странным взглядом, а потом крепко и по-хозяйски поцеловал.

— Оставайся на месте, — повторил он, коснувшись уголка одного из ее опухших покрасневших глаз. После этого он сразу же ушел, а Риган осталась одна в потемневшей каюте. Теперь, после его ухода, она гораздо сильнее ощутила качку. Чтобы не упасть с койки, она изо всех сил вцепилась в ее края. Под дверь стала просачиваться вода, заливая пол. Пытаясь сохранить равновесие, она старалась представить себе, что же происходит на палубе. Если вода добралась до каюты, значит, она перехлестывает через борт. В ее воображении стали возникать ужасные картины. Однажды, когда Риган была еще ребенком, судомойка дяди получила письмо о том, что ее юного мужа в шторм смыло за борт, а потом один из его друзей рассказал ей эту страшную историю. Все слуги, и Риган вместе с ними, собрались вокруг матроса и, затаив дыхание, слушали чудовищные подробности.

Теперь то повествование показалось ей подлинным, потому что над ее головой пронеслись настоящие волны высотой с дом и такой силы, что, скатываясь назад в море, они могли утащить с собой целую дюжину людей.

А ведь Тревис там, на палубе!

Эта мысль молнией пронеслась в голове. Конечно, Тревису и в голову не приходило, что он может пострадать. Разумеется, он убежден в том, что даже море подчинится ему. А ведь вряд ли он настоящий моряк. Он — простой фермер, который юношей плавал на китобое, а теперь ему пришлось работать, чтобы оплатить дорогу.

От сильнейшего толчка Риган опять выбросило с койки. "Тревис! — подумала она и попыталась встать.

— А вдруг эта волна унесла его с палубы?"

Громкий треск ломающегося дерева над головой заставил ее поднять голову. Корабль разваливается на части! Держась обеими руками за край койки, она смогла выпрямиться и начала долгий путь к сундуку, к счастью, прикрепленному к полу. Сначала ей пришлось найти плащ, а затем предстояло каким-то образом подняться на палубу. Нужно было защитить Тревиса от самого себя, убедить его вернуться в относительно надежную каюту, а если он откажется, нужно быть рядом с ним. Она решила, что если его смочет за борт, она бросит ему канат.

Глава 9

Ни один из слышанных ранее рассказов не мог бы подготовить Риган к порывам пронзительного соленого ветра, который чуть ли не сбил ее с ног, когда она приоткрыла дверь, ведущую на палубу. Ей понадобились все силы, чтобы открыть дверь и выйти наружу, и тут же дверь с треском захлопнулась за ее спиной. Соленые брызги моментально промочили одежду, и шерстяная накидка плотно облепила ее изящное тело.

Вцепившись в поручни трапа и изо всех сил пытаясь держаться прямо, Риган заморгала от холодных пронизывающих струй, словно пытавшихся пробить ее тело, и стала высматривать Тревиса. Сначала ей не удалось разглядеть людей на темной палубе, но боязнь за жизнь Тревиса пересилила боль от хлеставших ее яростных струй.

Когда глаза Риган постепенно привыкли, она увидела туманные очертания людей на самой середине длинной и широкой палубы. Не успела она сообразить, как добраться до них, как корабль внезапно качнуло, она упала на палубу и, подобно щепке, покатилась к борту. Когда ее тело ударилось о борт, она вцепилась в первое, что оказалось под рукой — в деревянный лафет пушки.

Когда волна схлынула, она попыталась встать на ноги, но тут опять раздался сильный треск. На этот раз она поняла, что звук донесся откуда-то сверху. Как видно, ломалась одна из мачт. Медленно, осторожными шажками, она двинулась в ту сторону, где были люди и слышался треск рушащейся мачты.

Она с радостью увидела, что все матросы, и среди них Тревис, держались за какие-либо части корабля и, задрвав головы, смотрели на ломающуюся мачту.

— Говорю тебе, лезь! — проревел капитан, перекрывая шум взбешенного моря.

Протерев глаза, Риган увидела, что матросы отступили на шаг, и не сразу поняла, что капитан приказывает кому-то подняться на мачту. Она уже было собралась сообщить ему, что думает о подобной просьбе, но потом решила промолчать, чтобы Тревис не увидел ее.

Однако, посмотрев на него, Риган поняла, что он уже заметил ее и двинулся к ней. Выражение ярости на его лице было еще более страшным, чем штормовое море, и, не раздумывая, Риган направилась к двери под палубой. Внезапно вся ее храбрость улетучилась.

Не успела Риган сделать и двух шагов, как сильная рука Тревиса схватила ее за плечо. Он не промолвил ни слова, да и нужды в этом не было, поскольку все его чувства были написаны на лице.

Когда корабль качнуло и над ними опять нависла угроза быть смытыми новой волной, Тревис бросился к ней, телом прижал ее к поручням и благодаря своей могучей силе надежно защитил.

— Я тебя за это выпорю! — прокричал он ей в ухо, когда корабль вновь обрел устойчивость.

Но внимание их отвлек громовой возглас капитана:

— Что, среди вас нет настоящего мужчины?

И в эту секунду, пока Тревис до боли сильно сжал ее, Риган увидела Дэвида и сразу поняла, что он пришел на палубу за ней. Даже в полумгле, сквозь брызги бьющейся о борт воды, она разглядела на его лице синяк от кулака Тревиса. Она зажмурилась, и ее охватило чувство вины. Она поняла: он догадался, что Риган только использовала его, догадался, в какое глупое положение попал.

Их захлестнула небольшая волна, они зажмурились, а когда вода схлынула, она увидела, как Дэвид шагнул вперед — но на нее он не смотрел. Держась по возможности прямо, он подошел к капитану.

Остановившись рядом с Тревисом, он прокричал:

— Я — мужчина! Я полезу на мачту.

— Нет! — закричала Риган. — Останови его! Держась за канат у основания мачты, Дэвид повернулся к Тревису. Видимо, понимая его молчаливую мольбу, Тревис кивнул, а потом схватил и сильно сжал руки Риган. Она вырывалась из его объятий, пытаясь подбежать к Дэвиду, понимая, на что он решился и что его решение, равнозначное самоубийству — на ее совести.

Увидев, что ничего не сможет сделать, Риган, как и вся команда, замерла на месте. Тревис держался между поручнями и орудийным лафетом, крепко прижимая к себе Риган, и глаза его ни на секунду не отрывались от фигуры Дэвида.

Радуюсь, что в конце концов нашелся храбрец, который полезет вверх, капитан громко объяснял Дэвиду, что нужно сделать, тем временем обматывая его вокруг пояса линем. По жестам и некоторым долетевшим до нее словам Риган поняла, что Дэвид должен добраться по вантам до первой, самой длинной реи, проползти по ней чуть дальше середины, пока не окажется над бурлящей водой, и закрепить канатом треснувший нок.

Не веря своим ушам, Риган только глубоко вздохнула и от испуга больше не могла

протестовать. Она твердо знала, что на ее глазах человек движется навстречу собственной гибели. От страха она зарылась лицом в грудь Тревиса, но он с силой повернул ее голову, заставляя смотреть на Дэвида, который остановился возле мачты и ждал только одного: прощального взгляда Риган.

Приветственно подняв руку, она беспомощно уронила ее и замерла, прижимаясь спиной к груди Тревиса. Она следила за тем, как юноша с угрюмым лицом полез вверх. Сразу же стало видно, что он неопытен — его ноги срывались с перекладин, так что временами Дэвид удерживался одной рукой. Ветер обрушивался на него, отрывая руки от вантов, и выбивал опору из-под ног.

Глядя на него, Риган с силой укусила себя за руку.

Медленно, с трудом одолевая каждый шаг, Дэвид наконец добрался до реи. Вцепившись в нее обеими руками, он замер на секунду, чтобы передохнуть, а может быть, ждал, когда пройдет еще одна высокая волна, и никак не мог решиться. Когда волны схлынули, стоявшие на палубе увидели, что он по-прежнему на месте, и облегченно вздохнули.

Когда корабль опять выровнялся, Дэвид двинулся к ноку. За полметра до трещины он размотал лить и сжал один конец зубами.

— Осторожнее! — закричал кто-то рядом с Риган.

Но Дэвид не услышал его, потому что между ними опять поднялась волна.

На палубе шум обрушившейся воды смешался с треском ломающейся древесины. Сдерживая дыхание, ожидая, когда вода схлынет — казалось, прошла целая вечность, — Риган со страхом подняла глаза на рею, где так нетвердо держался Дэвид. Когда она опять разглядела его, то улыбнулась, потому что рея была по-прежнему цела.

Но улыбка быстро исчезла с ее лица, когда она поняла, что же все-таки сломалось. Над головой Дэвида находился грот-марс — широкая площадка, откуда матросы вели наблюдение. С одной стороны она обломилась, и обломок висел прямо над головой Дэвида. Судя по тому, что он лежал неподвижно, обломок ударил его.

Риган прижалась к Тревису, не отрывая взгляда от замершего прямо над ее головой маленького тела Дэвида.

Она не предполагала, что Тревис наблюдает за ней, изучая испуганное выражение на ее лице. Она не сознавала, что происходит, пока Тревис не отодвинул ее в сторону. Он опустил ее на палубу и прижал ее руки к тяжелому закрепленному орудию.

— Оставайся на месте! — приказал он, потом схватил закрепленный на кофель-планке лить и обвязался им.

Риган охватила новая волна ужаса, столь глубокого, что она не могла вымолвить ни слова, а ее руки, вцепившиеся в холодный металл пушки, побелели от напряжения.

Едва дыша она следила за тем, как Тревис карабкался вверх, работая руками и ногами гораздо увереннее, чем Дэвид; несмотря на свой рост, он двигался ловко, собственная сила помогала ему противостоять стихии.

Каждый раз, когда на Риган обрушивалась волна, мешая видеть Тревиса, она ощущала

близость смерти. Когда же он добрался до реи, ее тело напряглось и стало таким же холодным, как металл пушки.

Осторожно Тревис пополз вдоль реи, и, когда добрался до Дэвида, обхватил его руками. Склонившись над ним, он, как видно, что-то закричал Дэвиду, но яростный ветер унес его слова прочь. Когда Дэвид поднял голову и посмотрел на него, несколько матросов начали кричать, подбадривая его. Но Риган не ощутила облегчения.

Тревис и Дэвид о чем-то говорили, потом Тревис двинулся дальше, и все опять онемели от ужаса, когда он прополз мимо Дэвида. Быстро и ловко Тревис скрепил треснувший нок и туго обмотал его линем. Дважды ему пришлось остановиться и прижаться к опоре, когда новая волна угрожала унести его в море.

Закончив работу, он вернулся к Дэвиду. Тот протянул ему свободный конец обмотанного вокруг пояса линя, и Тревис обвязался им. Теперь, что бы ни случилось, пока они будут совершать свой долгий спуск на палубу, они связаны друг с другом.

Они опять о чем-то поговорили — видимо, Тревис убеждал Дэвида отпустить рею, в которую тот вцепился.

Сердце Риган едва не остановилось, когда на ее глазах Тревис потянул к себе канат, чтобы Дэвид пополз назад к мачте. Казалось, Тревису некуда спешить: он терпеливо ждал, пока Дэвид начнет двигаться.

Медленно, сантиметр за сантиметром, Дэвид пополз назад, и Тревис помогал юноше нащупать ногами опору. Он помогал Дэвиду как ребенку, направляя руки и ноги куда нужно, а один раз обхватил его руками, удерживая их обоих на непрочных и ненадежных вантах. Когда волна схлынула, они продолжили спуск.

Когда им до палубы оставалось метров шесть, Риган опять смогла дышать. Она видела, как Тревис закричал на Дэвида, как тот покачал головой;

Тревис опять закричал, и, наконец, Дэвид кивнул. Дэвид продолжал спускаться в одиночку, а Тревис привязал конец линя, державшего Дэвида, к вантам.

Распрямившись, Риган увидела, как Тревис убедился в том, что Дэвид вне опасности, и что державший того линь надежно закреплен. Теперь, если бы следующая волна унесла Тревиса, Дэвид мог бы продолжать спуск самостоятельно.

По тому, как Тревис бросил взгляд в сторону моря, Риган поняла, что он заметил нечто, что люди на палубе не могли видеть. Она следила за ним, и слезы струились по ее лицу. Тревис обмотал линь Дэвида вокруг своей могучей руки; затем, схватившись другой рукой за ванты, ногой замахнулся на Дэвида, голова которого находилась рядом с его сапогами. От страха тот сразу разжал руки, его изящное тело рухнуло вниз и падало несколько секунд, пока обвязанный вокруг тела Дэвида линь, другой конец которого Тревис удерживал руками, не натянулся и не остановил падение.

Дэвид издал пронзительный крик, но тут Тревис начал постепенно отпускать канат, а матросы подхватили Дэвида на руки и быстро опустили на палубу.

Но Риган не на секунду не отводила глаз от Тревиса, который, увидев, что Дэвид вне опасности, бросил конец и вцепился в ванты. Голова его дернулась, как бы уклоняясь от удара. Риган решительно оттолкнулась от пушки, и тут на них обрушилась самая высокая за все

время волна. Палубу залила холодная соленая вода; борясь с ней, корабль едва не перевернулся.

Риган рухнула на палубу, покатилась и ударилась о борт с такой силой, что все ее тело содрогнулось. И все же, несмотря на боль, она услышала, что сверху донесся еще один устрашающий треск ломающегося дерева.

Хотя корабль накренился и вода хлестала через нее, Риган вцепилась в поручни и попыталась встать на ноги. Ее не испугал даже крик одного из матросов. Краем глаза она увидела, как через нее перелетело чье-то тело и упало за борт. Она дышала с трудом, почти ничего не видела, но, борясь с волнами, смотрела туда, где висел Тревис.

Если бы она не вглядывалась, то в кромешной мгле не увидела бы, как руки Тревиса разжались, и он начал падать. Его нога застряла в вантах, и это спасло его — видно было, как он борется, чтобы не потерять сознание, и пытается нащупать рукой что-нибудь, чем он мог привязать себя к вантам.

Удары обрушившейся воды подбрасывали тяжелый корабль как игрушку, а Риган, держась за борт, молилась и смотрела, как Тревис пытается удержаться на вантах. Она понимала — что-то случилось, ему приходится бороться не только со штормовой стихией.

Держась одной рукой за поручни, она схватила со стены свернутый линь и двинулась к основанию вант.

Со всех сторон неслись крики матросов, но ветер и брызги искажали звуки. Риган пристально следила за тем, как Тревис с трудом ползет вниз. По-прежнему изо всех сил цепляясь за ванты, она начала взбираться вверх, пока наконец не коснулась его сапога.

Ей было страшно, но, понимая, что другого выхода нет, Риган обмотала линь вокруг его ноги и вантов. Линь был слишком длинным и толстым, чтобы можно было как следует завязать узел, поэтому она просто обмотала его, надеясь, что успеет закончить, пока не обрушится следующая волна.

Она была совершенно не готова к тому, что волна захлестнет ее, пока висела над палубой, держась только за тонкий вант. Чтобы спасти жизнь, она привязалась к вантам.

Когда волна спала, от страха Риган не могла двинуться; ее рука сжимала обмотанный вокруг ноги Тревиса линь. Она боялась открыть глаза, Она сделала все, что в ее силах, чтобы спасти Тревиса, и теперь боялась посмотреть, остался ли он на месте. Казалось, прошла вечность, прежде чем она, и сидя, и вися одновременно, услышала с палубы крики. Вместо того чтобы открыть глаза, она зажмурилась еще сильнее.

— Тревис! — раздался звонкий голос откуда-то снизу, совсем рядом с ней.

— Миссис Стэнфорд! — Этот голос мог принадлежать только капитану.

В страхе она открыла глаза, но боялась смотреть влево, где, по-видимому, висел Тревис — а вдруг его там уже нет?

Позже никто так и не мог вспомнить, кто же рассмеялся первым. Возможно, смеяться было нечему. Но матросы так радовались, что шторм прошел — последние две волны сбили корабль с курса — что представшее их глазам зрелище показалось им поистине забавным.

Итак, в трех метрах над палубой сидела на вантах Риган в промокшем насквозь муслиновом платье, продев босые ноги между перекладинами и накрепко скрестив их, а руками обнимала собственное тело. В одной руке она сжимала конец линя, обмотанного вокруг ноги Тревиса, который был ростом вдвое выше Риган; он висел, откинувшись на тросы, и как будто спал. Это выглядело так, будто маленькая девочка ведет за собой некое странное животное.

— Хватит веселиться, помогите им! — проревел капитан.

Смех этот внушил ей надежду, и Риган осмелилась посмотреть на Тревиса; с близкого расстояния ей было видно, что по его щеке течет кровь.

Когда трое матросов поднялись к Риган и увидели, что приключилось с Тревисом, смех прекратился.

— Вы спасли ему жизнь, — сказал один из них с дрожью в голосе. — Он ведь нас даже не видит. Без вашей помощи он бы не смог там закрепиться.

— Он цел?

— Он дышит, — ответил матрос, но больше ничего не добавил.

— Нет, сначала помогите Тревису спуститься, — сказала она, когда матрос хотел помочь ей.

Только теперь матросы поняли, насколько серьезно то, что совершила Риган, и в изумлении смотрели на нее, а потом отвернулись, из уважения отводя глаза от ее изящных обнаженных ног.

Стараясь хоть сколько-нибудь сохранить собственное достоинство, Риган с помощью матроса спустилась на палубу. Она поразилась тому, как высоко ей удалось влезть. Ведь спускаться было очень трудно.

Снова оказавшись на твердой поверхности, она побежала за матросами, несшими Тревиса в каюту. Проходя мимо каюты Дэвида, один из них заметил вполголоса, что юный джентльмен спит. В ответ Риган только кивнула — все ее мысли были только о Тревисе. Вскоре пришел судовой врач и осмотрел рану на голове.

— Его, должно быть, ударил оторвавшийся кусок грот-марса. — Доктор повернулся к Риган. — Мне сказали, что это вы не дали смыть его за борт, — с уважением заметил он.

— Он выздоровеет? — спросила она, не обратив внимания на его похвалу.

— При повреждениях головы может быть всякое. Бывает, что люди выживают, но голова у них после этого перестает работать. Постарайтесь заставить его выпить воды и спокойно лежать, не двигаться. Простите, что ничем больше не могу вам помочь.

Риган только кивнула, убирая промокшие волосы со лба Тревиса. Корабль по-прежнему бешено болтало, но по сравнению с предыдущими часами качка ослабела.

Повернувшись, она попросила одного из оставшихся матросов принести пресной воды.

Оставшись наедине с Тревисом, она принялась за дело: сначала она сняла с него одежду, хотя сделать это было непросто, поскольку недвижимое тело Тревиса было очень тяжелым. Укутав его в сухие теплые одеяла, которые достала из сундука, она вдруг услышала стук в дверь. В

проходе стояла Сара Трамбул.

— Один из матросов позвал меня и сказал, что вы совершили немислимое — привязали Тревиса к парусу. Говорят, Тревис ранен, вам нужна помощь. И еще просили передать вот это.

Риган взяла протянутый ей кувшин воды.

— Помощь мне не нужна, — ответила она сухо. — Лучше помогите другим пассажирам. — Она кивком показала на каюту Дэвида.

Сара заметила на лице Риган озабоченность и поняла, что опасность велика.

— Все на корабле молятся за вас, — прошептала она и быстро пожала руку Риган.

Оставшись одна, Риган стала обмывать его голову. Рана была небольшой, но, очевидно, удар по голове оказался очень сильным, потому что Тревис не приходил в себя. Она вымыла и согрела его, а он по-прежнему был недвижим. Риган вытянулась на кровати рядом с ним, надеясь, что одной лишь силой воли вернет его к жизни.

Она заснула от изнеможения и проснулась спустя несколько часов, стуча зубами от холода. Она даже забыла переодеться и заснула в промокшей одежде. Тревис по-прежнему был без сознания; лицо его покрывала мертвенная бледность.

Осторожно поднявшись, Риган сняла с себя сырую холодную одежду. Она вдруг заметила, что где-то потеряла новую шерстяную накидку и что платье из муслина порвано в нескольких местах. «Бедный Тревис», — подумала она, улыбаясь. Не успеют ей сшить всю заказанную одежду, как ему придется заказывать для нее новый гардероб.

При этой мысли она поднесла ладонь к губам, на глазах ее выступили слезы. А вдруг Тревису не придется увидеть ее новое платье, а вдруг он так и не очнется от своего забытья, похожего на смерть? И все это по ее вине! Если бы она не кокетничала с Дэвидом, юноше не пришлось бы доказывать Тревису, что он — настоящий мужчина. «Если бы только...» — подумала Риган, но мысли ее прервались.

Подойдя к шкафу, она достала платье из тяжелого расшитого коричневого шелка, с узкой талией, с воротником и рукавами, отделанными розовым атласом. Переодевшись, она опять села около Тревиса, обмыла его похолодевшее лицо и обработала по-прежнему кровоточившую рану.

В полночь он вдруг зашевелился, начал метаться по кровати, и Риган безуспешно пыталась сдержать его дергавшиеся руки, чтобы он не поранил себя. Тревис был слишком силен для нее, поэтому она только обхватила его руками и, придавив собственным весом, не позволяла двигаться.

К утру силы покинули его, и он заснул; глаза его были все время закрыты. Когда в окно стали пробиваться первые лучи солнца, Риган села на край кровати, опустила голову ему на плечо и погрузилась в глубокий сон.

Разбудила ее рука Тревиса — он нежно гладил ее волосы и шею. Она сразу же проснулась, подняла голову и посмотрела на него в надежде понять, пришел ли он в сознание.

— Почему ты одета? — хрипло прошептал он, как будто для него в мире не было ничего важнее.

За последние несколько часов ее тело одеревенело, но поскольку напряжение сразу прошло, она задрожала. К глазам Риган подступили горячие слезы и заструились по щекам. Значит, Тревис не только выздоровеет, но и последствий от удара не будет.

Он потрогал ее щеку, залитую слезами.

— Последнее, что я помню — как отломился грот-марс. Он упал мне на голову?

Риган смогла только кивнуть и заплакала еще горше.

— Это было вчера или позавчера?

— Позавчера, — прошептала она, с трудом проглотив комок в горле.

Тревис улыбнулся, опять заморгал от боли, и снова заулыбался:

— Значит, ты плачешь обо мне? В ответ она опять только кивнула. Его глаза смежились, но он продолжал улыбаться.

— Стоило слегка получить по голове, чтобы моя девочка по мне заплакала, — прошептал он и погрузился в сон.

Риган опустила голову ему на грудь и разрыдалась. Она плакала, вспоминая пережитый ужас при виде Тревиса, взбиравшегося по вантам, чтобы выручить Дэвида, вспоминая, как сама она взбиралась за Тревисом, как страдала, не зная, будет ли он жить.

Тревис был исключительным пациентом, таким необыкновенным, что спустя два дня Риган была уже в изнеможении. Он привык к заботе и был куда более требовательным, чем следовало бы. Он хотел, чтобы Риган сама кормила его с ложечки, чтобы помогала ему одеваться, чтобы дважды в день обмывала его. Каждый раз, когда Риган предлагала ему погулять по палубе, чтобы восстановить силы, у Тревиса внезапно начинался приступ сильной головной боли, и он еще настойчивее, чем обычно, требовал, чтобы Риган влажной салфеткой освежала ему лоб.

На четвертый день, когда Риган уже была готова сказать Тревису, что зря волны не смыли его в море, в дверь постучал Дэвид Уэйнрайт.

— Мне можно войти? — Рука его была по-прежнему перевязана, а на подбородке бледнел зеленоватый синяк. Тревис выпрямился, продемонстрировав свои возможности куда лучше, чем за все последние дни.

— Конечно, входите. Садитесь.

— Нет, спасибо, — негромко ответил Дэвид, не глядя на Риган. — Я пришел поблагодарить вас за то, что вы спасли мне жизнь.

Тревис посмотрел на него.

— Я сделал это только потому, что мне стало стыдно — рядом с вами мы все выглядели трусами.

Дэвид смотрел на него в изумлении. Он вспомнил: страх парализовал его, когда он оказался на рее, а Тревис с поразительным мужеством в разгар шторма помог ему спуститься. Он понял, что Тревис не намерен рассказывать об этом кому-либо. Плечи Дэвида распрямылись, и он

слабо улыбнулся.

— Благодарю вас, — сказал он, и взгляд его был выразительнее слов.

— Ты такой добрый. — Риган наклонилась и поцеловала Тревиса в щеку.

Его рука быстро обвилась вокруг ее талии.

— Ты не угадала, — пробормотал он, подтянул ее к себе и поцеловал в губы.

Риган обняла его за шею, отвечая на его зов, и подумала о том, что уже давно ее прикосновения к телу Тревиса имели совершенно иной смысл.

Вырвавшись из его объятий, она засмеялась, когда он нежно укусил ее за нижнюю губу.

— А час назад ты был так слаб, что не мог встать с кровати.

— Я и сейчас не хочу вставать с кровати, только это никак не связано с моей слабостью, — сказал он, положив руку ей на спину.

Она сразу же вскочила.

— Тревис Стэнфорд, если ты порвешь мне еще одно красивое платье, я больше не буду с тобой разговаривать.

— А мне и не нужно, чтобы ты со мной разговаривала, — ответил он и отбросил одеяло, показывая, что вполне готов овладеть ею.

— Ого! — вздохнула она, расстегивая пуговицы с невероятной скоростью.

Раздевшись, она с радостью скользнула к нему в кровать, и, принявшись гладить его ногами, уткнулась ему в шею. Она слишком давно ждала, чтобы он вернулся в ее постель, поэтому, как и он, была готова к этой встрече. Но когда она попыталась привлечь его на себя, он не шелохнулся.

— Нет, моя сиделка, — засмеялся он, обхватил Риган за талию и, приподняв как игрушку, посадил на себя.

Задыхнувшись от неожиданности, Риган не сразу оправилась от шока. Но когда Тревис подтянул ее к себе и взял губами сосок, удивление сменилось восторгом. Его руки гладили ее спину, его губы ласкали ее грудь. Еще никогда ей не приходилось испытывать наслаждение, которое, зарождаясь сразу в нескольких точках, захлестывало все ее тело. Его могучие руки опять обняли ее за талию, медленно приподняли, потом опустили.

Риган сразу же уловила нужный ритм движений. На сильных ногах, окрепших от ходьбы по постоянно качающемуся кораблю, тело ее стало подниматься и опускаться. Вскоре она поняла, что ей нравится управлять ритмом, быстрее или медленнее. Она наклонилась, чтобы грудью коснуться груди Тревиса, припала к нему, и на его красивом лице отразилось блаженство.

Но желание смотреть на него быстро улетучилось, когда ее страсть закипела, и Риган стала двигаться все быстрее и быстрее. Тревис обхватил ее и, не выходя из нее, положил на спину, сильными и быстрыми толчками он врывался в нее, пока их не окатила волна освобождения и восторга.

Изнуренный, он замер на ней. Все его тело блестело от пота, мышцы расслабились. Риган, придавленная его весом, улыбнулась и обняла Тревиса. Ее удовольствие стало острее от того, что она подчинила его себе, что на ней лежал такой сильный мужчина, ставший послушным и спокойным.

Продолжая улыбаться, она заснула.

Глава 10

Риган лежала на узкой койке, откинувшись на подушки, и дрожала от слабости, а Тревис прикладывал к ее лбу влажную салфетку. Благодарно посмотрев на него, она через силу улыбнулась.

— Морская болезнь мне так некстати, — прошептала она.

Тревис ничего не ответил, а поднял ночной горшок, куда Риган освободила желудок, и пошел на палубу вычистить его.

От слабости Риган лежала безмолвно и не могла шевельнуться. В глубине души она чувствовала, что неожиданно настигшая ее болезнь каким-то образом связана с душевным состоянием. Разумеется, она не могла признаться в этом Тревису, но ее страшила мысль об Америке. Она останется одинокой в чужой стране, жители которой временами говорили на совершенно непонятном ей языке.

После шторма прошел почти месяц, и все это время она практически ничем не занималась, а только помогала Саре шить для себя новую одежду. Больше она не кокетничала с Дэвидом Уэйнрайтом, чтобы возбудить ревность Тревиса. Напротив, она проводила с Тревисом все время, ела, спала и беседовала только с ним. Он оказался замечательным рассказчиком и развлекал ее долгими повествованиями о своих друзьях в Виргинии. Она узнала про Клея и Николь Армстронг; он рассказал ей невероятную историю о том, как раньше Клей, будучи женат на французской аристократке, одновременно обручился с другой женщиной. Слушая его, Риган смеялась до слез, особенно услышав про то, как умеют гримасничать племянник и племянница Клея.

Он рассказал ей о своем младшем брате Уэсли, и только спустя несколько дней Риган сообразила, что он уже юноша, а вовсе не ребенок. Она мысленно молилась за каждого, кому приходилось жить под властью Тревиса. Еще она услышала про семейство Бэксов и других людей, живших выше или ниже по реке.

Риган слушала с интересом, в своем воображении приукрашивая его рассказы. Представляя себе этих людей, она видела маленькие, грубо сколоченные домики; женщин в простых коленкорových платьях и курящих трубки, сделанные из кукурузных початков; мужчин, простых фермеров, трудолюбиво работавших в полях. Радостно улыбаясь, она рассчитывала все же, что эти люди не будут воспринимать ее как некую королеву только из-за ее красивых дорогих нарядов.

За рассказами Тревиса и собственными фантазиями, которые их расцветивали, долгое плавание пролетело быстро, и только на этой неделе она стала волноваться. Она не знала, тошнит ли ее от волнения, или же есть другая причина. Риган только понимала, что внезапно ослабела, почувствовала себя отвратительно, и теперь, лежа на койке, лениво смотрела в потолок и мучилась болями в животе.

С самого начала болезни Тревис умело ухаживал за ней: он молча помогал ей, поддерживал

голову, когда на нее накатывала дурнота, умывал ее и требовал, чтобы она отдыхала. Он даже перестал работать вместе с командой и почти не оставлял ее одну.

А Риган считала, что его внимательность, — своего рода прощание с ней. Красивая одежда и нежность в последнюю минуту стали как бы вознаграждением за ее близость во время плавания в Америку. Теперь он от нее избавится, вернется к семье и друзьям и уже никогда ее не увидит. Больше его не будет интересовать, кокетничает ли она с другими мужчинами, и есть ли от нее какая-нибудь польза.

По ее лицу потекли слезы. Но почему же он не оставил ее в Англии, где, по крайней мере, ей все было привычно? Зачем он вынудил ее отправиться в эту далекую страну, где решил избавиться от нее как от ненужного хлама?

Она вознамерилась высказать ему все, что думает о нем, но когда Тревис вернулся в каюту, ее опять стало тошнить, и раздражение исчезло.

— Только что мы видели землю, — сообщил Тревис и обнял ее. Она опустила голову на его теплую, внушающую спокойствие грудь. — Завтра в это время мы уже должны прибыть в гавань Виргинии.

— Прекрасно, — прошептала она. — Может быть, когда мы сойдем на сушу, морская болезнь меня отпустит.

Эти слова развеселили Тревиса; он обнял Риган и погладил по голове.

— Думаю, твоя морская болезнь очень скоро пройдет.

Следующие несколько часов на корабле кипела работа. Сара уложила в сундук последнее из новых платьев Риган, а Тревис расплатился с ней и с женщиной, которая помогала ей шить. Прощаясь. Сара и Риган плакали. Сара должна была остаться на корабле и дальше плыть на север, в Нью-Йорк, где жила ее семья. Многие женщины, которым Риган помогала во время их болезни, сложились и подарили ей детское одеяло, расшитое розами.

— Мы так решили, что вам оно скоро понадобится, — сказала одна из них, лукаво посмотрев на Риган и бросив взгляд на Тревиса.

— Я так благодарна вам, — сказала Риган, которая обрадовалась гораздо сильнее, чем им могло показаться. Ведь не могла же она признаться этим женщинам в том, что они стали ее первыми друзьями.

Ночью она лежала без сна в объятиях Тревиса и разглядывала его лицо, освещенное светом луны. Она жалела, что он стал так много для нее значить, ей хотелось ненавидеть его, как раньше, даже считать его негодяем; но сейчас она ощущала только глубокое одиночество от того, что так много теряет: и этого крупного властного человека, от которого она стала зависеть, и женщин, которые видели в ней подругу и вовсе не считали ее бесполезной.

Наутро она хранила гробовое молчание. С трудом выдавливая из себя улыбку, она стояла на палубе и махала рукой своим новым подругам, которые радовались тому, что наконец покидают корабль и испытывали возбуждение от того, что одни вернулись домой, а другие прибыли в новую для себя с грану.

Тревис ушел, чтобы нанять грузчиков. Когда Риган проснулась, было довольно поздно. Корабль уже стоял в порту, и некоторые из пассажиров успели сойти на берег. Поцеловав ее на бегу,

Тревис объявил, что будет занят до середины дня. По его словам, штормовой ветер дул в сторону Америки, и они пришли в порт на несколько дней раньше, поэтому никто их не встречает.

«Нас!» — с отвращением подумала Риган, наблюдая за тем, как Тревис показывал матросам, куда ставить ящики.

— Миссис Стэнфорд!

Повернувшись на робкий голос, она увидела за спиной Дэвида Уэйнрайта. Он похудел еще больше, и обращаясь к ней, отвел глаза в сторону.

— Хочу пожелать всего хорошего вам и вашему мужу, — тихо произнес он.

— Благодарю вас, — ответила она.

На лице его было написано то же чувство неуверенности, которое терзало Риган. Ей захотелось лишь, чтобы по ее лицу ничего не было заметно. Она только лестила себя надеждой, что у нее не такой же несчастный, как у него, вид — Надеюсь, нам обоим Америка понравится больше, чем мы предполагали, — добавила она.

Но Дэвид не захотел понять ее намеки на беседы, которые они вели между собой во время плавания; он был слишком смущен.

— Скажите вашему мужу... — Он не смог договорить, резко схватил ее руку, прижался к ней губами, на секунду посмотрел ей в глаза, с трудом прошептал: «До свидания», и заспешил по сходням на берег.

Согретая чувствами Дэвида, она облокотилась на поручни и внезапно увидела, что Тревис мрачно смотрит на нее. Она весело помахала ему рукой и впервые подумала о том, что, может быть, сумеет в одиночку прожить в этой новой для нее стране. В конце концов, за время путешествия она подружилась со многими людьми. А что, если...

Тревис лишил ее возможности помечтать: спустя несколько минут он уже давал ей указания, что нужно побыстрее обедать, надеть одежду попрочнее и уложить оставшиеся платья в сундук. Иными словами, он продолжал управлять ее жизнью.

Она решила, что он никак не дождетя, когда же избавится от нее, поэтому выполняла его распоряжения так медленно, что он пришел в ярость.

— Или ты закончишь через две минуты, или я тебя унесу с корабля, — предупредил он. — Фургон уже ждет, и нам нужно добраться до места еще до заката.

Любопытство пересилило гнев Риган.

— А куда мы едем? Ты... Ты нашел мне работу? Замерев с сундуком на спине, Тревис улыбнулся.

— Я нашел тебе работу что надо! Дело, которое лучше всего тебе удастся. Ну ладно, теперь идем.

Собравшись с силами, Риган не стала сердиться на его слова, а пошла вслед за ним по сходням, высоко подняв голову.

Он бросил сундук в ветхую омерзительную повозку.

— Прости! — Он расхохотался, видя ее отвращение. — Я же говорил тебе, что мы пришли слишком рано, поэтому смог добыть только такой фургон. Сейчас мы поедem к одному моему другу, а завтра я позаимствую шлюп.

Риган ничего не поняла из его слов. Она знала, что шлюп — это корабль, но не могла уразуметь, зачем он нужен Тревису. Подхватив ее за талию, он посадил ее на полусгнившее сидение так же бесцеремонно, как погрузил сундук, а потом и сам уселся рядом с ней и, прикрикнув, погнал вперед двух унылых лошадей.

Пейзаж, проплывавший мимо них, казался диким и опасным, да и дорога была ужасна — немногим лучше укатанной тропинки. Сжимая зубы на ухабах, она чувствовала, что Тревис не пропустил ни одной выбоины.

Посмеиваясь, он посмотрел на нее.

— Теперь ты понимаешь, почему мы обычно путешествуем по воде? Завтра мы поплывем на чистеньком шлюпе, и нам уже не придется трястись по рытвинам.

Она так и не знала, где окажется завтра, поскольку Тревис, видимо, утаивал от нее, где ей придется работать. Риган не хотела расспрашивать его, зная, что ее вопросы будут встречены яростным взглядом.

Солнце уже клонилось к закату, когда они остановились у первого же увиденного на дороге дома — аккуратного, ухоженного, выкрашенного в белый цвет и обшитого дранкой. Дорожку к крыльцу украшали первые весенние цветы, теплый ветерок мягко теребил разноцветные лепестки. Дом этот был без особых затей, но все равно гораздо лучше, чем Риган ожидала увидеть в Америке.

На стук Тревиса дверь открыла полная седая женщина в надетом поверх муслинового платья переднике.

— Тревис! — воскликнула она. — Мы уж думали, не приключилось ли чего. Посланный тобой человек сказал, что ты приедешь к нам гораздо раньше.

— Здравствуй, Марта, — ответил он и поцеловал ее в щеку. — Дорога оказалась длиннее, чем я думал. А судья дома?

Марта засмеялась:

— Ты все такой же нетерпеливый. А это, как я понимаю, и есть та юная леди? Тревис похозяйски обнял Риган.

— Это Риган, а это — Марта. Оскорбленная простецкими манерами Тревиса, Риган протянула руку:

— Рада познакомиться с вами, миссис...?

— Просто Марта, — улыбнулась ее новая знакомая. — Вы теперь в Америке. Идите в комнату, судья ждет вас.

Увлекаемая Тревисом, Риган оказалась в красивой комнате с ухоженной старой мебелью,

обитой мягкой зеленой тканью; занавески на окнах были того же цвета. Не успела она произнести ни слова, как ее представили судье — высокому и почти лысому мужчине, которого вместо имени все называли судьей.

Едва Риган поздоровалась с новыми знакомыми, пожав им руки, как услышала:
«Возлюбленные братья и сестры, сегодня мы собрались во имя нашего Господа Бога...»

Удивившись, Риган решила, что слух ее подводит. Она оглядела стоявших вокруг. Марта ангельски улыбалась мужу, державшему в руке открытую книгу — он совершал брачную церемонию. Тревис держал Риган за руку и был очень серьезен.

Только через несколько минут Риган поняла, что происходит. Даже не спросив ее согласия, Риган выдавали замуж за Тревиса Стэнфорда! Она стояла перед этими чужими ей людьми, не сменив дорожное платье из тяжелого темно-зеленого полотна, с покрытым пылью лицом, усталая, измученная думами о своем будущем, — и участвовала в свадебной церемонии! Покосившись на торжественное лицо Тревиса, она решила, что на этот раз он зашел слишком далеко. Прежде чем выйти замуж, она должна выслушать предложение вступить в брак и непременно надеть в этот день свое самое красивое платье.

Она видела, что все стоявшие вокруг не спускают с нее глаз.

Улыбаясь, судья сказал:

— Риган, согласна ли ты взять этого мужчину в мужа?

Повернувшись к Тревису, она улыбнулась своей самой приятной улыбкой и прошептала:

— Нет!

Присутствовавшие не сразу поняли, что происходит. Марта громко захихикала: она была хорошо знакома с привычкой Тревиса подавлять ближних. Судья быстро опустил глаза в книгу. С пылающим от ярости лицом Тревис схватил Риган за руку выше локтя, буквально вытащил ее в просторный холл и закрыл за собой дверь.

— Что означает, черт побери, эта твоя выходка? — прорычал он, склонившись к ее лицу.

Невольно отступив назад, Риган старалась не поддаваться. Ведь право на ее стороне:

— Ты ни разу даже не спросил, хочу ли я выйти за тебя замуж. Ты не спросил и о том, хочу ли я уехать в Америку. Мне надоело, что ты все решаешь за меня.

— Решаю! — отозвался он. — Ни один из нас не принимает каких-либо решений. Все решила за нас судьба.

Видя ее изумленное лицо, он застонал:

— Стоило бы вбить в тебя немного здравого смысла, только боюсь за ребенка.

— Ребенка? — прошептала она. На секунду закрыв глаза, Тревис, казалось, молил Бога дать ему силы.

— Ты же не настолько витаешь в облаках, чтобы не знать — от того, чем мы занимались в постели, рождаются дети.

Она ничего не ответила, и он продолжил более спокойным тоном:

— Неужели ты действительно думала, что последние недели страдала от морской болезни? И он нежно погладил ее щеку.

— Любимая, ты носишь моего ребенка, а мой принцип — жениться на матери моих детей.

Риган оторопела, она не могла собраться с мыслями.

— А как же работа? — прошептала она. — И потом, я не могу выходить замуж в этом платье, и цветов у меня нет, и... и... Господи, Тревис! Ребенок!

Он крепко обнял ее.

— А я-то думал, ты поняла. Мне казалось, ты просто скрывала от меня. Я бы и сам этого не понял, только вот жену моего друга Клея как-то раз при мне стошнило. Тогда она мне и объяснила, что с многими женщинами это случается в первые несколько месяцев. А теперь, милая, — спросил он, взяв ее за подбородок, — ты выйдешь за меня замуж?

Заметив ее колебания, он добавил:

— В моем доме ты сможешь выполнять любую работу. — Он улыбнулся. — Ты заработаешь таким образом право удовлетворять любые свои желания. А что касается твоего платья, я предпочитаю, чтобы на тебе вообще ничего не было, поэтому меня устраивает любое. К тому же с нами здесь только Марта и судья. А цветы я могу нарвать в саду Марты.

— Нет, — прошептала она, сдерживая слезы. Он говорит так логично. Конечно же, у нее будет ребенок; конечно же, она выйдет за него замуж. Она мало что могла сделать по своей воле, понимая, что ей не удастся убежать от Тревиса, коль скоро у нее есть нечто, принадлежащее ему. Что же касается одежды, она не имеет значения. Если она может выйти замуж без любви, конечно, она обойдется и без красивого платья.

— Я готова, — мрачно объявила она.

— Я же не веду тебя на казнь, — усмехнулся он. — А ночью я искуплю свою вину за сегодняшние события.

Направляясь впереди него в гостиную, она думала о том, что Тревис никогда ее не поймет. Предполагается, что свадьба — это самый важный момент в жизни женщины, когда она чувствует, что все ее любят и желают ей безбрежного счастья. Всю оставшуюся жизнь она будет помнить эту тайную ужасную церемонию, в которой участвовали всего несколько незнакомых ей людей, а сама свадьба совершалась не ради нее, а ради того, что находилось в ее чреве. В нужный момент она механически сказала, что возьмет Тревиса в мужа и проигнорировала его ищущий взгляд. Когда настало время надеть ей на палец кольцо, Марта предложила свое, но Риган только пожала плечами и учтиво ответила, что кольцо — это неважно.

К концу церемонии никто не улыбался, и когда Тревис наклонился, чтобы поцеловать ее, Риган подставила ему щеку. Она едва пригубила предложенное судьей вино и промолчала, когда Тревис объявил, что им пора уезжать.

Через силу улыбаясь, Риган попрощалась с хозяевами и поблагодарила их, а Тревис помог ей опять подняться на сидение фургона. Напряжение этого дня, свадьба — если ее можно было

так назвать — лишили ее сил, и когда она, ослабев, села, Тревис подтянул ее к себе.

— Не очень-то хорошая свадьба получилась, правда? — спросил он глухо. — О такой своим внукам не расскажешь.

— Нет, — просто ответила она и замолчала, чтобы не заплакать. Теперь ей хотелось одного — спать. Может быть, завтра она будет с радостью думать о своем ребенке и о том, что она — жена Тревиса.

Когда фургон остановился, Риган почти спала. Тревис, взяв ее на руки, поднялся на несколько ступенек, и она приоткрыла глаза.

— Мы дома? — пролепетала она — Нет еще — Его голос звучал серьезно, без обычных признаков веселья. — Мы в гостинице. Утром мы поедем домой.

Она только кивнула и прижалась к нему. По крайней мере, ее ждала брачная ночь. Если Тревис и не умел устраивать свадьбу, он, во всяком случае, имел представление о том, как подарить женщине такую ночь, о которой она может только мечтать.

Лежа на кровати, на которую ее опустил Тревис, Риган слышала, как он поднимает по лестнице сундуки. А может, стать женой Тревиса не так уж плохо — по крайней мере, ей больше не нужно бояться, что она останется одна.

Улыбаясь, она почувствовала на щеке его теплые губы.

— Я скоро вернусь, — прошептал он, и по ее спине пробежала дрожь. — А ты отдыхай, это тебе необходимо.

Когда дверь за ним закрылась, Риган вытянулась, положила руки под голову и невидящим взглядом уставилась в потолок. Сегодня — ее брачная ночь. В прошлом году одна из служанок с кухни ее дяди вышла замуж, и на следующий день после свадьбы ее безжалостно дразнили, но девушка так сияла, что шуточкинисколько ее не смущали. Теперь Риган поняла причину этого.

Внезапно она села. Пусть она уже потеряла невинность и ждет ребенка; но сегодня она ощущает себя именно девственницей. С обожанием посмотрев в сторону закрытой двери, она подумала, как ласков Тревис — он оставил ее одну, чтобы она могла подготовиться.

На старом комодe в углу комнатки Риган ждала горячая вода, и она догадалась, что Тревис, видимо, заранее послал кого-то, чтобы все подготовить к их приезду. Он даже оставил ключи от сундуков на комодe. Зная, что Тревис — нетерпеливый новобрачный и долго отсутствовать не будет, она поспешно открыла сундук и стала разбирать замечательные платья, которые сшила вместе с Сарой. В самом низу лежало платье из тонкого шелка с серебряным отливом. Оно было полупрозрачным, сквозь него просматривались очертания ладони Риган. Оно было откровенным и в то же время скрывало тайну. Она хранила этот замечательный шелк лунного цвета именно для такого случая.

Она быстро расстегнула свое льняное платье, забыв о том, что эта дорожная одежда стала ее свадебным туалетом. Во всяком случае, в брачную ночь она оденется элегантно. Раздевшись донага, она стала мыться, весело смеясь. Потом надела платье и вздрогнула от удовольствия, когда ее кожи коснулся шелк. Это ощущение было божественным, нежным, ласковым, ткань облегла ее формы, подчеркивая именно то, что нужно. Подойдя к зеркалу, она немного удивилась, увидев, как ее груди приподняли мягкую ткань, ее розовые соски едва угадывались

под нежным шелком и в то же время притягивали к себе взгляд. «Да, так», — подумала она. Тревису понравится это платье.

Из сундука она достала подаренную Тревисом щетку для волос, отделанную серебром. Когда она вынула булавки, волосы хлынули по ее спине, разметавшись легкими завитками вокруг лица. Она обрадовалась, что не обрезала свои волосы коротко, как стали делать многие женщины после революции во Франции. Она несколько раз провела щеткой по волосам и бросилась в постель, решив, что и так потратила слишком много времени. Ее охватывало такое же нетерпение, как, очевидно, и Тревиса.

В постели Риган приняла позу, которая, как она надеялась, выглядела соблазнительной — слегка откинулась на подушки и вытянула одну руку, а вторую изогнула так, чтобы кончики пальцев легко касались плеча. Придав себе изысканный, как она считала, вид, Риган призывно посмотрела в сторону двери. Было уже очень поздно, в гостинице стояла тишина, но каждый раз, когда тихо поскрипывали половицы, она начинала улыбаться, пытаясь представить себе лицо Тревиса, когда он войдет. Чем больше она думала о нем, тем сильнее выгибала спину и выпячивала грудь. Она вспомнила слова Фаррела о том, как он боится брачной ночи, когда Риган, вероятно, будет жеманиться и плакать, подобно двухлетнему ребенку. Хотя Фаррелу этого никогда не узнать, сегодня ночью она докажет, как он ошибался. Она будет соблазнительницей, искусительницей — женщиной, знающей, что она хочет, и добивающейся своего. Тревис будет трепетать перед ней на коленях, а она — повелевать им.

Может быть, из-за неудобного положения Риган вдруг почувствовала боль в спине; потом заболели руки и онемело бедро. Слегка передвинувшись и опустив руку к колену, она стала возвращаться из мира мечтаний. Зная, что обладает фантастической способностью надолго ускользать от действительности, Риган спрашивала, сколько времени пролежала в этой позе.

Обведя взглядом комнату, она не увидела часов. Луна за окном тоже не светила, а стоявшая возле кровати свеча обгорела на несколько дюймов. «Где же Тревис?» — подумала она, отбросила одеяло и подошла к окну.

Наверняка он понимает, что ей не нужно столько времени, чтобы подготовиться к его приходу. Сверкнула молния, на секунду озарив пустой двор. Спустя несколько минут пошел слабый дождь, и Риган вздрогнула от холодного ветра, подувшего сквозь неплотно закрытое окно.

Вернувшись в теплую постель, она огляделась, лениво думая о том, что эта комната очень напоминает ту, в которой Тревис держал ее под замком в Англии. Тогда она была его рабыней, теперь же стала его женой. У нее, правда, нет кольца, и брачный договор судья подписал с Тревисом. Однако, с улыбкой подумала Риган, она носит ребенка Тревиса, и ради этого он вернется.

При мысли о том, что он может не вернуться, она нахмурилась. Почему ей в голову пришла такая нелепая мысль? Тревис — человек чести, он женился на ней.

— Человек чести, — прошептала она. — Разве люди чести похищают женщин и против их воли отвозят в Америку?

Он объяснял ей, почему заставил отправиться в дорогу вместе с ним, но, может быть, ему просто нужна была женщина, чтобы все долгое плавание по морю согреть его постель? А ведь она так и делала! Они едва не сожгли своей страстью кровать, и теперь она носит в себе плод этого огня.

Дождь пошел сильнее, он хлестал по темному окну, и Риган охватило отчаяние.

Она никогда не была нужна Тревису! Он сам говорил это множество раз. Даже во время плавания он пытался узнать, кто она, чтобы избавиться от нее. Он такой же, как Фаррел и дядя Джонатан, — она никому из них не была нужна.

Слезы покатались по ее щекам подобно каплям яростно хлеставшего за окном дождя. Зачем он на ней женился? Может, он каким-то образом узнал о ее наследстве? Он привез ее в Америку, сразу же женился на ней, а теперь, когда у него есть документальное свидетельство, больше не хочет иметь с ней ничего общего. Он покинул ее в чужой стране без денег, без помощи, и, как видно, с ребенком, которого предстоит воспитывать.

Она горько заплакала, колотя кулаками по подушке. Тело ее раздирали рыдания. Когда первый порыв ярости прошел, слезы полились медленнее, гнев сменился чувством незащитности. Риган спросила себя, почему она не заслуживает любви.

Дождь перешел в сильный и долгий ливень. Спустя несколько часов звук дождя начал успокаивать ее горе, и Риган погрузилась в глубокий, сродни забытью, сон. Когда на лестнице раздались тяжелые шаги, она их не услышала. Разбудил ее только стук в дверь.

Глава 11

— Открой эту чертову дверь! — Такой громовой голос мог принадлежать только Тревису. Его совершенно не заботило, что он может разбудить остальных постояльцев.

Ощущая в голове свинцовую тяжесть, Риган попыталась сесть и опухшими глазами посмотрела на дверь, которая грозила рухнуть под ударами кулака Тревиса.

— Риган! — раздался его голос, и она бросилась к двери.

Повернув ручку, она спросонок ответила:

— Дверь закрыта на ключ.

— Ключ на комод, — недовольно откликнулся Тревис.

Едва дверь распахнулась, как Тревис ворвался в комнату, но Риган с трудом смогла разглядеть его за цветами — она никогда в жизни не видела такого количества. Риган часто приходилось работать в саду, поэтому она узнала многие из них: тюльпаны, нарциссы, гиацинты, ирисы, фиалки, сирень трех видов, маки, ветви лавра и прекрасные розы безупречной формы. Цветы в беспорядке тащились позади Тревиса, свисали перед ним, одни были собраны пучками, другие висели отдельно, часть из них была покрыта грязью, а часть — побита дождем. Когда он остановился, цветы посыпались вокруг него подобно яркому хороводу прекрасных дождевых капель.

Направляясь к кровати, он по пути ронял цветы и наступал на них. Всю эту охапку Тревис бросил на кровать, и Риган увидела, что он весь в грязи, а на его лице написан гнев.

— Чтоб им пусто было! — произнес он, вытащил из-за воротника рубашки пучок фиалок и тоже бросил их на кровать. — Никогда раньше не относился к цветам плохо, но сейчас готов их возненавидеть.

Он снял шляпу, с которой на пол хлынула вода. С отвращением сорвав со шляпы три карликовых ириса, он бросил их к другим цветам.

Тревис пока еще ни разу не взглянул на Риган. Он был рассержен до такой степени, что даже не заметил ее прозрачного платья и того, как сквозь легкий шелк в лучах рассвета сияло ее тело.

Он тяжело опустился на стул и начал снимать сапоги, но тут же вскочил и, скорчив гримасу, вынул из-под себя покрытую шипами розу.

— Я собирался совершить небольшое путешествие, — заявил он, снял сапог и вылил из него воду. — У одного моего друга есть оранжерея, он живет в пяти милях к северу. А для новобрачной, конечно же, нужны цветы, поэтому я и решил достать их для тебя.

Тревис принялся стягивать мокрую грязную куртку, по-прежнему не поднимая глаз. Из-под куртки лавиной посыпались раздавленные и осыпающиеся цветы.

Он не обратил на это ни малейшего внимания.

— Я был уже на полпути к его дому, когда пошел дождь, — рассказывал он. — Но я продолжал ехать, и когда добрался до него, мой друг с женой встали с постели и сами срезали для меня цветы. Они опустошили весь сад и оранжерею.

Потом он снял прилипшую к телу рубашку, и на довольно высокую гору из цветов возле его босых ног опять посыпались цветы.

— На обратном пути начались неприятности. Чертова лошадь потеряла подкову. Мне пришлось идти пешком по той полоске грязи, которую в Виргинии называют дорогой. Я даже не мог остановиться и подковать лошадь, да и собственную брачную ночь не мог пропустить.

Риган восторженно следила за ним, каждое его слово снимало с ее сердца тяжелую ношу.

— Вдруг вспыхнула молния, лошадь попятилась и столкнула меня в грязь. Если она проживет еще два дня, то вовсе не потому, что я дам ей эту возможность, — с угрозой произнес он. — Я бы отпустил ее, но на седле лежали чертовы цветы, и мне пришлось в бурю два часа искать эту скотину; а когда я ее нашел, седла на ней не оказалось. — Он сердито начал снимать штаны. — Я целый час искал седло и все эти... эти... — добавил он и вытащил из штанов смятый пион, а потом, зловеще улыбаясь, медленно раздавил его и бросил на пол. — Сумки разорвались, тащить их было невозможно, и тогда я начал распахивать цветы, куда только мог...

Наконец Тревис взглянул на нее.

— И вот я, взрослый мужчина, стою под таким ливнем, какого не было целый год, и засовываю себе под одежду пахучие и колючие цветы, от которых становится щекотно. Представляешь, как по-дурацки я себя чувствовал? И почему, черт возьми, ты плачешь? — спросил он на одном дыхании и тем же тоном.

Подняв слегка помятую и совершенно мокрую розу, лежавшую на кровати, Риган понюхала ее.

— У невесты должны быть цветы. Потом она прошептала:

— Ты сделал это для меня.

На лице Тревиса отразилось изумление, смешанное с отчаянием:

— Господи, а зачем бы еще я потащился куда-то в брачную ночь, если бы не ради собственной

жены?

Риган ничего не могла ответить; она только опустила голову. Из ее глаз текли слезы.

На мгновение Тревис о чем-то задумался, потом подошел к ней, приподнял рукой подбородок и вгляделся в лицо:

— Ты долго плакала, — сказал он тихо. — Ты думала, я не вернусь, так ведь?

Отпрянув, она подошла к изголовью кровати.

— Нет, конечно же, нет. Просто...

Смешок Тревиса заставил ее обернуться. Обнаженный подобно некоему древнему божеству, он стоял в ворохе ароматных цветов, и Риган тоже заулыбалась. Он вернулся к ней, ради нее он был вынужден пройти через столько испытаний.

При виде ее прозрачного платья в глазах Тревиса вспыхнуло желание.

— Разве я не заслужил награду за свои труды? — прошептал он и раскинул руки.

Риган метнулась к нему и обняла за шею, обвив его тело ногами.

Замерев от неожиданности, Тревис подхватил ее.

— Ну как ты могла подумать, что я брошу тебя, после всего того, что мне пришлось вытерпеть, чтобы добиться тебя? — прошептал он и прильнул к ее губам.

Сжав его ногами с такой силой, что едва не переломила пополам, она ощутила его прохладную и влажную кожу и задрожала от вожделения. Тела их разделял только тонкий шелк, и она стала тереться о Тревиса, едва не раздавив свою грудь о твердые мышцы его груди.

Риган зарылась руками в его влажные волосы, гладила и ласкала их, покрывая губы Тревиса горячими поцелуями. Он рядом; он вернулся к ней и стал ее мужем. Он принадлежит ей, а она может делать все, чего пожелает.

Почувствовав свою власть, она от радости сильно укусила его за ухо.

Спустя мгновение мощная сила оторвала ее от него, подкинула в воздух и под шуршание нежного шелка опустила на гору цветов, яркие краски которых сверкали подобно радуге. Сбросив с лица несколько нарциссов, она улыбнулась Тревису, который стоял над ней, уперев руки в бока. Его мышцы напряглись, его мужское естество свидетельствовало о его готовности взять ее.

— Вот так и должна выглядеть невеста.

— Хватит слов, иди сюда. — Смеясь, она протянула к нему руки.

Вместо этого он опустился на колени и начал целовать пальцы ее ног, щекоча языком их подушечки. Его разгоряченные губы достигли ступней, и когда Тревис провел зубами по изгибу, Риган содрогнулась всем телом, каждый ее нерв затрепетал.

Тревис засмеялся, его дыхание коснулось ее ступни, поднялось вверх по бедру, отдаваясь во всем ее существе.

— Тревис! — задохнулась она. Выпрямившись, она потянулась к нему. Под ее телом захрустели цветы, испускавшие нежный аромат. Но он не слышал ее: губы Тревиса поднялись к коленям, целуя, лаская, исследуя ее тело.

Сгорая от нетерпения и желания, Риган едва не сошла с ума, пока он играл с ее телом. Губами он мучил одну ногу, и как если бы этого было недостаточно, его сильная, но нежная рука, ласкала другую до тех пор, пока Риган не ослабела от ощущения собственной беспомощности. Но в то же время она чувствовала себя тигрицей, ей хотелось царапать и кусать его, вонзать ногти в Тревиса, сводившего ее с ума.

Когда его руки и губы добрались до нежной впадины между ног, она едва не закричала и мучительно откинула голову назад.

— Прошу тебя, Тревис! Прошу! — молила она.

Он обрушился на нее, впился в губы, но и Риган страстно отвечала ему, желая поглотить его всего.

Когда он вошел в нее, она резко выгнулась, почти полностью оторвавшись от кровати. Она держала тело Тревиса на себе, жажда его и привлекая к себе еще сильнее.

Его страсть была столь же безумна, а желание столь же жаростно. После нескольких сильных, глубоких, наполняющих ее движений бедер тело Тревиса дернулось, он прижал Риган к себе, едва не раздавив ее, а тела их сотрясались от спазм.

Не сразу Риган поняла, что совершенно не может дышать, что он как бы впитывает ее в себя и что именно этого она от него хотела.

Немного ослабив объятия, он продолжал прижимать ее к себе, прильнув лицом к шее. Открыв глаза, она увидела, что к его покрытой потом коже прилипла длинная цепочка раздавленных цветочных лепестков. Она повернула голову, глубоко вдыхая нежный аромат, и засмеялась, а потом подхватила несколько цветков и, играя, подбросила их вверх.

Приподняв бровь, Тревис посмотрел на нее:

— Что здесь смешного?

— Цветы для новобрачной, — весело рассмеялась она. — Тревис, я же говорила про букет, а не про целый сад.

Перегнувшись через нее, он подхватил пригоршню цветов так, что они торчали в разные стороны и даже свисали головками вниз, и протянул ей этот забавный букет.

— Уж здесь-то ты найдешь все, что тебе нужно. Выбравшись из-под него и откатившись на цветы, она стала подбрасывать их в воздух и осыпать тело Тревиса.

— Ей захотелось цветов? — Риган засмеялась грудным смехом, передразнивая его. — Я принесу ей цветы... Тревис, все, что ты делаешь, такое широкое, ты все делаешь... помногу! — Ища нужное слово, она засмеялась. — У тебя все получается мощным, сверх меры большим, сверхсильным, подавляющим!

Сидя, она любовалась его прекрасным телом, лениво растянувшимся на охапке цветов, и сердце ее стало вздрагивать.

— А может быть, — вкрадчиво произнесла она, — ты не всегда подавляешь?

Задыхнувшись, Тревис схватился за облегающий ее шелк. Короткий резкий вскрик Риган остановил его.

— Не смей рвать еще одно платье! — крикнула она, и не успел он рвануть ткань, как она сбросила с себя шелковое одеяние.

— Приказы и насмешки, — заявил он. Глаза Тревиса сузились, он встал на четвереньки и двинулся к ней подобно некоему могучему хищному животному.

Завизжав от восторга, Риган попятилась и стала бросать в него цветы, пока он медленно шел на нее. Оказавшись около стены, она подняла руки, сдаваясь.

— О добрый господин, — произнесла она, изображая ужас, — делай со мной все, что захочешь, но не лишай меня невинности.

Кожей ощущая, что Тревис сейчас с восторгом бросится на нее, Риган вдруг изумленно услышала его возмущенный возглас: «Черт!»

Обернувшись, она увидела, как он сел, держась за колено.

— Ну как можно ползать по этим проклятым штукам и не пораниться? Только посмотри! Ты хоть раз видела, чтобы у розы был такой шип?

Риган, присев на корточки, хохотала до колик в животе.

Вытащив из колена колючку, Тревис бросил ее на пол и сердито посмотрел на жену.

— Счастлив, что хоть чем-то развеселил тебя!

— Тревис! — вскричала она. — Да ты романтик! От ее саркастического тона Тревис замер; губы его сжались.

— А за каким чертом я принес бы тебе все эти цветы, если бы не был воплощением романтичности? — спросил он, и тон его был серьезен.

При этих словах, да еще произнесенных так сердито, Риган опять расхохоталась. Она не сразу поняла, что обидела Тревиса. Ведь он действительно хотел порадовать ее, призналась она себе. Не его вина, если он не понимает, что букет фиалок нередко бывает более трогательным, чем охапка цветов, которой можно наполнить целый фургон. Она сказала, что ей нужны цветы, и Тревис достал их. И не его вина, что из-за впившейся в колено колючки ему пришлось прервать забавную пасторальную сцену.

Когда он начал подниматься, Риган опустила руку на его плечо и подавила смех.

— Тревис, эти цветы прекрасны. Правда, мне они понравились.

Тревис не ответил, и по напрягшимся на его шее мышцам Риган поняла, что напрасно подшутила над ним. Он хотел доставить ей радость, а она посмеялась над этим.

— Думаю, я могу смирить твой гнев, — прошептала она, лаская его ухо губами, покусывая его, а языком щекоча мочку. — А если я поцелую твое колено там, где болит, боль пройдет? — прошептала она, целуя его руку.

— Возможно, — ответил Тревис необычно глубоким голосом. — Не откажусь попробовать.

Помня о том, что он изо всех сил старался доставить ей удовольствие, Риган захотела дать радость и ему. Слегка коснувшись тела Тревиса, она ощутила, что в ее руках он подобен глине, выражение восторга и наслаждения на его лице обрадовали Риган. Ее захлестнула волна удовольствия от того, что этот сильный человек отдает себя в ее власть.

Начав с его колен, губы Риган двинулись выше, руками она как бы сопровождала это движение, разминая его ногу и наслаждаясь силой его мышц. Когда она добралась до низа живота, Тревис застонал и шепотом произнес ее имя. Одним легким движением он поднял Риган на кровать, резко опустил рядом с собой и лег на нее. Его темные глаза пылали страстью. Обычно сдержанного спокойного Тревиса ослепляющее желание влекло за ту грань, где он более не владел собой.

Его бешеная страсть привела Риган в восторг — она сознавала, что сама довела его до этого состояния. Приподняв ее тело, как будто она была легкой игрушкой, он резким движением вошел в нее ..

Когда, наконец, этот безумный ураган закончился последней бурной вспышкой, Риган ослабела, обмякла от яростной, дикой близости. Обессилив, они заснули в объятиях друг друга.

— Вставай! — приказал Тревис, шлепнув ее тугие округлые ягодицы. — Если мы не двинемся в дорогу, то никогда не доберемся до дома Клея; и не думай, что я соглашусь провести с тобой ночь на маленьком неустойчивом шлюпе.

Риган не поняла, что имеет в виду Тревис, поэтому молча отбросила волосы с глаз и отлепила от щеки лепесток тюльпана.

— А почему ты не хочешь провести со мной ночь на корабле? — размеренно произнесла она, выпрямляясь и чувствуя себя сонной, опустошенной, но счастливой.

— Это не корабль, а маленькая лодка, — ответил он. — И твоими цирковыми упражнениями мы ее перевернем.

— Моими?.. — воскликнула она и выпрямилась, пытаясь придать себе достойный вид, но, нагая, в окружении целой горки мятых цветов, с порозовевшими щеками, влажными и усталыми глазами, она казалась всего лишь изящной маленькой пташкой. Тревис намылил щеки и посмотрел на нее в зеркало; от его взгляда она заулыбалась и приготвилась опять откинуться на кровать.

— О нет, не надо, — предупредил он, и в глазах его появилось угрожающее выражение. — Если ты сейчас же не вылезешь из кровати, то в моем доме мы будем спать в разных комнатах.

От этой абсурдной угрозы она засмеялась, но все же встала с постели и начала умываться. Ей было так хорошо, что она просто не в силах была торопиться. Однако Тревис и не подумал помогать ей одеваться. Он отошел в сторону и нетерпеливо ждал ее. Когда она наконец собралась в дорогу, он едва ли не силой увлек ее вниз по лестнице к столу, на котором был накрыт обильнейший американский завтрак. Тревис набросился на еду с жадностью изголодавшегося человека, ворча, что он не наедается досыта и что Риган отнимает у него все силы в самом расцвете лет. Глаза его при этом светились озорством.

После того, как их сундуки быстро погрузили в лодку и они направились вверх по реке Джеймс

к дому Тревиса, Риган стала засыпать его вопросами. До этого, когда она с таким упорством сопротивлялась поездке в Америку, она даже не задумывалась над тем, где же Тревис живет.

— А у тебя большая ферма? Ты сам пашешь землю, или у тебя есть работники? А у тебя дом такой же красивый, как у судьи и Марты?

Удивленно посмотрев на нее, Тревис заулыбался.

— Моя... э — э — э... ферма изрядного размера, и работники у меня есть, но иногда я сам распахиваю поля. Дом у меня, пожалуй, недурен, а может быть, я так думаю только потому, что он мой.

— И ты построил его собственными руками, — мечтательно сказала она, опустив руку за борт. В такой незатейливой стране ее неумение вести хозяйство, может быть, не окажется столь уж трагичным. Ведь Фаррел говорил, что ей не управиться с его усадьбой, и он, конечно, был прав. Но она сможет управиться с домиком Тревиса, в котором, наверное, всего одна или две комнаты.

Солнце нагревало воздух, и от этих приятных мыслей Риган вскоре заснула.

Спустя довольно много времени она внезапно услышала прогремевший над головой выстрел и проснулась. Едва не свалившись в воду, она подскочила и увидела в руках Тревиса дымящийся пистолет, направленный в небо.

— Я разбудил тебя? — спросил он.

По его возбужденному лицу она поняла, что сейчас что-то произойдет, поэтому не ответила на его бессмысленный вопрос. Потягиваясь всем одеревеневшим телом, она огляделась, а Тревис стал перезаряжать пистолет. Но, насколько могла судить Риган, вокруг не было ничего, кроме реки с густо заросшими берегами.

— Мы подходим к дому Клея, — ответил он и опять выстрелил в воздух.

Вглядевшись в густые заросли деревьев, Риган удивилась, как в таком месте можно построить дом, но не успела как следует это обдумать, потому что с левой стороны открылось свободное от деревьев пространство.

В реку выдавалась широкая деревянная пристань, возле которой стояли два шлюпа гораздо больше того, на котором они плыли; когда они приблизились к берегу, перед ними предстали многочисленные постройки. Риган увидела и большие дома, и маленькие домики, и сады, и тщательно вспаханные поля, множество людей, лошадей, фургонов — словом, работа кипела.

— А твой дом тоже в этом городе? — спросила она, когда Тревис направил лодку к пристани.

В ответ раздался его смешок, смысл которого она не смогла понять:

— Это не город, а плантация Клея.

Ей никогда еще не приходилось слышать подобное слово. Риган собралась было спросить, что оно означает, но внимание Тревиса отвлек детский смех. Он быстро спрыгнул на пристань, увлекая Риган за собой, и сразу же подхватил на руки двух очаровательных ребятшек.

— Дядя Тревис! — с хохотом кричали они, а Тревис крутил их вокруг себя.

— Что ты нам привез? Дядя Клей уже начал о тебе беспокоиться. На что похожа Англия? У мамы родились двое детей, а не один, и наша собака оценилась.

— Говоришь, у мамы? — Тревис рассмеялся. Мальчик презрительно посмотрел на сестру.

— Это она про Николь. Мы иногда забываем, что она не наша мама.

Вслед за ребятами торопливо шел высокий худощавый мужчина, темноволосый и темноглазый, с резко очерченными скулами, и на лице его была написана радость.

— Где ты был, черт побери? — спросил он, пожав Тревису руку, а потом радостно обнял его.

— Я вернулся на несколько недель раньше, и тебе это хорошо известно! — отозвался Тревис. — Меня никто не встречал, так что вещи пришлось оставить на хранение, а вместо большого шлюпа нанять это жалкое подобие лодки.

Показав рукой в сторону шлюпа, Тревис тем самым направил внимание Клея на Риган, которая молча стояла на краю пристани. Но не успел тот ни о чем спросить, как Тревис глубоко вздохнул.

— Вот кого мне хотелось увидеть.

Он бросился к невероятно хорошенькой молодой женщине, обнял и горячо поцеловал ее в губы. Клей тут же перевел глаза с Риган на обнявшуюся пару. Казалось, он едва сдерживается.

Тревис потащил женщину к пристани:

— Хочу тебя кое с кем познакомить. Вблизи женщина оказалась еще красивее: с большими карими глазами и чувственным маленьким ртом. Быстро оглядев ее, Риган рассмотрела платье из муслина темно-пурпурного цвета, с узкими зелеными лентами, обвивавшими ее ниже завышенной талии. А она так хотела показать американцам платье последней моды! Платье же женщины не стыдно было надеть и при дворе.

— Это моя жена Риган, — ласково заявил Тревис, глядя на нее с гордостью. — А это — Клейтон Армстронг и его жена. А эти разбойники, — он улыбнулся, — Алекс и Мэнди, племянники Клея.

— Здравствуйте, — мягко произнесла Риган, все еще не оправившись от удивления. Эти американцы оказались совсем не такими, какими она их представляла себе.

— Прошу вас, пройдемте в дом, — пригласила Николь. — Вы, должно быть, устали, а Тревис вряд ли давал вам отдохнуть как следует.

При этих словах Тревис хмыкнул, а Риган сдержала дыхание, надеясь, что он не скажет что-нибудь непристойное.

Риган послушно пошла за Николь.

— Слишком много впечатлений сразу, не так ли? — улыбнулась та.

Риган огляделась, пытаясь понять, куда попала. Навстречу им выбежала высокая крупная блондинка, на бегу придерживая юбку высоко над землей.

— Это Тревис приехал? — издали крикнула она.

— Да, а это его жена Риган. Риган, познакомьтесь с Дженни Лэнгстон.

— Жена? — удивленно спросила Дженни. — Значит, он сдержал слово! Тревис просто чудо. Уезжая в Англию, он сказал, что вернется с женой. Дорогая моя, — произнесла она и взяла Риган за руку. — У вас есть все, чтобы стать миссис Тревис Стэнфорд. Надеюсь, вы достаточно храбры, чтобы противостоять ему.

И побежала к пристани.

Глава 12

— А кто еще живет здесь? — спросила Риган у Николь.

— Вообще-то немало народу. Все, кто необходим на плантации: полевые рабочие, ткачи, скотники, садовники.

— Плантация, — шепотом повторила Риган это странное слово.

Они шли вдоль длинной живой изгороди из самшита, которая мешала Риган разглядеть многочисленные постройки.

— Тревис говорил, что у вас будет ребенок, а ребяташки упомянули о двойне.

На лице Николь появилась ласковая улыбка.

— В роду Клея часто рождаются двойни, и четыре месяца назад я родила мальчика и девочку. Заходите, я их вам с радостью покажу.

Перед ними высился большой кирпичный дом, размером не уступавший усадьбе Уэстон Мэнор. Риган надеялась, что охватившее ее изумление не отразилось на ее лице. Конечно же, в Америке тоже есть богатые люди, и некоторые из них живут в особняках. Просто дело в том, что англичане называли Америку молодой страной, поэтому вряд ли здесь удалось построить слишком многое.

Комнаты в доме были на удивление красивы, просторны, с высокими потолками, а мебель обита шелком, обои — ручной выделки, и на стенах висели портреты. На всех столах и конторках красовались свежие цветы.

— Хотите пройти в кабинет? Я принесу детей туда.

Оставшись одна в комнате, Риган продолжала восхищаться ее убранством. Около одной стены стоял большой письменный стол в стиле «шератон» с изящной инкрустацией, над ним висело зеркало в позолоченной раме. Противоположную стену украшал высокий шкаф с книгами в кожаных переплетах.

В прошлом Риган приходилось бывать только в Уэстон Мэнор, и по сравнению с тем, что она видела сейчас, английская усадьба выглядела убогой и ветхой. Здесь все сверкало чистотой. Здесь все было ухоженным. Здесь не было ни выщербленных деревянных панелей, ни вытертой обивки, ни царапин на стоявшей вокруг мебели.

Когда вошла Николь, держа на каждой руке по ребенку, Риган отвела взгляд от мебели. Сначала она побоялась взять ребенка, но Николь убедила ее, что это совсем не страшно. Вскоре Риган держала на коленях улыбающегося и что-то лопочущего малыша, поэтому не

сразу заметила, что в комнату вошел Тревис и сел на диван рядом с ней. Они остались в комнате одни.

— Как ты думаешь, можем мы за один раз произвести двоих? — спросил он, взяв детскую ручку, которая обхватила его палец.

Лицо Тревиса, любовавшегося ребенком, выражало радость.

— Ты действительно хочешь ребенка? — спросила Риган.

— Давно уже хочу, — серьезно ответил он, а потом с обычной прямотой добавил. — Я никогда особенно не хотел обзавестись женой, но мечтал о том, чтобы меня окружала целая толпа детишек.

Нахмурившись, Риган хотела спросить, зачем же он принял на себя такую обузу, как жена, но промолчала, так как заранее знала ответ. Ему хотелось иметь ребенка, которого она носит. Позже она сможет доказать ему, что годится на большее, чем только рожать потомство. Они будут вместе работать и расширят его ферму. Вероятно, она никогда не станет такой же прекрасной, как плантация Армстронгов, но они смогут сделать ее удобной для жизни.

— Ну, что ты думаешь об этом, Тревис? — горделиво спросил Клей, остановившись в дверях. Рядом с ним стояла Мэнди, позади — Алекс, а второго малыша Клей держал на согнутой руке. Риган подумала, что, наверное, другого такого счастливого человека нет во всем мире.

— Клей, — начал Тревис, — ну как эти новые коровы? Сено, оставшееся с прошлого года, не сгнило?

Мужчинам, судя по всему, нужно было поговорить о делах, а присутствие крохотных детей совсем их не смущало. Риган передала ребенка Тревису и поднялась. Тревис взял малыша без всякой опаски в отличие от Риган, которая боялась уронить его.

— Я поищу Николь, — сказала она, и Клей объяснил ей, как найти кухню. Выйдя из комнаты, она услышала слова Клея: «Никогда не думал, что тебе достанется такая красавица», Тревис в ответ только хмыкнул. Высоко держа голову, Риган прошла через украшенный цветами зал, вышла через заднюю дверь и, повернув налево, направилась в кухню, размещавшуюся в другом строении. Внутри просторной кухни кипела оживленная работа, и ею руководила Николь, у которой руки были выпачканы в муке. Когда одна из помогавших ей девушек случайно уронила в таз с тестом целую корзину яиц в скорлупе, Николь нисколько не огорчилась. Мимо них пробежали племянники. Они были опрятно, хотя и просто, одеты. Николь едва успела подхватить ведро с молоком, которое они чуть не опрокинули. Выпрямившись и поставив ведро на место, она увидела Риган и улыбнулась ей.

Вытирая руки о фартук, она пошла ей навстречу.

— Простите, мне пришлось уйти. Хотелось проследить, чтобы приготовили вкусный ужин для гостей.

— И вы всегда так готовите? — испуганно спросила Риган.

— По большей части, да. Приходится кормить огромное количество народу. — Она принялась развязывать фартук. — Мне нужно срезать кое-какой зелени, а вам, наверное, хочется прогуляться перед ужином, если вы не устали.

— По пути сюда я почти все время спала. — Риган улыбнулась. — Я хотела бы осмотреть... плантацию.

Позже Риган поняла, что была совершенно не готова к тому, что Николь показала ей. Один из работников подогнал для них двухколесную повозку, и Николь повезла ее вокруг всей плантации, показывая различные строения. Первое ощущение Риган оправдалось. Плантация оказалась своего рода деревней, но принадлежала она одному человеку. На плантации производили, выращивали и ловили почти все, что нужно для хозяйства. Николь показала коровник, голубятню, сарай с ткацкими станками, конюшни, плотницкую, красильную мастерскую, а вокруг кухни расположились коптильня, сарай, где хранили солод, и баня. Она увидела многоакровые поля, усаженные хлопком, льном, пшеницей и табаком. На берегу реки стояла мельница. Скот, овцы и лошади паслись на разных лугах.

— И вы со всем этим управляетесь? — удивленно спросила Риган.

— Клей мне немного помогает, — засмеялась Николь. — Но работы здесь действительно хватает. Мы редко уезжаем отсюда, но и нужды в этом нет — все, что необходимо, есть под рукой.

— Вы счастливы?

— Сейчас я счастлива, — ответила Николь. — Но мне не всегда приходилось легко. — Она посмотрела на мельницу, что стояла на другом берегу реки. — Клей и Тревис дружат с детства. Надеюсь, мы тоже подружимся.

— У меня никогда не было подруг, — ответила Риган, глядя на Николь, такую же миниатюрную, как и она сама. Они не могли видеть себя со стороны и понять, какую замечательную пару составляют: черноволосая Николь и Риган с темно-каштановыми волосами, в которых проглядывались красно-золотистые пряди.

— И у меня тоже не было настоящей подруги, с которой я могла бы поболтать и рассказать свои секреты. — Улыбнувшись, Николь дернула поводья, и лошадь тронулась. — Как-нибудь, когда у нас будет побольше времени, я расскажу, как познакомилась с Клеем.

Покраснев, Риган подумала, что никогда не сможет кому бы то ни было рассказать, как познакомилась с Тревисом. К тому же никто ей не поверит.

— Я проголодалась. А вы? — спросила Николь.

— А малыши наверняка сходят с ума от голода.

— Не сомневаюсь, что и Тревис голоден, — рассмеялась Риган.

— Она действительно такая юная, как кажется?

— спросил Клей, держа сына на руке, и посмотрел в окно, когда Николь и Риган вышли из кухни.

— Ты не поверишь, но я не знаю, сколько ей лет. И даже боюсь спрашивать об этом. Мне повезет, если ей уже исполнилось шестнадцать.

— Господи, Тревис, что ты говоришь? А как вы познакомились? Неужели ты не спросил у ее родителей, сколько ей лет?

Тревис не собирался никому раскрывать, как на самом деле они познакомились. Много лет назад, когда был жив старший брат Клея Джеймс, он мог бы и признаться ему во всем, но сейчас Тревис не мог сделать всеобщим достоянием историю о том, как украл свою жену.

Видимо, Клей его понял, потому что и сам не хотел бы что-либо рассказать о себе и о том, что произошло между ним и Николь.

— Она всегда такая молчаливая? Не хочу совать нос, куда не надо, но вы составляете странную пару.

— Она может постоять за себя. — Тревис улыбнулся, и глаза его блеснули. — По правде говоря, я не знаю, что она за человек. Она каждую минуту меняется. То это девочка, охваченная романтическими мечтами, то... — Он смолк, вспомнив, как под утро губы Риган целовали его бедро. — Кем бы она ни была, она очаровательна.

— А что будет с Марго? Вряд ли она придет в восторг, встретив твою крошку-жену.

— С Марго я справлюсь, — небрежно ответил Тревис.

Глаза Клея затуманились при воспоминании о прошлом, от которого он еще не вполне оправился.

— Следи за тем, как она будет обращаться с твоей женой. Женщины вроде Марго зажаривают таких юных красавиц на завтрак. Уж я-то знаю, — негромко произнес он.

— У Марго ничего не получится, и я ей скоро дам это понять. Я всегда буду рядом, чтобы защитить жену. А Риган следует знать, какие чувства я испытываю к ней. Ведь я женился на ней, не так ли?

Клей промолчал. Были времена, когда люди давали ему советы, но он пренебрег ими. К тому же ему было известно, что клятвы во время венчания даются легко — и так же легко нарушаются.

Ночью Риган скользнула к мужу под полог кровати и рассказала о своих впечатлениях о прошедшем дне.

— Я никогда не думала, что такое может быть.

Как будто Клей и Николь — единственные хозяева целого городка. Он привлек ее к себе.

— Стало быть, тебе нравятся наши плантации, — пробормотал он, засыпая.

— Конечно. Но хорошо, что их не так много. Я не представляю, как Николь может со всем этим управляться. Какое счастье, что ты всего лишь бедный фермер.

Не услышав ответа, она посмотрела на Тревиса и поняла, что он заснул. Она с улыбкой прижалась к нему и погрузилась в спокойный сон.

Наутро они стояли на пристани и прощались. Как ни странно, расставание оказалось очень тяжелым. Николь пообещала скоро приехать к Риган в гости и в меру своих сил помочь ей. Клей и Тревис поговорили о новом урожае, а затем Риган и Тревис забрались в лодку и поплыли вверх по реке.

Ожидая увидеть наконец, где живет Тревис, Риган очень волновалась и пыталась представить,

окажется ли его жилище таким же большим, диким и простым, как он сам. Она хотела верить, что сможет украсить дом Тревиса и обучить его хозяина хорошим манерам.

Спустя некоторое время после начала их медленного и беззаботного путешествия среди деревьев возникла вырубка. Вдали виднелся огромный причал, возле которого стояли лодки.

— Это что же, еще одна плантация? — спросила Риган, подойдя к Тревису. Поселок казался намного больше, чем у Клея, наверняка, это был город.

— Конечно, плантация, — ответил Тревис, широко улыбаясь.

— Ты знаком с хозяевами?

Подплыв поближе, она поняла, что эта плантация похожа на владения Клея, но гораздо больше. Здание, стоявшее рядом с пристанью, было таким же огромным, как дом Клея.

— Что это? — показала она.

— Это верфь и товарный склад. На верфи капитаны могут заменить паруса и отремонтировать оснастку, а груз, подготовленный к отправке, хранится на складе. А вон в том доме, что поменьше, живет податной чиновник.

У пристани стояли три небольших лодки, две баржи и четыре шлюпки, как Тревис назвал их. К удивлению Риган, он направил лодку к причалу.

— А я думала, что мы плывем домой, — удивленно сказала Риган. — Ты хочешь повидать друзей?

Тревис прыгнул на причал и подтянул за собой Риган, не дав ей сказать ни слова. Теплой рукой он взял ее за подбородок, повернул к себе лицо и заглянул в глаза.

— Это — моя плантация, — уверенно сказал он. От неожиданности она лишилась дара речи.

— Вся... вся твоя? — наконец шепотом проговорила она.

— До самой последней травинки. А теперь идем, я покажу тебе твой новый дом.

Больше им не удалось сказать друг другу ни слова, потому что их окружила целая толпа. От одного здания к другому эхом разносились крики «Тревис!», «Мистер Стэнфорд!»

Не отпуская ее руки, Тревис здоровался, как ей показалось, с сотнями людей, которые бежали со всех концов плантации. И он каждого представлял ей, объясняя: вот — старший плотник, вот — второй помощник садовника, а та женщина — третья служанка со второго этажа. Подходили все новые и новые люди, но Риган оставалось только кивать им, а в голове у нее вертелась одна и та же мысль: "Это все работники. Все они работают на Тревиса, значит, и на меня".

В разгар церемонии представления Тревис объявил, что сегодня — выходной, и вскоре, чтобы поздороваться с ним, с полей потянулись рабочие. Высокие, плотные, мускулистые мужчины, смеясь и улыбаясь, поддразнивали Тревиса, говоря, что за время отсутствия он, видимо, ослабел. Риган охватила горячая волна гордости, когда она поняла, что ни у одного из них нет таких могучих мышц, как у ее мужа.

Когда они двинулись от реки к дому, по дороге здороваясь с тем, кто шел им навстречу,

некоторые из работников стали задавать Тревису вопросы. Можно было подумать, будто без него половина плантации пришла в упадок.

— А где Уэс? — спросил Тревис, шагая так быстро, что Риган чуть ли не бежала.

— В Бостоне умер ваш дядя Томас, и Уэсу пришлось поехать заняться его делами, — объяснил один из служащих: он оказался надсмотрщиком.

— А что же Марго? — Тревис нахмурился. — Она вполне могла бы со всем этим разобраться.

— У нее заболело почти двадцать коров, — ответили ему.

— Тревис, — обратилась к нему плотная рыжеволосая женщина, — три ткацких станка сломались, и каждый раз, когда я просила мастера починить их, он отвечал — дескать, это не его дело.

— Кстати, Тревис, — добавила другая женщина, — Бэйкс получил из восточных штатов партию цыплят. Вы могли бы выделить денег на то, чтобы купить несколько штук?

— Тревис, — заявил какой-то мужчина с трубкой, — нужно что-то делать с маленькой лодкой. Ее надо или починить, или выбросить.

Внезапно Тревис остановился и поднял вверх руки.

— Все, все остановитесь! Завтра я вам отвечу на любые вопросы. Хотя нет! — продолжал он. Его глаза вспыхнули, и он взял Риган за руку. — У меня есть жена и завтра она возьмет на себя все женские дела. Ты, Кэролайн, спросишь у нее про ткацкие станки, а ты, Сьюзен, спросишь у моей жены про цыплят. Она наверняка знает о них побольше моего.

Хорошо, что Тревис держал ее за руку, иначе Риган повернулась бы и убежала. Ну что она знает про ткацкие станки и цыплят?

— Так вот, — продолжал Тревис. — Сейчас я пойду показывать жене свой дом, и если меня сегодня еще хоть раз о чем-то спросят, я отменю праздник, — заявил он с шутливой угрозой.

Не будь Риган столь растеряна, она бы рассмеялась — так быстро окружавшие их люди исчезли, и только поодаль остался какой-то старик.

— А это — Элиас, — гордо сообщил Тревис. — Он самый лучший садовник в Виргинии.

— Я кое-что принес для вашей новой хозяйки, — ответил Элиас и протянул Риган цветок, какого ей еще не приходилось видеть. Он был пурпурного цвета с необычным оттенком, из-за которого казался одновременно и ярким, и нежным. В центре его было нечто вроде опущенного рожка с лепестками в форме слезы.

Она протянула руку, чтобы осторожно взять цветок.

— Это орхидея, мэм, — сказал Элиас. — Первая миссис Стэнфорд заказывала их каждый раз, когда капитаны отправлялись в южные моря. Когда у вас будет время, может, вы посмотрите оранжереи.

— Конечно, — ответила она и подумала: существует ли на свете хоть что-то, чего не было бы у Тревиса на плантации. Поблагодарив садовника, она последовала за мужем и, наконец, прямо перед собой увидела высокий длинный кирпичный дом. Даже с этого расстояния казалось, что

в одном его крыле могут поместиться усадьба Уэстон Мэнор и дом Клея Эрандел Холл.

Тревис с гордостью и удовольствием рассказывал ей о своем доме, который любил всем сердцем, о том, как его строил дед и как любили его все Стэнфорды. Но страх Риган возрастал с каждым шагом. Вспомнив, какое количество обязанностей было у Николь, Риган пожалела, что ей не придется жить в доме поменьше. Ну разве сможет она управляться с этим гигантским особняком, не говоря уже о том, чтобы заниматься теми хозяйственными делами, которые Тревис, по всей видимости, собирается ей поручить?

С близкого расстояния дом оказался еще больше, чем выглядел издали. Средняя его часть была сложена из кирпича, ее четыре с половиной этажа высились над головой Риган, а с обеих сторон к ней были пристроены два крыла в форме буквы "Г". Тревис повел ее по широким каменным ступеням на первый этаж, и начался торопливый обход этого внушительного здания.

Он показа ей голубую комнату, зеленую комнату, красную комнату и белую комнату, классную и комнату экономки. Чуланы оказались больше, чем ее спальня в Уэстон Мэнор.

Переходя из одной изящно обставленной и воистину прекрасной комнаты в другую, Риган все сильнее впадала в панику. Как же она сможет управляться с таким домом?

Риган было решила, что ей показали уже все имевшиеся в доме помещения, но тут Тревис потащил ее за собой по лестнице в восточное крыло. Комнаты на третьем, основном, этаже затмили увиденные ранее. Здесь находилась столовая, к которой примыкала дамская гостиная для чаепитий, еще одна гостиная — для всей семьи, библиотека, еще две гостиные, которые можно было использовать по любому назначению, и гигантская спальня, к которой примыкала детская.

— Это наша спальня, — сообщил Тревис, а потом повлек ее в балльный зал.

Увиденное ошеломило Риган. С того момента, когда они вошли в дом, она просто онемела, теперь же почувствовала, что у нее буквально подкашиваются ноги. Опустившись на стоявший в углу диван, она воззрилась на окружающее в благоговейном ужасе.

Зал подавлял уже своими размерами. Потолки высотой около семнадцати футов заставляли человека чувствовать себя маленьким, незначительным. Стены были обшиты бледно-голубыми панелями, а дубовый паркет натерт до блеска. Казалось, здесь совершенно невообразимое количество мебели — шесть диванов, обитых расшитым розами атласом, множество стульев, сидения которых были обтянуты тканью того же цвета, арфа, фортепьяно и несколько столов; но все они размещались вдоль стен, а середина зала оставалась свободной, и ее украшал огромный восточный ковер.

— Когда собираются гости, мы, естественно, ковер убираем, — с довольным видом объяснил Тревис. — Может быть, тебе захочется устроить прием. Мы можем оставить здесь на ночь сотни две гостей, а ты с Мальвиной — это наша повариха — придумаешь, чем их угощать. Тебе ведь этого захочется, правда?

Это оказалось выше сил Риган. Заливаясь слезами, она бросилась через весь зал к двери в противоположном углу. Не имея представления о том, как выбраться из этого дома, она бежала по длинному коридору, пока, открыв какую-то дверь, не оказалась в маленькой очаровательной комнате в бело-голубых тонах. Она даже не могла вспомнить названия всех комнат, не говоря уже об их расположении.

Опустившись на пол, она уронила голову на бело-голубой диван и разрыдалась. Зачем он это делает? Ну почему же он сразу не сказал ей правду?

Почти сразу рядом с ней оказался Тревис. Сев на диван, он обнял ее.

— Почему ты плачешь?

В его голосе слышалась такая тоска и боль, что она зарыдала еще горше.

— Ты богат! — выдавила она, задыхаясь от рыданий.

— Ты плачешь из-за того, что я богат? — удивленно спросил он.

Пытаясь объяснить ему причину слез, Риган в то же время знала, что он вряд ли ее поймет. Тревис всегда уверен, что поступает правильно; ему никогда не приходило в голову сомневаться в своих способностях. Он не знает, каково ощущать себя бесполезной. А теперь он ждет, что она будет управлять домом, всеми постройками, слугами и время от времени устраивать приемы для двух сотен друзей.

— Я не смогу помочь тебе, если ты не скажешь, в чем дело, — сказал Тревис, протягивая ей носовой платок. — Ты же не можешь сердиться из-за того, что я не просто бедный фермер?

— Как... — всхлипнула она. — Как я смогу?.. Я же никогда не видела ткацкий станок. Тревис не сразу понял ход ее мыслей.

— Тебе не придется ткать самой; ты просто скажешь другим, что нужно сделать. Служанки будут обращаться к тебе с разными вопросами, а ты будешь все улаживать, — объяснил он. — Это же так просто.

Нет, она никогда не сумеет ему ничего объяснить! Вырвавшись из его объятий, Риган спрыгнула с колен Тревиса, выбежала из комнаты, по коридору пронеслась в зал, пробежала через него и оказалась в новом коридоре, где, наконец, нашла спальню, и в ворохе муслина и нижних юбок рухнула на кровать.

Сквозь рыдания она услышала медленные тяжелые шаги Тревиса. Остановившись в двери, он пристально смотрел на нее в течение нескольких секунд, прежде чем решил оставить в покое. Когда шаги его удалились, Риган заплакала еще сильнее.

Спустя несколько часов в дверь тихо постучала служанка и спросила, что подать на ужин. Риган едва не сказала «йоркширский пудинг», но вдруг сообразила, что даже не знает, из чего в Америке готовят еду. В конце концов она ответила служанке, что не голодна, и попросила уйти. Может быть, ей удастся всю жизнь оставаться в этой комнате, и она никогда не будет общаться с внешним миром.

Глава 13

Каково бы ни было впечатление Риган о трудностях управления плантацией, ее представления были далеки от действительности. Тревис покидал их спальню еще до восхода солнца, и уже спустя несколько минут в комнату входили женщины и начинали задавать вопросы. Риган замечала, что когда она не находила дельного ответа, они отводили глаза. Одна из служанок (ей довелось услышать и такое) сказала: «Как Тревис мог жениться на таком ничтожестве?»

И со всех сторон она слышала имя Марго.

Ткачиха показала образцы рисунка, полученные от Марго. Садовник высаживал луковицы, которые ему дала мисс Марго. В голубой комнате она обнаружила платья, которые, как ей объяснили, принадлежат мисс Марго, потому что она часто живет в доме.

Вечером за ужином Риган спросила Тревиса об этой женщине, но тот только пожал плечами и ответил, что она соседка. Поскольку его очень давно не было на плантации, теперь ему пришлось с головой уйти в работу. Даже за едой он с двумя служащими просматривал деловые бумаги, подсчитывая, сколько товаров получено и сколько отправлено. Риган никак не решалась пожаловаться ему на свои невзгоды, опасаясь еще больше усложнить его жизнь.

И, наконец, в один прекрасный день произошла катастрофа. Тревис только что сел поужинать и с набитым ртом рассказывал Риган о том, как из Англии пришел еще один корабль, когда внезапно раздавшийся стук копыт по мощеной дорожке перед домом заставил его вздрогнуть. Щелкнул хлыст, пронзительно заржала лошадь, и Тревис в одно мгновение оказался у окна.

— Марго! — заревел он. — Еще раз упаришь лошадь — сама попробуешь хлыста.

В ответ раздался язвительный, но соблазнительный смех.

— Тревис, любовь моя, и не такие, как ты, это пробовали! — промурлыкал женский голос. Раздался еще один щелчок хлыста, лошадь опять заржала.

Тревис ринулся вниз по лестнице, сотрясая топотом весь дом.

Глаза Риган широко раскрылись; она положила салфетку на стол и подошла к окну. Возле дома стояла рыжеволосая женщина поразительной красоты. Ее великолепную фигуру облегла изумрудно-зеленая амазонка. Увидев ее пышную грудь, тонкую талию и округлые бедра, Риган оглядела свое миниатюрное тело.

Но тут же ее внимание вновь обратилось на женщину, сидевшую верхом на вороном жеребце, который злобно метался по двору. Она без труда управлялась с чудовищным животным и при этом смотрела в сторону дома. Когда в окне показалась Риган, вновь раздался ее грудной смех, и женщина подняла хлыст.

Спустя несколько секунд на улице появился Тревис. Бросившись к всаднице, он перехватил ее занесенную руку с хлыстом. Женщина прищипорила коня, тот попятился, и Тревис, держась за поводья, повис на нем. Всадница удержалась в седле и сохранила спокойствие даже в тот момент, когда конь встал на дыбы. Стоило вороному опустить передние копыта на землю, как она опять замахнулась на него.

Но Тревис опередил ее. Одной рукой он сжал ее руку, а другой схватился за поводья. В течение нескольких секунд каждый тянул в свою сторону, и звонкий смех женщины казался столь же неуместным, как если бы днем вдруг взошла луна. Она была крепкой и выносливой, и верхом на могучем коне была равным соперником Тревиса.

В конце концов он сдернул женщину с коня, и она как бы стекла с седла на Тревиса, скользнула грудью по его лицу и телу, а когда их лица оказались на одном уровне, впилась в рот Тревиса таким поцелуем, что Риган сверху показалось, будто всадница сейчас его проглотит.

Риган не представляла себе, что может так быстро нестись по лестнице, и когда выбежала на крыльцо, они только разжали свои объятия.

— Ты все хочешь отхлестать меня? — хрипло спросила Марго, произнося слова достаточно громко, чтобы Риган услышала ее. — А может, использовать для наказания кое-что поменьше — ну совсем чуть-чуть поменьше, если память меня не подводит, — добавила она, тесно прижимаясь к нему бедрами.

Тревис взял ее за руки и отодвинул от себя.

— Марго, пока ты окончательно не выставила себя в дурацком свете, хочу тебя кое с кем познакомить.

Он повернулся, почувствовав за спиной присутствие Риган.

— Это — моя жена.

На классически прекрасном лице Марго сменилась вся гамма чувств. Изогнутые брови сошлись, в зеленых с золотыми искорками глазах вспыхнул огонь. Ноздри римского носа расширились, чувственные губы исказила гримаса. Она собиралась что-то сказать, но не издала ни единого звука. Посмотрев на Тревиса, она дала ему пощечину, эхо которой отразили стены величественного дома. Она взлетела на коня, бешено дернула поводья, раздирая губы коня, и, злобно нахлестывая, устремилась прочь.

Секунду Тревис смотрел ей вслед, потом пробормотал: «С животными так обращаться нельзя», потер ушибленную челюсть и повернулся к жене:

— Это — Марго Дженкинс, наша ближайшая соседка.

Спокойно сообщив об этом, он, похоже, сразу же забыл о происшедшем.

Пораженная, убитая, Риган увидела отпечаток ладони Марго на щеке Тревиса, когда он нагнулся и поцеловал ее.

— До вечера, а ты пока поспи. Что-то ты сегодня бледна. Не забывай, что нам нужен здоровый ребенок.

С этими словами он жестом приказал одному из служащих, стоявших позади Риган, следовать за ним, и пошел к западному крылу дома, где находилась контора, Риган понадобился чуть ли не целый час, чтобы прийти в себя и вернуться в дом. Весь день ее преследовал образ заносчивой красавицы Марго. Она не раз подходила к зеркалу и принималась разглядывать себя — широко поставленные глаза, тоненькая фигурка, — оценивать свою изящную внешность. Марго Дженкинс была начисто лишена утонченности. Втянув щеки, Риган попыталась представить себя более неотразимой, необыкновенной красавицей, но со вздохом отчаяния прекратила эти попытки.

В течение нескольких дней она прислушивалась к разговорам, в которых звучало имя Марго, и поняла: как видно, раньше все здесь считали, что Тревис на ней женится. Когда же Тревис и Уэсли уезжали куда-либо, Марго управляла не только своей, но и их плантацией.

С каждым услышанным словом таяла уверенность Риган в себе. Выходит, она разрушила эту любовь, когда наткнулась на Тревиса в ливерпульском порту? Зачем Тревис женился на ней — может быть, только потому, что у нее будет ребенок? Когда она попыталась поговорить с Тревисом об этом, в ответ он только рассмеялся. Он был слишком занят весенними полевыми работами, чтобы тратить время на разговоры, а когда они оставались наедине, прикосновение его рук заставляло ее забывать обо всем на свете.

Спустя неделю после появления Марго Риган шла по восточному коридору на кухню, с ужасом думая о том, что ей предстоит. Нужно было проверить меню на предстоящую неделю, а заодно встретиться с поварихой Мальвиной. Старуха сразу же невзлюбила Риган и постоянно что-то бормотала себе под нос. Одна из служанок как-то упомянула, что Мальвина приходится семье Дженкинсов родней и, подобно всем остальным, надеялась, что Тревис женится на Марго. Собравшись с духом, Риган вошла в кухню.

— Нет у меня времени на другие занятия, — заявила Мальвина, хотя Риган не успела произнести еще ни единого слова. — Только что сюда явились люди с корабля, и мне надо их кормить.

Риган не хотела отступать.

— Ничего страшного. Я выпью только чашку чая, а меню мы обсудим как-нибудь позже.

— Ни у кого нет времени готовить чай, — бросила повариха и грозно посмотрела на трех своих юных помощниц.

Распрямившись, Риган подошла к стоявшей вдоль одной стены чугунной плите, которая источала запахи и дымила.

— Я и сама могу приготовить себе чай, — ответила она, надеясь, что голос ее звучит достаточно уверенно, и не желая показать, что не имеет ни малейшего представления о том, как приготовить чашку чая. Обернувшись, Риган бросила на повариху величественный взгляд, презрительно улыбнулась и взяла чайник.

Улыбка сразу исчезла: она вскрикнула, уронила раскаленный чайник и отшатнулась в сторону, когда кипящая вода расплескалась по полу. За ее спиной раздался злобный хохот поварихи, а Риган только беспомощно посмотрела на свою обожженную ладонь.

— Возьмите, — ласково сказала одна из служанок и вложила кусок холодного масла в горящую руку Риган. — Подержите его, а пока посидите. Я принесу вам чай.

Последние слова она прошептала, искоса поглядывая на повариху.

Опустив голову, Риган молча вышла из кухни, держа перед собой руку с растопыренными пальцами, а масло текло по ее дрожащей ладони. Она хотела направиться прямо в спальню, но один из молодых слуг сообщил ей, что в гостиной ждет гостя. Только Риган подумала о том, что хорошо бы уклониться от встречи, как на верхней ступеньке лестницы появилась Марго в ослепительном платье из синего атласа.

— Что вы сделали с собой, дитя мое? — спросила она, бросившись вниз по лестнице. — Чарлз, принеси в салон марлю, и пусть Мальвина пришлет нам чаю. С хересом! И передай ей, что я хочу ее фруктового пирога.

— Слушаюсь, мэм, — на бегу ответил юноша.

Марго взяла Риган за запястье и повела ее вверх по лестнице.

— Где вы так сильно обожгли руку? — сочувственно спросила она.

Поскольку гордость Риган страдала так же, как и рука, сочувствие было ей приятно.

— Я взялась за чайник, — робко и смущенно ответила она.

Выражение лица Марго не изменилось, и она повела Риган к дивану. Спустя несколько секунд появилась служанка, которую Риган еще не приходилось видеть, неся марлю и чистую ткань.

— Где ты была, Салли? — строго спросила Марго. — Опять взялась за старое, отлыниваешь от работы?

— Нет, мэм. Я помогаю хозяйке каждое утро, правда ведь, мэм? — заявила служанка, смело глядя на Риган.

Риган не ответила — за последние несколько недель она видела слишком много новых лиц.

Марго схватила бинты.

— Убирайся отсюда, бездельница! И берегись, а то я заберу у Тревиса твой контракт.

Бросив на нее испуганный взгляд, служанка вышла из гостиной. Марго опустилась на диван рядом с Риган.

— Покажите-ка мне вашу руку. Действительно, сильный ожог. Вы, конечно, слишком долго держали чайник. Надеюсь, вы расскажете Тревису про то, как ведет себя прислуга. Он позволяет им своевольничать, и слуги вообразили себя хозяевами этого дома. И Уэс ничуть не лучше. Поэтому Тревис и хотел обзавестись женой. Ему нужна решительная женщина, способная управляться с такой большой плантацией.

Говоря все это, Марго осторожно перевязывала руку Риган, а когда закончила, вошел Чарлз с подносом, на котором можно было уместить целого пони. На нем красовался изысканный серебряный чайный сервиз георгианского стиля, хрустальный графин с хересом, два фужера и огромное количество разнообразных крохотных пирожных и бутербродов.

— Мальвина могла бы приготовить и получше, — заявила Марго, презрительно глядя на поднос.

— Она, видно, меня больше не считает гостьей. Передай ей, что, уезжая, я хочу с ней поговорить.

— Слушаюсь, мэм, — пробормотал Чарлз и вышел.

— Ладно, — продолжала Марго и улыбнулась Риган. — Я, конечно, сама разолью чай, раз ваша рука в таком ужасном состоянии.

Марго легко разлила чай, добавила в него изрядную порцию хереса, и выбрала для Риган пирожное.

— Я ведь приехала, чтобы попросить прощения, — заговорила Марго и налила себе хереса, забыв про чай. — Представляю себе, что вы обо мне подумали, когда на прошлой неделе я повела себя непростительно грубо. После случившегося я никак не решалась вернуться сюда и просить, чтобы вы меня приняли.

Униженная речь этой царственной женщины обрадовала Риган.

— Мне... вам нужно было приехать, — тихо ответила она.

Отведя глаза, Марго продолжала:

— Видите ли, мы с Тревисом были с детства влюблены друг в друга, и все считали, что мы когда-нибудь поженимся. Поэтому когда он представил другую женщину своей женой, я, разумеется, была потрясена.

Она опять посмотрела на Риган с лаской и мольбой:

— Вы ведь меня понимаете, правда?

— Конечно, — прошептала Риган. Марго и Тревис были так похожи друг на друга, так уверены в себе и решительны. Они властвовали на земле.

— Мой отец умер два года назад, — продолжала Марго с такой болью в голосе, что Риган вздрогнула. — И с тех пор я одна управляю своей плантацией. Она, конечно, сильно уступает владениям Тревиса, но мне этого достаточно.

Риган чувствовала, что такая женщина действительно может одна управлять целой плантацией; а вот Риган не в состоянии приготовить себе даже чашку чая. Но, по крайней мере, хоть одно она умеет делать правильно. Опустив голову и улыбнувшись, она сказала:

— Тревис верит, что наши дети будут помогать ему в работе на плантации. Это, конечно, со временем, но один уже готовится.

Не услышав ответа Марго, Риган подняла глаза и увидела в ее глазах огонь.

— Так вот почему Тревис женился на вас!

Ее голос звучал как бы из самой глубины души.

Риган была потрясена.

— Простите меня и за это! — Марго положила руку на запястье Риган. — Я всегда говорю лишнее. Просто мне хотелось понять причину; мы ведь были с ним почти обручены. Тревис — настолько порядочный человек, что, естественно, понял — он должен жениться на женщине, которая ждет от него ребенка. Вы знаете, мне следовало бы раньше подумать об этом. — Она засмеялась. — Пожалуй, если бы я... ну, вы понимаете... забеременела бы, он бы женился на мне...

Боже мой! Опять я за старое. Я никоим образом не утверждала, что вы уже были женаты до того, как Тревис на вас женился. Конечно, нет. Она встала с дивана, Риган тоже поднялась.

— Мне пора ехать, — сказала Марго. — Сегодня я все время говорю не то, что нужно. — Она хлопнула Риган по руке. — Уверена, что Тревис влюбился в вас, поэтому вас и выбрал. Мы живем не в средние века. Мужчины женятся по своему желанию, а не из-за того, что женщина ожидает ребенка. Тревис всегда говорил, что хочет иметь детей, но не собирается мириться с женой, которая будет им командовать. Вы же, чудный добрый ребенок, никогда не сможете им командовать. А теперь мне пора ехать. Надеюсь, мы с вами подружимся. Возможно, я помогу вам понять привычки Тревиса и расскажу, что он не любит. В конце концов, мы всю жизнь были очень близки.

Она чмокнула воздух около самой щеки Риган и повернулась к двери.

— Я попрошу убрать поднос. — Она улыбнулась. — Так что вам не нужно забивать вашу голову. Идите отдыхать и думайте о ребенке, которого Тревис так хочет.

Она ушла, а Риган рухнула на диван, чувствуя себя так, будто пережила бурю. Она не сразу стала размышлять над тем, что услышала от Марго. Выбор? Тревис не выбирал ее; она наткнулась на него. Он с радостью позволил бы ей уйти, но она отказалась назвать ему имя своего дяди. Честь! Честь Тревиса не позволила ему отпустить Риган на улицы Ливерпуля, а позже, как порядочный человек, он вынужден был на ней жениться. Что он говорил во время свадьбы? Что женится на матери своих детей.

Разве она вынуждала его жениться на ней?

Очевидно, их брак не имеет никакого отношения к любви. Разве мог такой человек, как Тревис, влюбиться в дитя, которое даже не способно приготовить чай, чтобы не изувечить себя?

Дни текли один за другим, и с каждым днем Риган, судя по всему, все сильнее отдалялась от хозяйства. Казалось, прислуга получала удовольствие от того, что постоянно менялась. Разговаривая с Риган, слуги вели себя вызывающе, и в конце концов, она почти перестала выходить из своей комнаты.

Возвращаясь домой, Тревис хватал Риган в объятия, подбрасывал над головой и заставлял улыбаться до тех пор, пока с лица ее не исчезала грусть. Он постоянно спрашивал, что терзает ее. Он предложил повезти ее осмотреть плантацию, и она последовала за Тревисом, стыдясь того, что нуждается в его опеке. Она ни за что не признается, насколько чужой ощущает себя в этой стране.

Тревис ни разу не пожаловался на ее неумение распоряжаться, никто не осмеливался разговаривать с ним вызывающим тоном, но он заметил, что не во всех сферах его хозяйства царит порядок. Однажды она услышала, как он ругал за леность работников молочной фермы.

Дважды приезжала Марго и каждый раз ласково разговаривала с Риган, а потом принималась выговаривать слугам за то, что они запустили такой замечательный дом. После ее ухода Риган ощущала пустоту и свою полную никчемность.

Она ни разу не рассказала Тревису о своих затруднениях со слугами или о пролитых слезах.

Однажды, когда Риган сидела в библиотеке, пытаясь сосредоточиться на чтении книги, которую держала в руках, вошел Тревис.

— Вот ты где, — улыбнулся он. — А я думал, ты куда-то пропала.

— Что-нибудь случилось?

Поверх одежды на нем был надет промасленный плащ вроде тех, которые носили матросы на корабле.

— Надвигается буря; молния перебила ограду, и почти сто лошадей ускакали.

— Ты собираешься их ловить?

— Да, как только найду Марго.

— Марго? — Риган закрыла книгу. — Какое она имеет отношение к разбежавшимся лошадям?

При виде ее лица Тревис засмеялся:

— Некоторые из этих лошадей принадлежат ей, к тому же она более ловкая наездница, чем большинство мужчин в нашем графстве. Так что, моя зеленоглазая женушка, она мне нужна, и все.

Поднявшись, Риган посмотрела ему в глаза.

— А чем я могу помочь?

Он снисходительно улыбнулся и поцеловал ее в кончик носа:

— Во-первых, выкинь из головки все заботы, во-вторых, береги моего ребенка, а в-третьих, — что не менее важно — согревай мою постель.

И вышел из комнаты.

Какое-то время Риган стояла неподвижно. Она чуть было не заплакала, но слезы так надоели ей! Она не намерена сидеть в одиночестве и сохранять дитя Тревиса. Жизнь ведь заключается не в том, чтобы проводить несколько мгновений с мужчиной, которого заботит только то, что у нее в чреве.

Когда Тревису действительно было что-то нужно, он, как и раньше, обращался к одной и той же женщине, — к Марго, гордой и заносчивой Марго, убежденной в том, что любое дело ей по плечу.

Ни о чем больше не думая, Риган направилась в спальню и принялась бросать одежду в чемодан. Ее подгоняло желание сделать хоть что-то — что угодно. В ящике одного из комодов лежал браслет с сапфирами и пара бриллиантовых серег. Когда-то они принадлежали матери Тревиса, потом он подарил их Риган. Поколебавшись только мгновение, она положила их в сумку.

Надев плотный плащ, она подошла к двери, убедилась, что никто ее не видит, и направилась к лестнице. Остановившись на верхней ступеньке, она оглянулась на то, что раньше принадлежало ей. Нет! Эти вещи никогда ей не принадлежали. Вновь обретя решимость, она бросилась в библиотеку и второпях написала Тревису записку о том, что уезжает и теперь он свободен и может принадлежать женщине, которую любит. Затем, открыв ящик, переложила в карман деньги из оловянной шкатулки.

Уйти из дома незамеченной оказалось просто. Рабочие были заняты — они плотно закрывали двери и окна, готовясь к буре, которая тяжело, подобно влажной шерсти, буквально висела в воздухе. Фасад дома выходил на реку, но с задней его стороны проходила изрытая колесами дорожка, которую Тревис называл дорогой. Жители Виргинии по большей части путешествовали по воде, и Риган решила, что ее никто не заметит, если она уйдет этим путем.

Она шла по дороге целый час. В воздухе чувствовалось приближение бури; наконец начался дождь. Дорожка покрылась грязью, в которой вязли ее туфли. Дальнейшее путешествие стало почти невозможным.

— Вас подвезти, юная леди? — спросил чей-то голос.

Повернувшись, она увидела подъехавший фургон, которым правил незнакомый старик.

— От дождя здесь плохая защита, да все лучше, чем идти пешком.

Преисполнившись чувства благодарности, Риган протянула ему руку, и он, потянув ее, посадил рядом с собой.

Марго ворвалась в дом; с одежды ее капала вода, а промокшие волосы прилипли к голове. «Чтоб этому Тревису пусто было! — думала она. — Он послал за мной, как будто я его работница, чтобы собрать разбежавшихся лошадей, а его драгоценная безмозглая женушка тем временем сидит дома!» Марго не могла забыть то мерзкое утро, когда встретила с ним наедине.

Накануне того дня она приехала к Тревису, чтобы встретиться с ним после его возвращения из Англии, надеясь, что, по обыкновению, ляжет с ним в постель, но вместо этого он представил ей свою жену — это бесцветное дитя. На следующее утро она встретила с ним и потребовала объяснить, что, черт побери, он творит. Не успел Тревис слова вымолвить, как она стала перечислять недостатки Риган, о которых ей довольно подробно рассказала ее двоюродная сестра Мальвина.

Тревис поднял руку, намереваясь ударить ее, но вовремя сдержался. Тонем, какого ей никогда еще не приходилось слышать, Тревис объявил, что Риган стоит двух таких, как Марго, и ему плевать на то, что его жена не может совладать с целой армией слуг. Он добавил, что, если Марго намерена приезжать в его дом, пусть испросит на то разрешения Риган.

Марго только через неделю смогла смирить гордыню и поехать к этой плаксивой девчонке. И что же она обнаружила? Дитя обливалось слезами, не умея даже лечить обожженные пальцы. Зато, по крайней мере, Марго узнала, почему Тревис женился на ней. Все это было вполне логично. Покорность Риган столкнулась с напористостью Тревиса, что принесло ему то, чего он добивался — Риган забеременела. Теперь Марго оставалось только доказать Тревису, что он впустую тратит свою жизнь — и деньги — на эту девчонку.

Обуреваемая гневом, который накапливался в течение нескольких недель, Марго стала подниматься по лестнице. Тревис попросил ее по пути домой заглянуть к его крохотной фарфоровой жене, поскольку намеревался провести предстоящую ночь, а может быть и последующую, в доме Клея. В молочную ферму Клея попала молния, и ему понадобилась помощь, чтобы восстановить разрушенное. Марго готова была ударить Тревиса, увидев огорчение на его лице. Можно подумать, что провести две ночи вдвоем от этого ребенка — трагедия.

Глубоко вздохнув, чтобы успокоиться, Марго открыла дверь спальни и с удивлением обнаружила, что она пуста, а вещи разбросаны. При виде выдвинутых ящиков и раскиданных по кровати платьев она поняла: напрасно надеяться на то, что в дом проник вор и унес юную принцессу. Схватив атласное платье изумительного цвета спелых персиков, Марго злобно зарычала: с близкого расстояния любой мог бы заметить, что все ее собственные платья сильно поношены.

Она бросила платье на пол и пошла по знакомому дому, со злостью хлопая дверями при мысли о том, что все здесь должно было бы принадлежать ей. В библиотеке единственная горевшая свеча слабо освещала записку на письменном столе Тревиса. Марго с отвращением увидела почерк с округлыми "а" и "о".

Однако когда она прочитала записку, мысли ее пришли в порядок. Вот как! Этот ребенок оставил Тревиса «женщине, которую он любит». Пожалуй, настало время избавить Тревиса от

его детского увлечения этой девочкой. Спрятав записку Риган в карман, она написала новую:

"Милый Тревис, Мы с Риган решили познакомиться поближе и на несколько дней уезжаем в Ричмонд. Шлем тебе нашу любовь.

М."

Ухмыляясь, Марго решила, что «нескольких дней» будет достаточно для того, чтобы следы Риган исчезли. Можно не сомневаться — эта девица попытается исчезнуть так же бездарно, как делает все остальное. Но Марго сумеет исправить это. Сунув немного денег одному-другому, она заставит разных людей поверить в то, что они никогда не видели сбежавшее дитя.

Четыре дня спустя Марго одна приехала на плантацию Стэнфордов. Она злорадно наблюдала за тем, как Тревис подбежал к ней, вскочил в повозку и посмотрел на нее лихорадочно горящими глазами:

— Где она?

Позже Марго с гордостью вспоминала, как разыграла свою роль. Она выказала Тревису гнев на то, как Риган обманула ее: любимая женщина Тревиса так и не приехала, чтобы отправиться с ней в путешествие.

Тревис пришел в бешенство. Она знала его всю жизнь, но никогда не видела, чтобы он хоть раз по-настоящему вышел из себя. В короткое время он поднял всех, кто работал на плантации, на поиски жены. Со всех сторон съехались друзья, но когда на второй день на берегу реки нашли обрывок платя Риган, многие прекратили поиски и вернулись домой.

Но только не Тревис. Он очертил вокруг плантации круг радиусом сто миль и принялся расспрашивать всех, кто находился в пределах этого участка.

Марго, затаив дыхание, молилась о том, чтобы ее усилия увенчались успехом. Она была вознаграждена, когда месяц спустя Тревис вернулся — усталый, похудевший и постаревший. С улыбкой Марго думала о том, во сколько ей обошлась ее уловка. Поскольку она была кругом в долгах и заложила плантацию, то не могла позволить себе слишком много ошибок, поэтому собрала всю имевшуюся наличность и по всей округе подкупила многих людей. Одни сообщили Тревису, что видели Риган, но показали не то направление, куда она направлялась в действительности. Другие, кто видели ее, отрицали, что она попадалась им на глаза. Третьи же, кого подкупить не удалось, говорили Тревису правду, но потом на его пути встречались новые люди, клявшиеся, что не видели юную леди.

Постепенно Тревис вернулся к делам плантации и разрешил своему брату Уэсли брать на себя все больше забот по управлению ею. А Марго занималась тем, что склеивала разбитую жизнь Тревиса.

Глава 14

Первая часть путешествия показалась Риган почти приятной. Она представляла, какое у Тревиса будет лицо в тот момент, когда он найдет ее. Разумеется, перед тем как вернуться домой, она поставит ему свои условия. Она потребует уволить повариху и нанять экономку. Нет! Риган сама найдет экономку — такую, чтобы была предана ей.

Человек в фургоне высадил ее и отправился дальше, а Риган, собравшись с духом, вошла в маленькую гостиницу, более похожую на обычный дом.

— Раньше здесь жила наша семья, — объяснила ей хозяйка. — Но мой муж умер, и тогда я продала землю и стала принимать путников на постой. Это оказалось куда проще, чем готовить еду для моих десяти детей, пока они не выросли.

Хозяйка подхватила Риган под руку и высказала ей несколько советов о том, как нужно странствовать в одиночку. Сидя за обедом в кабинке с высокими перегородками, Риган представляла себе, как Тревис будет выпрашивать у хозяйки, куда отправилась Риган.

Наутро Риган четыре раза уточнила у хозяйки, где находится следующая остановка дилижанса, с чувством вины понимая, что пытается тем самым внушить ей, куда намеревается ехать.

На второй день тряски в фургоне она почувствовала усталость и все время только смотрела в окно. Буря утихла, но воздух был влажным, тяжелым, и платье прилипало к телу. Как-то раз она услышала громкий стук копыт и улыбнулась, надеясь, что это Тревис догоняет ее. Риган высунула голову в окно и подняла руку, чтобы ее узнали, но наездник промчался мимо. В смущении она опустилась на свое место.

Вечером того же дня ее встретила не приветливая хозяйка, а сварливый старик, подавший на ужин жесткое жареное мясо и полусырую картошку. Усталая, грустная, Риган поднялась в комнату на втором этаже, где ночевали десять других женщин, тоже путешественницы-одиночки.

Она проснулась еще до восхода солнца и тихонько заплакала. К отъезду голова Риган болела, глаза опухли.

Четверо ее попутчиков пытались разговорить ее, но она только молча кивала головой. Все задавали ей один и тот же вопрос: куда она едет?

Глядя невидящим взором в окно, она стала задаваться тем же вопросом. Бежала ли она от Тревиса только ради того, чтобы доказать ему свое право на независимость? Действительно ли она поверила в то, что Марго нужна ему?

Ответов у нее не было, но она продолжала ехать вперед, пересаживаясь из одного дилижанса в другой, вглядываясь в проносившуюся мимо жизнь, и ее даже не огорчало отсутствие хорошей еды, постели и отдыха.

Риган была страшно удивлена, когда была вынуждена вылезти из дилижанса в маленьком пустынном местечке, где стояло всего несколько домов.

— Леди, вот и конец дороги, — объявил кучер, протягивая ей руку.

— Простите, что вы сказали?

Он сочувственно посмотрел на нее. Последние два дня она по большей части пребывала в состоянии прострации, и кучер решил, что она не в себе.

— Здесь заканчивается дорога, по которой ездят почтовые кареты. За Скарлет Спрингс лежит индейская территория. Если вы собираетесь ехать туда, вам нужно нанять фургон.

— Я могу снять здесь комнату?

— Леди, это пока даже не город, здесь гостиниц нет. Стало быть, либо вы едете дальше, либо возвращаетесь. Здесь остановиться негде.

Возвращаться! Как сможет она вернуться к Тревису и его любовнице? Вдруг из-за дилижанса раздался женский голос:

— У меня есть комната. Она сможет пожить у меня, пока не решит, чем ей заняться.

Повернувшись, Риган увидела невысокую полную молодую женщину с волосами цвета меда и большими синими глазами.

— Меня зовут Бренди Даттон, чуть подалее стоит моя ферма. Хотите пожить у меня?

— Да. — тихо ответила Риган. — Я могу заплатить вам...

— Об этом не беспокойтесь, как-нибудь договоримся.

Подхватив сумку Риган, она повела ее вдоль улицы.

— Я увидела, как вы стоите, такая маленькая и брошенная, и мое сердце устремилось к вам. Понимаете ли, три месяца назад и я выглядела так же. Мои родители умерли, не оставив мне ничего, кроме старой фермы и еще кое-каких мелочей. Вот мы и пришли.

Она провела Риган в некрашенный ветхий двухэтажный дом.

— Садитесь, а я приготовлю кофе. Кстати, как вас зовут?

— Риган Стэнфорд, — ответила она, не раздумывая, и потом пожала плечами: какой смысл утаивать свое имя, раз она не прячется. Совершенно очевидно — Тревис вовсе не хочет, чтобы она вернулась. Риган отпила кофе из чашки, и вкус его не очень ей понравился. Но он немного взбодрил ее, хотя в глазах Риган закипали слезы.

— Похоже, и у вас в жизни приключилась какая-то беда, — сказала Бренди, потом отрезала кусок пирога и протянула его Риган.

Та могла только кивнуть в ответ на вопрос Бренди. Мужчина, который хотел жениться на ней, несмотря на то, что презирал ее; дядя, который ненавидел ее; другой мужчина, который женился на ней только из-за того, что она носила его ребенка.

Увидев, что она почти не притронулась к пирогу, Бренди с сочувствием оглядела ее и спросила, не хочет ли она прилечь. Оставшись одна в маленькой спальне, Риган зарыдала так, как не плакала еще никогда в жизни.

Она не слышала, как в комнатку вошла Бренди, а только ощутила, как та обняла ее.

— Можешь все рассказать мне, — прошептала она.

— Мужчины! — воскликнула Риган. — Дважды я любила их, и оба раза...

— Не говори больше ничего, — ответила Бренди. — Я хорошо знаю мужчин. Два года назад я влюбилась в одного, думала, второго такого нет на земле. И вот однажды ночью я вылезла через окно из спальни на улицу, даже не оставив родителям записки, и убежала с ним. Он

обещал жениться на мне, но все время находились какие-то препятствия, и вот полгода назад я застала его в постели с другой. Риган заплакала еще сильнее.

— Я не знала, куда мне пойти, поэтому вернулась домой, — продолжала Бренди. — Мои замечательные родители приняли меня и даже ни разу не упрекнули в том, что я наделала. А спустя две недели они умерли от скарлатины.

— Я... я вам сочувствую, — всхлипнула Риган. — Значит, вы тоже одиноки.

— Именно так, — ответила Бренди. — У меня есть халупа, которая того и гляди рухнет прямо на голову, и каждый мужчина, попадая сюда, клянется, что сделает меня самой счастливой в мире.

— Надеюсь, вы им не верите! — бросила Риган. Бренди засмеялась.

— Не верю, конечно. Но мне нужно либо выйти за кого-то замуж, либо умереть здесь с голоду.

— У меня есть кое-какие деньги, — заявила Риган и выложила на кровать содержимое своих карманов. К своему разочарованию она увидела, что у нее осталось только четыре серебряные монеты.

— Подождите-ка! — Она подошла к сумке и извлекла из нее сапфировый браслет и бриллиантовые серьги.

Бренди поднесла их к свету.

— Один из двух твоих мужчин был с тобой ласков.

— Пока был со мной, — решительно ответила Риган. Внезапно лицо ее изменилось, и она схватилась за живот.

— Тебе плохо?

— Кажется, меня толкнул ребенок, — удивленно ответила Риган.

Глаза Бренди широко раскрылись, она опять засмеялась.

— Два сапога пара! Две покинутые женщины, которые ненавидят всех мужчин... — Но по ее тону было ясно, что убежденность Бренди не так уж непоколебима. — Есть у нас пара золотых вещиц, четыре серебряные монеты, разваливающийся дом, да еще ребенок должен родиться. Как же мы переживем предстоящую зиму?

То, как она сказала «мы», намек на то, что зиму они проведут вместе, вызвало у Риган надежду. Тревису она не нужна, но выжить все же должна. Она улыбнулась: ребенок опять шевельнулся. За последние месяцы она редко думала о нем. Она настолько покорилась Тревису, что ничего вокруг не замечала.

— Хочешь еще пирога? А потом поговорим, — предложила Бренди.

Риган думала о будущем без восторга, но ей нужно было составить какой-то план для себя и ребенка.

— Это ты испекла? — спросила Риган; наголодавшись, она жадно впилась в пирог зубами. Бренди гордо улыбнулась:

— Если я что и умею, так это готовить. В десять лет я уже готовила родителям всю еду.

— По крайней мере, у тебя есть хоть такие способности, — горько ответила Риган. — А я почти ничего не умею.

Бренди уселась за старинный стол.

— Я научу тебя готовить. Я как раз думала о том, чтобы готовить еду и продавать ее путникам, проезжающим через Скарлет Спринс. Вдвоем мы могли бы заработать достаточно, чтобы прожить.

— Это место называется Скарлет Спринте? Бренди ласково посмотрела на нее.

— Как я понимаю, ты просто села в дилижанс и доехала до конца дороги? Доедавшая пирог, Риган кивнула.

— Если ты готова попробовать и не боишься работы, я буду только рада твоему обществу. В знак согласия они пожали друг другу руки. Целую неделю Бренди не могла поверить, что Риган так никогда и не научится готовить, но спустя десять дней сдалась.

— Бесполезно, — вздохнула она. — То ты забываешь положить дрожжи, то муку, то сахар, то что-нибудь еще.

Бросив на стол жесткий каравай, она попыталась воткнуть в него нож, но не смогла.

— Прости меня, — сказала Риган. — Честное слово, я старалась.

Посмотрев на нее оценивающим взглядом, Бренди объявила:

— Знаешь, что у тебя действительно получается? Ты нравишься людям. Ты такая ласковая, такая чертовски красивая; женщинам ты нравишься, и им хочется о тебе заботиться, да и мужчинам тоже.

Когда-то Тревис хотел заботиться о ней, но длилось это недолго.

— Не уверена, что ты права, но что толку от этого?

— У тебя получится продавать. Я буду готовить, а ты продавать. Выгляди ласковой, но торгуйся решительно. И никому не позволяй заплатить меньше, чем мы просим.

На следующий день на дилижансе приехали шесть пассажиров, которых встречали другие люди, жившие в поле за окраиной Скарлет Спрингс, откуда они собирались отправиться дальше на запад. Поддавшись порыву, Риган назначила на испеченную снедь довольно высокую цену, но никто не стал спорить, и у них купили все, что они приготовили.

Вечером того же дня Риган потратила все деньги, которые у них были. Трое из поселенцев, уезжавших на запад, слишком загрузили свои фургоны, поэтому собирались выбросить лишние фонари, веревку и несколько отрезков ткани в реку. Они были в дурном настроении и не хотели, чтобы кто-либо воспользовался товарами, на которые они потратились. Риган предложила купить их. Добежав до фермы, она вытащила из ящика все деньги и отдала их поселенцам.

Когда она вернулась с покупками, Бренди рассвирепела. Денег у них не было, запасы их почти истощились, а комната была битком набита ненужными товарами.

В течение трех дней они ели только яблоки, украденные из сада в четырех милях от фермы, и Риган обуревало чувство вины.

На четвертый день в Скарлет Спрингс приехали новые поселенцы, и Риган продала им все покупки за тройную цену. Плача от счастья, что все так хорошо получилось, Риган и Бренди, обнявшись, стали танцевать по кухне.

С этого все и началось. После первой удачной сделки они обрели уверенность в себе и друг в друге. Обе женщины начали думать о том, чем бы им заняться.

Они договорились с фермером, которому принадлежал яблоневый сад, и скупили всю падалицу, заплатив совсем недорого и пообещав в ближайшие полгода раз в неделю давать ему один каравай хлеба, который пекла Бренди. По ночам Бренди и Риган чистили и нарезали яблоки, а на следующий день выставляли их сушиться на улицу. Сушеные яблоки они продавали поселенцам, уезжавшим на запад.

С каждым заработанным пенни, с каждой заключенной сделкой они все более изобретательно расширяли свое дело. Вставали они еще до зари, ложились очень поздно. И все же временами Риган казалось, что никогда еще она не была так счастлива. Впервые в жизни она ощущала, что кому-то нужна.

Осенью они начали принимать постояльцев и готовить для них еду. Некоторые приезжали в Скарлет Спринге слишком поздно для того, чтобы отправиться на запад, но и не решались возвращаться к своим родным местам.

Один из приехавших объяснил, что в его родном городе ему устроили пышные проводы, и ему неловко возвращаться из-за того, что он опоздал к отправке фургонов.

Риган и Бренди, весело улыбаясь, переглянулись и пообещали взять его на постой. Ко Дню благодарения у них было шесть жильцов, и все спали буквально друг на друге. — В следующем году я приготовлю соленые овощи и капусту, — заявила Бренди, с омерзением глядя на еду, состоявшую главным образом из мяса диких животных, но, посмотрев на Риган, она перестала жаловаться.

Риган нетвердо поднялась; живот ее уже сильно выпирал.

— Прости, — очень тихо сказала она. — Пойду наверх, по-моему, у меня сейчас родится ребенок.

Рассердившись, Бренди схватила подругу за руку и помогла ей добраться до спальни на втором этаже, которую они делили вдвоем.

— У тебя, конечно, весь день были боли. Когда же ты перестанешь считать себя обузой и начнешь просить о помощи?

Риган неловко опустилась на кровать и откинулась на подушки, которые Бренди торопливо подсунула под нее.

— Может быть, ты побережешь свои нотации до другого раза? — проговорила она, и лицо ее исказила гримаса боли.

Хотя Риган была миниатюрной, роды прошли легко. Воды обрызгали всю Бренди, и только они обе рассмеялись, как на свет появилась крупная отличная девочка. Она сморщилась, сжала

кулачки и закричала.

— Совсем как Тревис, — прошептала Риган и потянулась к дочери. — Дженнифер. Тебе нравится это имя?

— Да, — ответила Бренди, занятая тем, что мыла Риган и чистила комнату. Она слишком устала, чтобы волноваться об имени для девочки. Взглянув на Риган, которая обнимала ребенка, она подумала, что именно на ее долю сегодня пришлось самое тяжелое испытание.

Спустя месяц они уже привыкли к новому порядку вещей, вели хозяйство, растили ребенка. Когда пришла весна, стали появляться сотни новых поселенцев. Один из них, у кого жена умерла по пути в Скарлет Спрингс, решил остаться со своими двумя маленькими детьми в этом крохотном поселении и начал строить большой, уютный дом.

— Наш город начинает расти, — сказала Риган, держа на руках дочь. Оглянувшись на продуваемую сквозняками старую ферму, она представила ее себе покрашенной заново и, после того, как дала волю своему воображению, с пристройкой по фасаду — с длинным крыльцом.

— О чем ты так задумалась? — сказала Бренди, стоя за ее спиной. — Поделись-ка со мной!

«Пока нет», — подумала Риган. За свою жизнь она слишком много мечтала, и все ее планы рухнули. Отныне она посвятит себя одной цели и будет усиленно работать для ее достижения.

Спустя несколько недель Риган в конце концов поделилась с Бренди — хотя и в самом общем виде — своими замыслами перестроить и расширить ферму, чтобы превратить в настоящую гостиницу. Бренди была поражена.

— Похоже... похоже, дело хорошее. — Бренди заколебалась. — Но ты думаешь, что мы, две женщины, сможем это сделать? Что нам известно о гостиничном деле!

— Ничего, — совершенно серьезно ответила Риган. — И не позволяй мне сравнивать свои способности и свои замыслы. Иначе я даже не стану пробовать.

Рассмеявшись, Бренди не знала, что сказать.

— Ты меня уговорила, — ответила она. — Веди нас вперед, а я тебя поддержу.

И над этим Риган не хотелось задумываться. Просто ей хотелось настолько загрузить себя работой, чтобы не оставалось времени на сомнения. Спустя два дня она нашла для Дженнифер няню, достала из укрытия драгоценности и в дилижансе отправилась на север. Она проехала три города, пока не нашла человека, который был готов заплатить хорошую цену за браслет и серьги. И везде Риган заезжала в гостиницы и на постоялые дворы. Она поняла, что гостиница предназначена не только для путешественников, — она нередко служит центром общественной и политической жизни. Риган делала наброски, задавала вопросы, и, видя ее молодость и серьезное отношение к делу, люди подолгу беседовали с ней и охотно отвечали.

Она вернулась домой усталой, но счастливой, в восторге от того, что вновь оказалась рядом с дочерью и подругой. Она привезла чемоданчик, набитый заметками, рисунками и рецептами для Бренди. В подкладку одежды были зашиты вырученные за драгоценности деньги. С этого момента никто не сомневался, кто из двух партнеров является главным.

Холодным мартовским утром 1802 года Фаррел Бэтсфорд вылез из дилижанса в маленьком оживленном городке Скарлет Спрингс в штате Пенсильвания. Отряхнув с одежды пыль, он разгладил темно-синий бархат своего сюртука и одернул кружевные манжеты.

— Вы здесь остаетесь, мистер? — спросил кучер, стоявший позади этого изящного путника в хорошо сшитой одежде.

Фаррел не соизволил даже взглянуть на него, а лишь коротко кивнул. Но он тут же был вынужден повернуться, когда с крыши дилижанса на землю упал первый из двух его больших тяжелых чемоданов. Широко улыбаясь, кучер с ангельским видом подмигнул Фаррелу.

— Вам поднести вещи в гостиницу? — спросил плотный молодой человек, и Фаррел опять только сухо кивнул, изо всех сил проявляя пренебрежение к жителям Америки. Только когда дилижанс отъехал, Фаррел впервые обратил внимание на гостиницу «Серебряный дельфин». Дом был трехэтажный, с надстройкой, к фасаду были пристроены два крыла, а крышу поддерживали две высокие белые колонны. Бросив юноше четверть доллара, Фаррел решил пройтись по городу.

Где-то здесь прячутся деньги, подумал он, разглядывая аккуратные чистые дома. По другую сторону улицы от постоялого двора располагался печатный двор, кабинет доктора, контора адвоката и аптека. Неподалеку находилась кузница, торговая лавка, школа, а на другом конце города — высокая ухоженная церковь. Вид у городка был процветающий и благополучный.

Опять обратив свой взор на гостиницу, он убедился в том, что это весьма ухоженное здание возвышается над всеми остальными домами. Задней его частью служила поддерживаемая в хорошем состоянии более старая постройка. Все окна сияли чистотой, ставни были недавно выкрашены, и пока Фаррел разглядывал его, люди постоянно входили и выходили из этого, судя по всему, процветающего заведения.

Он опять вынул из кармана потрепанную вырезку из газеты. В ней сообщалось, что миссис Риган Стэнфорд и незамужняя женщина Бренди Даттон по сути дела были хозяйками целого городка в Пенсильвании. Сначала Фаррел усомнился в том, что это Риган, которую он искал много лет, но посланный им человек вернулся и рассказал, что по описанию это именно та женщина, которую он некогда знал.

И опять он вспомнил ту ночь пять лет назад, когда Джонатан Нортлэнд выбросил свою племянницу из ее собственного дома. Бедная, простодушная Риган не знала, что именно она является законной владелицей усадьбы, что не она жила на содержании своего дяди Джонатана Нортлэнда (как говорил он в ту ночь Фаррелу), а он, Нортлэнд, жил на проценты, которые приносило состояние Риган. Интересно, догадался ли Нортлэнд, со злорадной улыбкой подумал Фаррел, кто уведомил попечителей усадьбы Уэстон Мэнор о том, как Нортлэнд обошелся с племянницей. Это была месть, но постигшее Джонатана наказание, когда тот был выброшен попечителями из усадьбы без единого гроша в кармане, Фаррел посчитал недостаточной платой за слова, которые Нортлэнд сказал о нем в тот вечер. Спустя полгода Джонатана Нортлэнда нашли мертвым — он был убит ударом ножа в кабаке неподалеку от доков, и теперь чувство мести Фаррела было удовлетворено полностью.

Шли месяцы и годы, и Фаррел все чаще задумывался о миллионах Риган, которые просто хранились в банке и с каждым днем увеличивались благодаря тому, что ее попечители мудро и с пользой вкладывали деньги. Он искал себе жену достаточно богатую, чтобы содержать его усадьбу и его самого так, как подобает джентльмену. Но ни у одной молодой женщины не было столько денег, сколько у Риган Уэстон. Те же, кто владели подобным богатством, не желали

иметь ничего общего с джентльменом без денег, без титула, да к тому же обладавшим сомнительными привычками.

После двух лет бесплодных поисков Фаррел убедил себя в том, что отшвырнув его, Риган подорвала его репутацию в глазах женщин. Следовательно, достойный выход для него заключался в том, чтобы найти это юное существо, жениться на ней и с помощью ее денег восстановить свою подпорченную репутацию.

Ему потребовалось немало времени для того, чтобы найти бывшую служанку Риган — Мэтту, жившую в Шотландии у родственников. Старуху уже много лет мучила не правильно сросшаяся челюсть, которую ей сломал Джонатан Нортлэнд, когда та попыталась ответить на расспросы какого-то американца о найденной им девушке.

Заговариваясь и с трудом ворочая языком, Мэтта непрерывно пила, чтобы заглушить боль. Она вызвала у Фаррела такое отвращение, что он не мог более оставаться рядом с ней. Память подводила Мэтту, и ему потребовалось немало времени, чтобы выудить у нее нужные сведения; однако, расставшись с ней, он уже приблизительно представлял себе, где нужно искать Риган.

Сопоставив полученные сведения, он постепенно пришел к выводу, что Риган отбыла в Америку. Нелегко было решиться отправиться вслед за ней, но он был твердо убежден, что, прожив несколько лет в этой варварской стране, она, видимо, умирает от желания вернуться домой.

Америка оказалась больше, чем он себе представлял, и в этой стране существовало несколько отдельных цивилизованных областей, но здешнее население вызывало у него омерзение: люди не представляли себе своего истинного места в жизни, и каждый считал себя чуть ли не английским пэром.

Он уже собирался вернуться в Англию, когда в одной из газет ему на глаза попала та самая небольшая заметка. Нанятый им человек вернулся из Скарлет Спрингс и описал наружность женщины, о которой шла речь в газете. Это действительно была Риган, но она оказалась не той простодушной девочкой, какой он помнил ее.

Он пересек зеленую лужайку, красивым овалом лежавшую между двумя главными улицами, и вошел в гостиницу.

Просторный вестибюль был облицован выкрашенными в белый цвет стенными панелями. Несколько хорошо одетых мужчин и женщин как раз направлялись в расположенную справа комнату, и, последовав за ними, Фаррел оказался в просторном зале, обставленном удобными креслами и диванами. Одну стену занимал глубокий, выложенный кирпичом камин. Вся мебель была совсем недавно обита атласом в полоску серо-розового и бледно-зеленого цветов. К общему залу примыкала буфетная. "Хотя дубовые стулья и столы выглядят довольно просто, дела здесь явно идут успешно, " — подумал Фаррел.

Напротив зала находился обеденный зал огромных размеров, а рядом с ним — два отдельных кабинета. В конце концов Фаррел вернулся в вестибюль и, не заходя в старую часть здания, прошел в уютную библиотеку, где пахло кожей и табаком. В противоположной стороне вестибюля находилась конторка. Обходительный служащий предоставил ему отдельную спальню на втором этаже.

— Сколько у вас спален?

— Ровно дюжина, — ответил служащий. — Еще есть две с отдельными гостиными, и,

разумеется, апартаменты хозяек.

— Естественно. Вы, видимо, говорите о юных леди?

— Да, сэр, о Риган и Брендис. Риган живет на первом этаже в старом здании, а Брендис — на втором этаже, прямо над ней.

— И это те дамы, которым принадлежит чуть ли не большая часть города? — недоверчиво спросил Фаррел.

Служащий захихикал:

— Проповедник говорит, что только церковь им не принадлежит, но всем известно, что они построили ее на свои деньги. И им же принадлежат закладные на все остальные дома. Когда в городе проездом оказался адвокат, Риган снабдила его деньгами на строительство дома, и он остался здесь; потом поселился доктор, и вскоре здесь вырос целый город.

— Где бы я мог найти миссис Стэнфорд? — спросил Фаррел, которому не понравилось, что служащий назвал ее по имени.

— Повсюду, — быстро ответил служащий, потому что в эту минуту к нему подошла пара новых жильцов. — Она одновременно повсюду.

Не желая привлекать внимание, Фаррел не стал предъявлять претензии, когда этот наглец так бесцеремонно прервал разговор с ним. Он был намерен позже поговорить о нем с хозяйкой, безразлично с какой из них.

Его комната на верхнем этаже сверкала чистотой и была хорошо обставлена. В окно светило теплое солнце. Одну стену украшал небольшой камин. Сменив пропыленную одежду, он спустился в обеденный зал. Его раздражала мысль о том, что придется есть в общем зале, но Фаррел понимал, что скорее всего увидит Риган здесь. Меню оказалось длинным: семь мясных блюд, три рыбных, холодные закуски, приправы, овощи, птица и бесконечный перечень пирожных и пудингов. Ему быстро подали горячую, вкусную, прекрасно приготовленную еду.

Когда он пробовал десерт под названием «моравский сахарный торт», в комнату вошла женщина, на которую обратились взоры всех мужчин и женщин. Их внимание привлекла не только ее необычная красота, но и уверенность в себе. Эта хрупкая женщина в великолепном платье из темно-зеленого муслина знала себе цену. Она двигалась уверенно, легко заговаривая то с одним, то с другим. Она выглядела как высокородная леди, принимающая гостей у себя дома. У одного стола она задержалась, осмотрела блюдо и велела отнести его назад на кухню. Сидевшие за другим столом две женщины поднялись и обняли ее, и она недолго посидела с ними, весело болтая и смеясь.

Фаррел не мог оторвать от нее глаз. Наружность ее все же напоминала ту неловкую девочку, которую он некогда знал. У нее были глаза того же цвета, те же самые блестящие каштановые волосы, но более пышные формы ее тела и непринужденность в общении с людьми несколько не напоминали жеманную, страшившуюся собственной тени девочку, которая некогда была с ним обручена.

Откинувшись на стуле, он спокойно ждал, когда она приблизится. Увидев его, Риган улыбнулась, но не подала вида, что узнала. Спустя минуту, разговаривая с парой, сидевшей за противоположным столиком, она подняла глаза и встретилась с ним взглядом. Она оценивающе посмотрела на него, а Фаррел ответил ей самой своей очаровательной улыбкой.

Он невероятно обрадовался, когда она повернулась и быстро вышла из зала. Теперь он был убежден, что Риган сохранила к нему какие-то чувства, неважно, добрые или плохие. Его не заботило, ненависть это или любовь, главное — она его помнит.

— Риган, ты здорова? — спросила Бренди. Стоя у противоположной стены просторной кухни, отделанной дубом, она наблюдала за работой трех поварих.

— Я здорова, — резко ответила Риган, потом глубоко вздохнула и улыбнулась. — Просто я только что увидела привидение.

Они обменялись взглядами, и Бренди увлекла Риган в угол кухни.

— Отца Дженнифер?

— Нет, — тихо ответила Риган. Она постоянно думала о Тревисе. Каждый раз, всматриваясь в большие карие глаза Дженнифер, она вспоминала его. Временами при звуке тяжелых шагов на лестнице ее сердце замирало.

— Помнишь, много лет назад я была обручена с Фаррелом Бэтсфордом? — У подруг не было тайн друг от друга. — Он сидит в обеденном зале.

— Этот выродок! — выпалила Бренди. — Что он ест? Я сыпану ему яда. Риган засмеялась:

— Думаю, такая же мысль должна была прийти в голову и мне, но не знаю, можно ли забыть свою первую любовь. Когда я увидела его, на меня нахлынули воспоминания. Я так всего боялась, так хотела угождать ему, так сильно любила его. Он мне казался самым красивым и элегантным из всех мужчин.

— А как он сейчас выглядит?

— Он, конечно, не урод. — Риган улыбнулась. — Думаю, нужно пригласить его в контору и поговорить с ним. Это, пожалуй, единственное, что мне следует сделать.

— Риган, будь осторожна, — предупредила Бренди. — Он здесь не случайно.

— Это я понимаю, и, кажется, догадываюсь, почему он здесь. Меньше, чем через три месяца мне исполняется двадцать три года, и тогда деньги родителей будут принадлежать мне.

— Не забывай об этом ни на минуту, — крикнула Бренди ей вслед.

Риган направилась в контору и села за стол в кожаное кресло. Появление Фаррела не очень ее тронуло, но наваяло множество воспоминаний. У Риган было такое ощущение, будто на нее опрокинули ведро холодной воды; она вспомнила ту ужасную ночь, когда услышала всю правду из уст дяди и жениха. Воспоминания нагромождались одно за другим: Тревис обнимает ее, Тревис дает указания, что ей делать. Тревис ласкает ее, Тревис, больший чем жизнь — и Риган, постоянно испытывающая чувство страха. За последние четыре года она не раз собиралась написать ему, рассказать о рождении дочери, о том, что они обе здоровы и преуспевают. И каждый раз ей становилось страшно. А вдруг Тревис ответит, что его это не касается — очевидно, именно поэтому он так и не попытался найти ее. Прошло время, Риган научилась быть самостоятельной. Но сможет ли она остаться такой же, когда Тревис окажется рядом? Не запугает ли он ее опять до такой степени, что она вновь станет слезливой запуганной девочкой, как в прошлом?

Она очнулась от стука в дверь и крикнула «Войдите!».

В кабинет вошел Фаррел.

— Надеюсь, я не помешал, — заявил он с радостной улыбкой.

— Нисколько, — ответила она и встала, протягивая ему руку. — Я как раз собиралась послать вам записку с приглашением зайти ко мне.

Склонившись, он горячо поцеловал ей руку.

— Возможно, вы не надеялись так быстро увидеть меня вновь, — нежно прошептал он. — В конце концов, в старые времена мы так много значили друг для друга.

К счастью, в этот момент Фаррел не видел лицо Риган. На нем отразилось выражение крайнего изумления, которое тут же исчезло. «Ах ты, надутый щеголь!» — подумала она. Неужели Фаррел и в самом деле полагает, что она не помнит тот мерзкий вечер много лет назад, забыла, почему он хотел на ней жениться?

Когда он выпрямился, Риган уже улыбалась. Она сумела добиться многого именно благодаря тому, что никогда открыто не демонстрировала свои чувства.

— Да, — ласково ответила она. — Прошло так много времени. Присядьте. Хотите что-нибудь выпить?

— Виски, если у вас есть.

Она налила ему полный стакан ирландского виски и невинно улыбнулась, когда он заморгал от неожиданности. Усевшись в кресло напротив него, Риган спросила:

— Как поживает мой дядя?

— К сожалению, он умер.

Риган ничего не ответила, еще не сумев разобраться в собственных чувствах. Несмотря на все дурное, что он сделал ей, он все же приходился ей родственником.

— Зачем вы приехали сюда, Фаррел?

Он ответил не сразу.

— Из-за чувства вины, — наконец заявил он. — Хотя в сцене, которую ваш дядя устроил в тот вечер, я вряд ли повинен, но все же чувствовал свою ответственность. Что бы вы тогда ни подумали, вы не были мне безразличны. Я беспокоился из-за того, что вы были столь юной, рассердился на вашего дядю за то, что он держал вас взаперти и ничему не учил. — Он рассмеялся, как будто они обменялись шутками. — Вы должны признать, что не были за столом самой красноречивой собеседницей. Я всегда был против того, чтобы детей лишали возможности учиться в школе. Не исключая, правда, что в других семьях такое принято.

— А что же сейчас? — Риган очаровательно улыбнулась.

— Вы изменились. Вы... вы больше не ребенок. Она не успела ответить: дверь распахнулась и вбежала Дженнифер, сжимая в грязном кулачке цветы с оборванными стеблями. Ей уже исполнилось три года, и она стала необыкновенно хорошенькой: миниатюрной как Риган, а

глаза и волосы ее были в точности, как у Тревиса. От отца она унаследовала еще и жизненную стойкость, ничего не боялась, в отличие от Риган, какой та была в этом возрасте.

— Мама, я принесла тебе цветы, — с улыбкой сказала она.

— Как это хорошо! Вот теперь я вижу, что действительно наступает весна, — ответила Риган и горячо обняла свою крепенькую дочку.

Дженнифер, которая никогда никого не стеснялась, посмотрела на Фаррела широко открытыми глазами.

— Кто это? — спросила она театральным шепотом.

— Фаррел, познакомьтесь с моей дочерью Дженнифер; а это мой старый прут, мистер Бэтсфорд.

Дженнифер выбежала из комнаты так же стремительно, как и вбежала, на ходу выдавив из себя «Здравствуйте».

Девочка слишком сильно хлопнула дверью, и Риган с любовью посмотрела ей вслед, потом опять обратила свой взор на Фаррела.

— Мы редко видим Дженнифер. Она носится по гостинице, по двору, вечно в движении.

— А кто ее отец? — немедленно поинтересовался он.

Риган поведала ему ту же ложь, которую рассказывала остальным, торопливо объяснив, что овдовела; но поскольку весь день мысли ее были о Тревисе, глаза, видимо, выдали ее. Она поймала быстрый взгляд Фаррела, но больше ничего не добавила — приукрашивая вымысел, она только сделала бы его менее убедительным.

— Мне не следует больше занимать ваше время — вас ждет работа, — произнес Фаррел. — Вы поужинаете со мной?

Все еще ощущая неловкость от того, что Фаррел понял обман, она с готовностью согласилась.

— Тогда до вечера. — Он улыбнулся и вышел. Фаррел сразу же направился на кухню, чтобы заказать старшему повару совершенно особый ужин. Когда его представили Бренди, по враждебному выражению ее глаз он понял, что ей уже известна прошлая жизнь Риган. Он сразу же прибегнул к своим самым изысканным манерам и попросил показать ему город. Почувствовав, что не в силах устоять против него, Бренди согласилась и провела один из самых приятных в своей жизни дней. Охотясь в последние годы за богатой женой, Фаррел научился обходительности. К вечеру он сумел убедить Бренди в том, что стал невинной жертвой Джонатана Нортлэнда. Он рассказал длинную, запутанную историю о том, каких трудов ему стоило разыскать Риган, сообщил, как все эти годы его терзали угрызения совести.

К своему возвращению в гостиницу Фаррел добился того, что Бренди превозносила его до небес. Более того — теперь он знал имя мужа Риган и где он жил. Готовясь к ужину, он успел направить в Виргинию человека, чтобы тот разведал правду о Тревисе Стэнфорде.

Глава 16

Тревис стоял, облокотившись на стеклянную стойку одного из платяных магазинов в Ричмонде,

пока Марго примеряла еще один туалет.

— А как тебе нравится это? — просила она, появившись из-за занавесок примерочной. Муслин цвета ржавчины, почти не скрывавший ее пышную грудь, оставлял слишком мало простора для полета фантазии.

— Не слишком ли вызывающе? — спросила она вполголоса и, подойдя к Тревису, коснулась руками его груди.

— Красивое, — нетерпеливо ответил он. — Разве ты мало накупила? Нам бы вернуться домой до заката.

— Домой! — резко ответила она. — Ты теперь вообще не уходишь со своей ужасной плантации. А раньше мы ездили с тобой танцевать. Раньше ты... больше времени проводил со мной.

Отведя ее руки от своей груди, он устало посмотрел на нее.

— Это было до того, как я женился.

— Женился! — От негодования она задохнулась. — Жена бросила тебя! Она доказала, что ты ей не нужен. Какой другой мужчина согласился бы хранить верность жене, если ее нет рядом?

— А разве я когда-нибудь походил на других? Он бросил на Марго многозначительный взгляд. Они уже неоднократно ссорились из-за этого.

У входа в магазин зазвенел колокольчик и оборвал Марго на полуслове. Повернувшись, они увидели, что вошла Эллен Бэйкс. Она жила по соседству с плантацией Тревиса и дружила с его семьей.

— Мне показалось, что это ты мелькнул в окне, Тревис, — весело сказала она. — Марго. — Она коротко кивнула, давая понять, что думает о притязаниях Марго на женатого мужчину. Ей не приходилось встречаться с Риган, но она слышала о ней от жены Клея Николь. Зная Тревиса много лет, она догадывалась, почему Риган бежала из дома.

— Странная вещь приключилась, — продолжала Эллен. — Я привезла в церковь свежие цветы к воскресенью, и тут услышала, как один незнакомец — я бы сказала, довольно потрепанный мужичонка — начал выпрашивать у пастора о тебе.

— Наверное, ищет работу, — ответил Тревис небрежно.

— Сначала я тоже так подумала, да и особо не прислушивалась. Но готова поклясться, что он называл имя Риган. Тревис встрепнулся.

— Риган? — прошептал он.

— Я хотела дождаться, пока пастор закончит с ним беседовать, но боялась, что упущу тебя.

Тревис молча вышел из магазина, вскочил в повозку и погнал лошадей.

— Черт тебя возьми! Тебе нужно было испортить мне весь день! — с бешенством крикнула Марго.

— Прости, — ответила Эллен, радостно улыбаясь, а Марго бросилась в примерочную. Повернувшись к окну, Эллен в душе вознесла молитву о том, чтобы Тревис узнал что-либо о

своей жене.

Лошади еще не успели остановиться, как Тревис уже выпрыгнул из повозки возле церкви. Как раз в это время оттуда выходил человек, по виду которого можно было подумать, что в жизни своей он вряд ли воздерживался от пьянства более нескольких часов.

Тревис, которого никогда не заботили приличия, и слишком взволнованный, чтобы думать о последствиях своих поступков, схватил незнакомца за ворот рубашки и с такой силой ударил его о деревянную стену, что раздался треск.

— Кто ты такой?

— Я ничего плохого не сделал, мистер, и денег у меня нет. Тревис еще сильнее вдавил его в стену.

— Это ты про меня выпрашивашь? Вздвогнув от боли и задыхаясь, потому что громадный кулак Тревиса давил ему на горло, незнакомец пролепетал:

— Он заплатил мне. Мне только нужно было выяснить, в живых ли вы.

— Лучше рассказывай. Кто это — он?

— Какой-то разодетый англичанин. Не знаю, как его звать. Он сказал, что вы были его другом, но, по слухам, умерли. Вот он и хотел, чтобы я выяснил для него, когда вы умерли.

Тревис еще сильнее нажал кулаком на горло человечка.

— Ты называл имя Риган.

На лице незнакомца появилось изумленное выражение.

— Я сказал, что этот англичанин живет у Риган. Тревис на секунду отпустил его горло.

— У какой Риган? И где она живет?

— В Скарлет Спрингс, в Пенсильвании. А звать ее Риган Стэнфорд, как и вас. И я спрашивал у проповедника, ваша ли она родственница.

Тревис так стремительно отпустил незнакомца, что ему пришлось подхватить его, чтобы тот не упал.

— Садись в повозку. Мы едем в Скарлет Спринте, а по пути ты мне все расскажешь.

Не успел человечек усесться поудобнее, как Тревис хлестнул лошадей. Пролетев мимо магазина, возле которого на улице стояла Марго, он осадил лошадь только возле извозчичьего двора.

— Джейк, — крикнул он, — найди мне фургон покрепче, чтобы выдержал долгую дорогу, и возьми вот это. — Он бросил деньги на сиденье. — Верни повозку хозяину.

Джейк едва поднял на него глаза.

— Если ты торопишься, то лучше Отправляйся в дорогу побыстрее, а то, похоже, надвигается буря. — При этом он махнул головой в сторону видневшейся вдаль взбешенной Марго.

Перестав скрести копыта лошади, Джейк отправился искать для Тревиса фургон.

Повернувшись к человеку, сидевшему в повозке, Тревис предупредил:

— Шевельнись только, и тебе больше двигаться не придется.

Не успел он договорить, как на него накинута Марго.

— Как ты смеешь проноситься мимо меня! — задыхаясь от бега, крикнула она.

— У меня нет времени спорить с тобой. Через пять минут я уезжаю.

— Уезжаешь? Ну, я, пожалуй, с покупками закончила. Но тебе придется заехать в четыре магазина и забрать то, что я купила.

— Джейк! — заревел Тревис. — Готов фургон?

Он повернулся к Марго.

— Я домой не еду, так что попроси кого-нибудь другого отвезти тебя. Можешь поехать с Эллен, а по дороге домой скажи Уэсу, что я на время уезжаю.

Повернувшись, он увидел, как к конюшне подъехал Джейк на тяжелом фургоне.

— Залезай, — приказал он нервному человечку, сидевшему в повозке.

— Тревис, если ты не поможешь мне, я .. — прошипела Марго, но Тревис вскочил на сидение.

— Куда ты? — пронзительно крикнула она, когда фургон рванулся с места.

— В Скарлет Спрингс, в Пенсильванию, за Риган, — прокричал Тревис и умчался в клубах пыли и граде летящей из-под колес щбенки.

Кашляя и ругаясь, Марго посмотрела на владельца конюшни, который широко улыбался. Она знала, что люди смеются над тем, как она преследует Тревиса, и чем больше окружающие смеялись, тем сильнее она злилась. Но, несмотря на бешенство, в голове ее начал складываться новый план. Так значит, Скарлет Спрингс? Мой бедный милый Тревис уехал, не взяв с собой ни единой пары чистого белья. Пожалуй, нужно собрать кое-какую одежду и привезти ему. Да, чем дольше она об этом думала, тем больше убеждалась в том, что Тревису нужно привезти чистую одежду.

Риган сидела в конторе, проверяя счета, когда вошла Бренди — Ну, как дела? — спросила Бренди.

— Совсем неплохо, — ответила Риган, заглядывая в книги. — В следующем году мы сможем построить два новых дома. Я уже подумала про мебельную лавку. Тебе не кажется, что Скарлет Спринте нужен собственный мебельщик?

— Я ведь говорю не о деньгах. Как у тебя с Фаррелом? Ведь вчера ты ужинала с ним?

— Ты же знаешь, что да. Могу тебе ответить, что Фаррел — замечательный собеседник. Он блестяще ведет разговор, у него безупречные манеры, и он умеет заставить женщину почувствовать себя принцессой.

— Он тебя сильно утомил, правда? — со вздохом спросила Бренди и села.

— Если говорить коротко, то — да. От Фаррела не следует ждать чего-то неожиданного. Он настолько... не знаю, пожалуй, он слишком «безупречен».

— Он понравился Дженнифер. Риган коротко засмеялась.

— Дженнифер понравились его подарки. Ты можешь себе представить, чтобы такому живому ребенку, как Джен, преподнесли фарфоровую куклу из Франции? Она хотела воспользоваться ею вместо мишени, чтобы попрактиковаться с луком и стрелой, которые ты ей подарила.

Бренди захохотала.

— Фаррел видно, думает, что маленькие девочки, как и взрослые, ведут себя подобно леди. Риган встала из-за стола.

— У нас есть новые постояльцы? Сегодня утром я еще не проверяла.

— Несколько минут назад на фургоне приехал какой-то новый мужчина. Красивый, высокий.

— Бренди, ты неисправима. — Риган засмеялась. — Пойду поздороваюсь с ним.

Возле двери конторы она наткнулась на Фаррела.

— Доброе утро, — сказал он и поцеловал ей руку. — Вы красивее, чем лучи утреннего солнца на каплях росы, покрывающих лепесток розы.

Она не знала, смеяться ей или плакать.

— Спасибо за столь изящный комплимент, но мне нужно идти.

— Риган, дорогая, вы слишком много работаете. Давайте проведем день вместе. Мы захватим Дженнифер и поедем на пикник, как будто мы — семья.

— Звучит соблазнительно, но мне действительно пора идти.

— Вы не сможете так легко избавиться от меня. — Он с улыбкой взял ее за руку, и они пошли в приемную.

Риган почувствовала присутствие Тревиса еще до того, как увидела его. Он стоял в дверях, заслоняя свет своим могучим телом. Когда глаза их встретились, Риган окаменела.

Они стояли не шелохнувшись и просто смотрели друг на друга. Эмоции пронизывали ее одна за другой, в голове шумело. Прошло всего несколько минут, но они показались ей часами. Она повернулась и бросилась в контору, шурша юбками.

Фаррел не совсем понял, что произошло между Риган и незнакомцем, но начал догадываться. Ему не понравилось, как она повела себя. Не теряя времени, он догнал Риган.

— Риган, любовь моя, — произнес Фаррел, положив руки ей на плечи. Она дрожала так, что ноги едва держали ее.

Риган вряд ли понимала, что он рядом. Она только слышала, как колотится ее сердце. Неторопливые тяжелые шаги уверенно направлялись к конторе. Чувствуя, как кровь отлила от

головы и рук, она с трепетом вцепилась в край стола и оперлась на руку Фаррела.

Дверь в контору распахнулась, с бешеной силой стукнувшись о стену.

— Почему ты оставила меня? — громким шепотом спросил Тревис, пристально глядя ей в глаза.

Он подошел к Риган, но она не могла вымолвить ни слова, а только потерянно смотрела на него.

— Я задал тебя вопрос, — продолжал Тревис.

Фаррелл встал между ними:

— Послушайте-ка, я вас не знаю, но вы не имеете права что-либо требовать от Риган.

Не успел он договорить, как Тревис медленно взял своего изящного собеседника за плечи и отшвырнул в дальний угол комнаты.

Риган вряд ли заметила это — она видела только то, что Тревис направляется к ней.

Подойдя вплотную, он нежно коснулся пальцами ее висков, и колени Риган подогнулись. Он не дал ей упасть, а подхватил на руки и зарылся лицом в шею. В полной тишине он понес ее к двери, повернул направо и направился в ее апартаменты в конце зала. За два дня разговоров с человеком, которого нанял Фаррел, Тревис выяснил расположение всех комнат в гостинице «Серебряный дельфин».

От обилия впечатлений она не могла думать даже о том, что делает и на что себя обрекает. Она знала только, что Тревис обнимает ее, и больше самой жизни желала принадлежать ему.

Нежно, как будто она могла переломиться, Тревис опустил ее на кровать и сел рядом, лаская ее лицо, поглаживая щеки и виски.

— Я почти забыл, до чего ты красива, — прошептал он. — Ты такая нежная и прекрасная.

Она стала гладить его руки, с блаженством ощущая его силу, его близость! Она задрожала, когда желание охватило ее, пульсируя в жаркой крови.

— Тревис! — только и прошептала она, и губы их слились.

В отчаянии, бешено, бурно, они обнялись. В их объятьях не было ласки, а только яростная страсть, которую хотелось удовлетворить. Они срывали друг с друга одежду, по комнате летели пуговицы, рвались кружева и изящные чулки. Обнявшись, — так гремит гром вслед за вспышкой яркой молнии, — они царапали друг друга, льнули друг к другу, теснее, все глубже и глубже увлекая друг друга, пытаясь удовлетворить могучее и не подверженное разуму желание обладать друг другом.

Бешено, в ослепляющей вспышке, они слились, когда спазмы раздирали их тела. Потом, тяжело дыша, они долго лежали обнявшись, пока тела их не ослабели и они вновь не вернулись к реальности, пожирая друг друга глазами.

Очарование нарушила Риган, засмеявшись, потому что у Тревиса грудь и одна рука были голые, а на другой остался рукав рубашки.

Догадавшись, над чем она смеется, Тревис радостно улыбнулся.

— Не осмеивай, и тебя не осмеют. — Он многозначительно показал на обрывки ее одежды.

Одна нижняя юбка Риган была задрана выше талии, а вторая, разодранная, лежала под ними. Наполовину оторванный корсет был зажат у нес под мышкой, отброшенное на несколько метров платье повисло на раме картины, зацепившись пуговицей. Приподнявшись на локтях, Риган посмотрела на свои ноги и увидела, что один чулок с красивой кружевной подвязкой был цел, а второй, весь рваный, висел на кончиках пальцев.

На теле Тревиса остался только один оторванный рукав рубашки и сапоги.

Она бросила взгляд на лежавшего рядом с ней Тревиса, глаза которого сияли, рассмеялась, обняла и прижала к себе. Они принялись со смехом кататься по кровати, и Тревис ловко сорвал с ее тела остатки одежды. По-прежнему сжимая ее в объятиях, он сбросил сапоги, и когда один из них упал поблизости и разбил фарфоровую игрушку, они снова расхохотались.

Ощущая на своих плечах и руках острые дразнящие укусы, Риган перестала смеяться и опять обрела серьезность, отдаваясь его любви. Первый приступ страсти прошел. Они, наконец, смогли ласкать тело друг друга, заново открывая его для себя. Губы Тревиса опять скользнули вниз, и она закрыла глаза, отдаваясь на волю собственных чувств. Проведя ладонью по руке Тревиса, она сжала ее, поднесла к своим губам и стала с восторгом покусывать кончики его пальцев. Риган провела ими по своим зубам, нежно прикусывая их мягкие подушечки, провела языком по фалангам, понимая, что это рука мужчины — в шрамах, сильная, мозолистая, широкая, и все же нежная и чувствительная. Она с силой укусила его ладонь, как бы желая проглотить Тревиса.

Он отдернул руку и погладил ее ноги, массируя, и целуя их, пока Риган не забила ногами, сгорая от нетерпения и желания. Когда он приподнялся, она с силой опустила его голову на кровать, впилась в него губами и стала жадно целовать.

Тревис тихо засмеялся и прижал Риган к себе. Они лежали на боку лицом друг к другу. Он заставил ее обхватить свое тело ногами и застонал, войдя в нее. Сжимая Риган в объятиях, лаская ее, он старался оттянуть ее взрыв на минуты, дни, недели, годы, на целый век, а Риган, откинув голову, изнемогала от бушевавшей в ней страсти. Она не ощущала себя и не сознавала, где находится.

Когда она почувствовала, что вот-вот сойдет с ума, он внезапно перевернул ее на спину и, резко войдя в нее, стал продвигаться в нее резкими и мощными толчками, пока их тела не обрели долгожданное освобождение. Измученные, покрытые испариной и удовлетворенные, они молча заснули, обнимая друг друга.

Первой проснулась Риган и с удивлением увидела в окно, как садится солнце. Потянувшись, она отодвинулась в сторону, посмотрела на Тревиса, распростертого поперек кровати, и спросила себя, обладала ли она хоть раз способностью рассуждать здраво, когда рядом находился Тревис. Впервые за много лет она совершенно забыла о своих обязанностях перед дочерью, подругой и их совместным делом. Осторожно, чтобы не разбудить его, Риган встала с кровати и оделась, собрав остатки разодранной одежды с постели и пола. Выходя из комнаты, она поцеловала волосы Тревиса и прикрыла нижнюю часть его тела легким одеялом.

Риган бесшумно выскользнула из спальни и направилась в кухню. Бренди, должно быть, недоумевают, что же с ней случилось.

Тревис медленно приходил в себя. Ему казалось, что впервые за несколько лет он хорошо выспался. Улыбаясь, он повернул голову, чтобы посмотреть на жену, но вместо Риган наткнулся на пару серьезных карих глаз, внимательно смотревших на него.

— Здравствуй, — тихо сказал Тревис девочке.

— Как тебя зовут?

— Дженнифер Стэнфорд. А кто ты? Еще не услышав ответ, Тревис понял, кто эта девочка. Она чем-то напоминала его младшего брата, а рисунком бровей походила на свою мать.

— Твою мать зовут Риган? Девочка с серьезным видом кивнула. Сев на кровати, Тревис прикрыл одеялом нижнюю часть тела и серьезно посмотрел на малышку.

— А что бы ты сказала, окажись я твоим отцом? Дженнифер пальцем водила по покрывалу.

— Мне бы это понравилось. Ты — мой отец?

— Пожалуй, можно наверняка сказать, что да.

— Ты будешь жить у нас?

— Я думал, что вы будете жить у меня. Сядь рядом со мной, и я расскажу тебе, где живу. В прошлом году я купил четырех пони, которые по размеру как раз подошли бы моей дочери.

— И ты бы разрешил мне кататься на пони?

— Он был бы твоим. На нем можно кататься и вообще делать с ним все, что захочешь.

Поколебавшись секунду, Дженнифер забралась на кровать, села рядом с отцом, сначала подальше от него, но когда Тревис принялся рассказывать, она постепенно перебралась ему на колени. Вот так Риган и застала их — обнявшимися и в восторге друг от друга. Они являли собой очаровательную картину.

Увидев мать, Дженнифер радостно запрыгала на кровати.

— Это мой папа, мы будем жить у него; у него есть для меня пони, поросята и цыплята, а еще оранжерея и пруд для купания, и мы сможем ловить рыбу и заниматься разными вещами!

Бросив на Тревиса быстрый взгляд, Риган протянула руку дочери.

— Бренди приготовила для тебя на кухне ужин.

— А папа пойдет со мной?

— Нам нужно поговорить, — сурово ответила Риган. — Позже он придет к тебе, если ты съешь то, что Бренди тебе приготовила.

— Съем, — пообещала Дженнифер и, выбегая из комнаты, помахала отцу рукой.

— Какая она красивая, — сказал Тревис. — Я бесконечно горд...

Он замолчал, когда Риган сердито посмотрела на него.

— Что я сказал не так?

— Что ты сказал не так? — передразнила она, пытаясь сдержаться. — Как ты посмел сказать моей дочери, что мы будем жить у тебя!

— Раз я нашел тебя, конечно, ты вернешься. Просто мне на это потребовалось время.

— А тебе не приходило в голову, что я всегда знала, где ты? — свирепо ответила она. — Стоило мне захотеть, и я в любой момент могла бы вернуться к тебе и к твоей омерзительной плантации.

— Риган, — тихо заговорил Тревис. — Не понимаю, почему ты меня бросила, но поверь: ты с моей дочерью возвращаешься домой вместе со мной.

— Потому я и уехала, — ответила она. — Как только мы встретились, ты говорил мне, что и как делать. Я хотела остаться в Англии, но ты желал, чтобы я уехала в Америку — и я приехала в Америку. Ты устроил свадебную церемонию, даже не спросив, хочу ли я выйти за тебя замуж.

А вспомни свою плантацию! У меня в подчинении были люди, которые всячески оспаривали мою власть. А ты все это время где-то ловил лошадей со своей любимой Марго.

При последних словах Тревис улыбнулся.

— Так, значит, ты меня оставила из-за ревности?

Риган в отчаянии вскинула руки:

— Неужели ты не слышал, что я сказала? Не хочу, чтобы ты распоряжался моей жизнью или жизнью Дженнифер. Я не хочу, чтобы, когда она вырастет, ей указывали, как и что делать. Мне хочется, чтобы она научилась решать все самостоятельно.

— А разве я когда-либо мешал тебе принимать решения? Я отдал тебе в распоряжение половину плантации и ни разу не мешал тебе в делах.

— Но я не знала, как ими заниматься! Неужели ты не понимаешь? Мне было так страшно: в незнакомой стране чужие люди постоянно говорили мне, что я ничего не знаю. Мне было страшно!

В глазах Тревиса засверкали огоньки.

— Как я слышал, ты хорошо поставила дело. Ты же здесь не боишься американцев; так чего ты боялась у меня дома? Согласен, те, кто работают на меня — довольно строгие судьи, но коль скоро у тебя здесь все получилось, почему ты не могла так же организовать все там?

— Не знаю, — честно ответила она. — Здесь мне предстояло либо заниматься делом, либо голодать. В твоём доме я могла оставаться в комнате и никуда не выходить.

— Что ты почти все время и делала, если память мне не изменяет.

Она сердито взглянула на него, не зная, понимал ли Тревис, чем она занималась целыми днями. Знал ли он, какой страх одолевал ее все эти месяцы?

— Ты начала с пустого места, — продолжал он, — а теперь купила и построила целый город. Мое же хозяйство вести легче. Сейчас я приехал на фургоне. Мы можем уложить вещи

Дженнифер, твою одежду, и завтра же уехать. А еще лучше, если уедем прямо сейчас. Дома осталась твоя одежда, а дочери я куплю все новое.

— Хватит! — закричала она. — Сейчас же замолчи! Ты слышишь? Больше ты не будешь распоряжаться моей жизнью. Я хочу оставаться самостоятельной. Мне больше по душе, когда я сама решаю за себя, чем когда за меня принимаешь решения ты, дядя, или даже Фаррел.

Он вскинул голову:

— Кто это — Фаррел?

На лице ее отразилось омерзение, и она ответила:

— Тот, кого утром ты так беспощадно швырнул в угол комнаты.

— А что у вас общего? — спросил он, впери в Риган свой ястребиный взор.

— Я встречалась с Фаррелом в Англии. Мы с ним были обручены, а сейчас он приехал в Америку, чтобы найти меня.

Тревис долго хранил молчание.

— Ты рассказывала мне, что когда-то была влюблена. Это в него, в Фаррела?

Она удивилась тому, как хорошо он это запомнил.

— Видимо, да. Я была одинока, а он какое-то время был ко мне внимателен, и мне показалось, что я в него влюблена. Но это было так давно, к тому же тогда я была совсем другой.

— А как ты сейчас к нему относишься?

Она заходила по комнате.

— Не знаю, как я сейчас вообще к чему-либо отношусь. Долгие годы я всего боялась, а потом неожиданно осталась совсем одна, и мне нужно было либо выплыть, либо утонуть. За последние четыре года я только тем и занималась, что сводила доходы с расходами, покупала и продавала собственность. Мужчинам не было места в моей жизни. А теперь внезапно появился Фаррел и напомнил мне о той девочке, лишенной любви, которой я была когда-то, потом — ты. И, как в былые дни, я умираю от желания прильнуть к тебе и одновременно страшусь, что опять стану тем плаксивым ребенком, что раньше. Неужели ты не понимаешь, Тревис? Я не могу вернуться на твою плантацию и подчиниться тебе. Я могу оставаться самой собой только вдали от тебя.

Несмотря на свои благие намерения, она заплакала.

— Будь ты проклят! — воскликнула она. — Ну зачем тебе понадобилось вернуться и так меня расстроить? Уходи, Тревис Стэнфорд. Уходи и никогда, повторяю, никогда даже не приближайся ко мне.

Выпалив эти слова, она выбежала из комнаты. Откинувшись на спинку кровати, Тревис улыбнулся. Когда они впервые встретились, он разглядел в ней только намек на то, какой она может быть, но не знал, как ей помочь стать настоящей женщиной. Возможно, Риган права, с плантацией управляться было трудно. Когда он узнал, как слуги обходились с ней, Тревис с трудом сдержал себя, чтобы не придушить их. Однако он понимал, что Риган должна сама

обрести уверенность в себе.

Закрыв глаза, он продолжал думать о ней и с удивлением отметил, как Риган переменилась — стала уверенной в себе, деловой. Ее мечты стали реальностью, они действуют. Она начала на крохотном участке земли, чуть шире дороги, и выстроила процветающий город. Сумела вырастить умную и серьезную дочь. Нечего и думать, что Дженнифер сможет когда-либо спрятаться в своей комнате и плакать.

Громко рассмеявшись от переполнявшего его счастья, Тревис отбросил одеяло и начал одеваться; во всяком случае, его брюки и сапоги были целы. Хотя Риган и уверяла, что повзрослела и может противиться его воле, он чувствовал, что это не совсем так. Как гласит старая поговорка? Возраст и опыт всегда одерживают верх над юностью и талантом. Значит, нужно использовать все средства, все свое умение, чтобы вновь добиться ее. Он решительно вышел из комнаты, надев только ладные брюки темного цвета и высокие сапоги.

Глава 17

Тревис остановился возле открытой кухонной двери, куда его привлекли доносившиеся оттуда запахи. Посмеиваясь, он вспомнил, как всегда забывал о еде из-за Риган. Быстро оглядев кухню, он догадался, что сидевшая в углу женщина с изящными формами и светлыми волосами и есть Бренди Даттон. От встреченного в Ричмонде соглядатая он немало наслушался о ней.

— Извините, — громко сказал он. — А нельзя ли мне здесь пообедать? Я не так одет, чтобы появиться на людях.

— Боже! — Бренди произнесла это таким тоном, не скрывая улыбки при виде широкой груди и могучих рук Тревиса, что он сразу понял: рассказы о ней вполне справедливы, Бренди далека от того, чтобы дать обет безбрачия. Она быстро пришла в себя.

— Так это из-за вас щеки у Риган расцвели, как розы? — доброжелательно сказала она, подходя к Тревису.

— У нее не только щеки расцвели, — тихо, чтобы слышала только Бренди и не разобрали ее бесцеремонно тарачившиеся на них помощницы, ответил он.

С грудным смехом Бренди взяла его за руку.

— Думаю, мы с вами хорошо поладим. А теперь садитесь, вам дадут поесть. Элси, — позвала она через плечо, — беги в магазин и принеси для мистера Стэнфорда пару новых рубашек самого большого размера, какие есть у Уилла. И не спеши возвращаться. Нам тут есть о чем поговорить.

Бренди угостила Тревиса обедом, подобного которому ему еще не приходилось пробовать. Чем больше она наблюдала за ним, тем больше он нравился ей. Ее привлекало и то, что он сидел без рубашки, и то, как ел, как Отвечал на ее вопросы. К концу обеда она по уши влюбилась в него.

— Да, она одинока, — подтвердила Бренди. — Она занята только работой. Похоже, ее вынудили самой себе доказать, на что она способна. Я уже несколько лет прошу ее сбавить скорость, но она и слушать не хочет. Все время при деле, покупает все больше и больше недвижимости. Уже год назад она могла бы отойти от дел.

— И мужчины у нее нет? — спросил он, набив рот мясным пирогом.

— Сотни мужчин подступали, но ни у одного не получилось. Конечно, когда у нее есть самое лучшее...

Он улыбнулся ей, взял со спинки стула новую рубашку и выпрямился.

— Риган и Дженнифер уедут из Скарлет Спрингс со мной. А как это повлияет на ваши партнерские отношения?

— Здесь поселился новый адвокат, приехавший с востока. Он мог бы взять на себя продажу недвижимости и вложение средств. С моей половиной денег я могла бы путешествовать, может быть, отправиться в Европу. Скажите, вы уже говорили Риган, что она уезжает отсюда?

Тревис в ответ молча улыбнулся так, что Бренди засмеялась.

— Желаю удачи, — произнесла она ему в спину.

В течение двух дней Риган удавалось избегать тесного общения с Тревисом, по крайней мере, больше откровенный разговор у них не было. Но избежать встречи с ним оказалось невозможно. Дженнифер, видимо, считала, что отец — ее товарищ по играм, и они друг с другом совсем не расставались. Тревис даже взял на себя обязанность мыть дочери ее длинные нечесанные волосы, и Риган обидело то, что ни разу Дженнифер не вскрикнула от боли или недовольства. Он катал ее на лошади, лазил с ней по деревьям, и девочка поражалась ловкости отца. Дженнифер познакомила его со всеми жителями городка, сообщив каждому, что это ее папа, и что она уедет жить с ним и его лошадьми.

Риган по мере сил не обращала внимания на Тревиса и на то, как он очаровал ее дочь, уклонялась от бесчисленных вопросов местных жителей.

Со дня приезда Тревиса Риган не встречала Фаррела, и когда он вновь появился спустя два дня, сама удивилась, что за это время ни разу о нем не вспомнила.

— Могу ли я поговорить с вами наедине? — спросил Фаррел. Выглядел он усталым и был ужасно грязен, как будто провел в дороге несколько дней без сна.

— Разумеется. Пойдемте в контору. Когда они вошли в кабинет, Риган закрыла дверь и повернулась к нему.

— Можно подумать, вы хотите сообщить мне нечто важное.

Упав на стул, он поднял на нее глаза.

— За два дня я успел съездить в Бостон и вернуться обратно.

— У вас, видимо, были неотложные дела, — сказала Риган и налила ему виски. — Насколько я понимаю, речь идет о деньгах моего отца и обо мне самой.

— Да, во всяком случае, о завещании вашего отца. В конторе одного поверенного в Бостоне хранится его копия. Довольно давно я попросил подготовить ее и выслать в Америку на тот случай, если найду вас. Я был уверен, что точно знаю одно из условий завещания, но все же отправился в Бостон, чтобы в этом убедиться. Вот письмо, — заявил он и вынул конверт из внутреннего кармана сюртука.

Риган взяла его и остановилась:

— Так скажите, что в нем говорится?

— Ваши родители умерли, когда вы были совсем ребенком. Вы, наверное, не помните, но брат вашего отца был тогда еще жив. Он должен был стать вашим опекуном, и вы действительно прожили в его доме несколько месяцев. Но вскоре он тоже умер.

"

— Я помню только дядю Джонатана.

— Да, он был единственным вашим родственником, поэтому исполнитель завещания, банк ваших родителей, передал вас ему на попечение. Разумеется, люди из банка не представляли, что это за человек. Составляя завещание, ваши родители считали, что вы будете в безопасности с братом вашего отца.

— Фаррел, переходите к делу.

— А дело заключается в том, дорогая, что вы не могли выйти замуж без согласия опекуна. Возможно, родителям не хотелось, чтобы вы стали женой охотника за приданым, или же они хотели избавить вас от той ужасной судьбы, которая выпала на их долю, когда семья вашей матери лишила их средств.

— И все? Видимо, это еще не все, — предположила Риган.

— Риган, вы не понимаете. Вы вышли замуж за Тревиса Стэнфорда, не имея письменного согласия опекуна, когда вам было только семнадцать лет.

— Семнадцать? Нет, к тому времени мне уже несколько месяцев как исполнилось восемнадцать.

— В письме указана подлинная дата вашего рождения. Ваш дядя пытался подделать ее, чтобы иметь возможность побыстрее выдать вас замуж и получить ваши деньги.

Пораженная, Риган откинулась и прижалась спиной к столу.

— Следовательно, вы утверждаете, что мой брак с Тревисом недействителен?

— Недействителен. Вы были несовершеннолетней и не получили согласия своего опекуна. Мисс Уэстон, вы не являетесь сейчас и никогда не были чьей-либо женой.

— А Дженнифер?

— Сожалею, она незаконнорожденная. Разумеется, если вы опять выйдете замуж, ваш муж сможет удочерить ее.

— Вряд ли Тревис захочет, чтобы кто-либо другой удочерил его ребенка, — прошептала она.

— К черту Тревиса! — воскликнул Фаррел и, поднявшись, встал перед ней. — Я ждал вас многие годы. Я любил вас многие годы. Нельзя винить меня за то, что я пренебрег девушкой семнадцати лету. Подсознательно я, должно быть, почувствовал, что вы еще совсем дитя. Вы не можете сердиться на меня за то, что я не хотел взять себе в жены ребенка. Во всяком случае, я, в отличие от отца Дженнифер, не принудил вас лечь со мной в постель.

Умолкнув, он взял ее руку.

— Риган, будьте моей женой. Я стану вам добрым и верным мужем. Ведь я любил вас так долго! И я стану хорошим отцом Дженнифер.

— Фаррел, прошу вас, — ответила она, отодвигаясь. — Мне нужно все обдумать. Я потрясена — оказывается, я столько лет жила с мужчиной во грехе. И это может плохо сказаться на Дженнифер.

— Вот поэтому... — начал Фаррел, но она прервала его, подняв руку.

— Мне нужно побыть одной и поразмыслить над этим. А вам нужно принять ванну и отдохнуть.

Спустя несколько минут он ушел; Риган наконец осталась одна и стала читать письмо, которое привез Фаррел. Через полчаса она положила его на стул и улыбнулась. Действительно, оказывается, она никогда не была женой Тревиса. Как он расшаркает, узнав об этом! Впервые за многие годы она погрузилась в мечты, пытаясь представить себе, как Тревис поступит, узнав от нее, что у него нет над ней власти и что с точки зрения закона Дженнифер не его дочь. Впервые в жизни она сможет справиться с Тревисом Стэнфордом, и это будет замечательно.

Что касается предложения Фаррела стать его женой, она тут же отмахнулась от него. Этот глупец думает, что Риган приняла за чистую монету его уверения в любви. Он намеревался жениться на ней до того, как ей исполнится двадцать три года, и тогда она сможет унаследовать состояние родителей. Вскоре ему предстоит узнать, что Риган собирается жить по-своему.

Улыбнувшись, она села писать Тревису записку, приглашая поужинать с ней вечером.

Отдельный кабинет был украшен высокими ароматными свечами, хрустальными приборами из Вены, фарфоровым сервизом из Франции, серебряными приборами из Англии. Подали превосходное немецкое вино и американские блюда.

— Рад, что ты взялась за ум, — объявил Тревис, намазывая бисквит маслом. — Дженнифер будет гораздо лучше с друзьями, чем с посторонними. Она всегда так свободно бегает по гостинице? Вряд ли ребенку хорошо играть в коридорах подобного заведения.

— А у тебя такой большой опыт общения с детьми, что ты, разумеется, точно знаешь, что для них хорошо, — возразила Риган.

Наслаждаясь едой, он пожал плечами.

— Я знаю достаточно и потому думаю, что это не самое лучшее место для ребенка. В моем доме ты сможешь проводить больше времени с Дженнифер и другими нашими детьми.

Он улыбнулся.

— Тревис, — начала она, но он прервал ее.

— Мне трудно передать, как я рад, что ты, наконец, берешься за ум. Честное слово, я-то ожидал, что нам придется изрядно поспорить. Ты повзрослела даже больше, чем я предполагал.

— Что! — Риган едва не поперхнулась вином. — Я, наконец, взялась за ум? Повзрослела? О чем

ты говоришь?

Он схватил ее руку, стал поглаживать пальцы и заговорил глубоким низким голосом:

— Твое приглашение на ужин оказалось для меня полной неожиданностью, потому что я понял, что ты хочешь сообщить. — Он поцеловал ей пальцы. — Ты должна знать, что я представляю, как трудно тебе далось это решение, и никогда не использую его тебе во вред. Соглашаясь вернуться ко мне, ты поступаешь смело и великодушно. Не исключаю, что тебе захочется остаться в этом городке на какое-то время, но Дженнифер нужно нечто большее, чем дом, где полно чужих — ей нужен дом, который я могу дать ей.

Он опять поцеловал ее пальцы.

— Ты приняла мудрое решение.

Глубоко вздохнув, чтобы успокоиться, и отпив большой глоток вина, Риган лучезарно улыбнулась ему.

— Ах ты тщеславный надутый фермер, — ответила она будничным тоном. — Я не собираюсь возвращаться в твой дом, а мой «городок», как ты называешь, родной для моей дочери.

Несмотря на все ее благие намерения, голос Риган зазвучал громче.

— Я пригласила тебя не для того, чтобы сообщить, что возвращаюсь с тобой, как ты предположил с обычной самоуверенностью. Хочу тебе сказать: я тебе не жена и никогда ею не была.

Теперь уже Тревис поперхнулся. Впервые за весь ужин Риган приступила к еде. Ей было приятно, что она победила Тревиса.

Схватив Риган за руку, он начал поднимать ее со стула.

— Что ты делаешь? — спросила она.

— Надеюсь, здесь найдется пастор. Он может сейчас же сочетать нас браком.

— Он этого не сделает! — ответила она звенящим шепотом. — А если ты сейчас же не сядешь, я опять заберу у тебя Дженнифер.

Поколебавшись, но не желая, чтобы она исполнила свою угрозу, Тревис сел.

— Теперь рассказывай, — холодно сказал он. При виде лица Тревиса восторженное настроение Риган улетучилось. Сообщив ему, что, с точки зрения закона, дочь ему не принадлежит, она уже была готова сказать, что прямо здесь, сразу же, выйдет за него замуж. Но лицо его изменилось, когда он услышал имя Фаррела.

— Тебе все рассказал этот негодяй? — спросил он. — Он и вправду не пожалел усилий. А что ему это дает?

Риган понимала — Тревис ничего не знает о том, что ей предстоит получить наследство. Деньги для него ничего не значили, а для Фаррела были всем. Но, по правде говоря, ей не понравилось предположение Тревиса о том, что Фаррелом движут иные побуждения, а совсем не любовь.

— Фаррел хочет на мне жениться, — заносчиво ответила Риган. — Он говорит, что любит меня и Дженнифер и хочет удочерить ее.

— Не говори глупости, — решительно ответил Тревис. — С какой стати женщине понадобится такой слюнтяй?

Он подразумевал: «когда у тебя могу быть я».

— Фаррел — джентльмен, — сердито выпалила Риган. — Он умеет сделать так, что женщина ощущает себя настоящей леди. Он ухаживает так... изящно, — с чувством продолжала она. — Вы же, американцы, умеете только требовать.

— Любой американец, — в бешенстве парировал Тревис, — своим ухаживанием за пояс заткнет любое английское ничтожество.

— Тревис, ты ничего не знаешь о том, как ухаживать за дамой. — Риган мягко улыбнулась. — В твоём представлении соблазнять женщину — это таскать ее за волосы.

— А ведь бывали случаи, когда тебе это нравилось, — ответил Тревис. Спокойствие покинуло Риган.

— Вот такие речи и есть образец вашей колониальной грубости.

— А ты, дорогуша — типичный английский сноб. Ты сказала, что через три недели твой день рождения. В этот день ты выйдешь за меня замуж, и сделаешь это по своей воле.

С этими словами он вышел из комнаты, а она в спину выдохнула ему: «Никогда!»

На следующий день рано утром Бренди высыпала на Риган, сидевшую в конторе, целый ворох новостей. Прежде всего начались упреки — Тревис вечером ушел из гостиницы и до сих пор не вернулся. Кроме утверждений Бренди, что Риган не права, были высказаны и предупреждения. В гостинице только что поселилась высокая рыжеволосая женщина, задававшая вопросы о своем женихе Тревисе Стэнфорде.

— Похоже, тебя ждут неприятности, — со вздохом промолвила Бренди.

— Что ж, — устало ответила Риган. — Только этого мне и не хватало. Как люди не понимают, насколько сложно управлять такой большой гостиницей? На моем столе куча бумаг, с которыми предстоит работать не один день; кстати, Фаррел уже поведал мне, что Тревис ушел, а еще раньше мне об этом сообщила собственная дочь. Думаю, Фаррелу есть что сказать мне и кроме этой новости, но Дженнифер, пожалуй, больше не придется произнести при мне ни единого слова. Эта рыжая женщина, как я думаю — моя любимая подруга Марго Дженкинс. Дай мне несколько минут, чтобы собраться с мыслями, и я с ней встречусь.

Бренди кивнула и вышла из кабинета. Какое-то время Риган молча стояла посреди спальни, мысленно унесясь в тот день, когда Марго приехала на плантацию Тревиса. Тогда Риган была так благодарна Марго за то, что та на нее не сердится, за помощь в проблемах с прислугой, что просто не воспринимала высказывания Марго как оскорбления. «А Мальвина!» — подумала Риган. Как бы ей сейчас хотелось добраться до злобной ленивой поварихи. А Марго? Милая Марго, покровительствовавшая бедной и слабой девочке, делала вид, будто помогает ей, а в действительности только лишала Риган малейшей уверенности в себе.

С улыбкой Риган вышла из конторы, по пути зашла на кухню и попросила Бренди приготовить чай для двух дам. Она не обратила внимания на слова Бренди о том, что выглядит готовой к схватке, а послала Марго приглашение выпить по чашке чая в библиотеке.

Марго появилась на удивление быстро, и Риган заметила то, что раньше не видела. Долгие годы беспутства и излишеств оставили на ее лице и теле Марго свой отпечаток. Развлечения до глубокой ночи, чревоугодие и прочие злоупотребления проявились в образовавшихся морщинах и темных пятнах на лице, а также в том, что талия ее сильно раздалась, чего не мог скрыть туго затянутый корсет.

— Так, так, вот наш маленький английский цветок, — заявила Марго, входя. — Слышала, что это заведение теперь вам принадлежит. Кто же его вам купил?

— Садитесь, прошу вас, — учтиво проговорила Риган. — Я распорядилась принести нам чай. Да, действительно, я хозяйка этой гостиницы. — Невинно улыбаясь, она продолжала:

— А заодно печатного двора, конторы адвоката, кабинета врача, лавки, кузницы, школы, аптеки, а еще четырех ферм за городом и трехсот акров земли.

Марго только прищурилась, но выражение ее лица не изменилось.

— И со сколькими вам пришлось переспать, чтобы все это заполучить? Пожалуй, Тревису было бы интересно.

— Вы слишком добры, предполагая, что обладаю такими способностями, — восторженно ответила Риган. — Увы! Я вряд ли обладаю вашим умением продаваться, чтобы получить нужное мне. Чтобы всего этого добиться, я вынуждена была действовать очень старомодно: я положила на себя и занялась тяжелой работой. Когда у меня заводилось немного свободных денег, я не тратила их на новое платье, а покупала еще землю и все, что нужно для строительства.

Она смолкла, когда дверь открылась и с большим подносом в руках вошла сгоравшая от любопытства Бренди.

— Ну и как у вас? — прошептала Бренди. Риган величественно улыбнулась. Протягивая подруге поднос. Бренди засмеялась.

Когда они опять остались наедине, Риган поставила поднос на низенький столик и разлила чай.

— Что, мы все начнем сначала? — спросила Риган. — Не будем делать вид, что мы так дружны. Как я понимаю, вы приехали сюда за моим мужем.

Марго собралась с силами. Эту схватку она не собиралась проигрывать.

— Вижу, вы научились разливать чай, — заявила она.

— За эти несколько лет я научилась многому. Как вы увидите, я не столь доверчива, как в прошлом. А теперь скажите, что вам нужно.

— Мне нужен Тревис. Он был моим, пока вы не прыгнули в его постель, забеременели и вынудили на вас жениться.

— Это только одна сторона дела. Скажите, говорил ли вам Тревис, что, не будь меня, он бы, на вас женился?

— Ему ничего не нужно было говорить, — ответила Марго. — Мы по сути были обручены, когда вы встретились. И беда только в том, что он ослеплен вами. До вас ни одна женщина его не бросала, и потому он беснуется.

— Если дело обстоит именно так, если Тревис любит женщину, которая его бросила, зачем вы приехали за ним? Не лучше ли было бы удалиться, чтобы он к вам вернулся?

— Черт бы тебя побрал, сучка этакая! — закричала Марго. — Тревис Стэнфорд мой! Он был моим задолго до того, как ты перестала носить короткие платья. Ты его бросила! Ты украла драгоценности его матери, бежала и бросила его. Если бы я не нашла ту записку... — Она резко остановилась.

На секунду поймав взгляд Марго, Риган стала лихорадочно соображать. Все эти годы она пыталась понять, почему Тревис так и не нашел ее. Она оставила за собой такой след, по которому мог бы пройти и ребенок, но Тревис даже не попытался этого сделать. Значит, Марго первой нашла записку...

— Долго ли он меня искал? — спокойно спросила Риган.

Поднявшись со стула, Марго в бешенстве уставилась на нее.

— Неужели вы думаете, что я хоть что-нибудь расскажу вам? Но хочу вас предупредить — Тревис принадлежит мне. Сомневаюсь, что вы достаточно сильны, чтобы бороться со мной. Я своего всегда добиваюсь.

— Неужели это правда, Марго? — хладнокровно уточнила Риган. — Разве у вас есть мужчина, который ночью обнимает вас, пока вы плачете, с кем вы можете поделиться самыми сокровенными тайнами? Знаете ли вы, что означает умение разделять все заботы, любить и быть любимой? — Она посмотрела на Марго. — Или вы оцениваете людей на доллары и центы? Признайтесь, если бы Скарлет Спринте принадлежал вам, вы бы так же интересовались моим мужем?

Марго хотела ответить, но передумала и молча вышла из комнаты.

Поднеся чашку к губам, Риган с удивлением обнаружила, что дрожит. Те вопросы, которые она задала Марго, она задавала и себе, но раньше не могла дать на них ответ. Да и вообще, что это такое — быть хозяйкой целого городка? Здесь жили ее друзья, люди, которых она полюбила, но могут ли они заменить единственного человека на свете, того, кто любит тебя, даже если ты не в настроении, кто гладит тебя по голове, если ты заболела — единственного человека, которому известны все твои недостатки и который все же тебя любит?

Вспомнив плантацию Тревиса и усадьбу Стэнфордов, она поняла, что Дженнифер должна расти именно там. На стенах комнат висели сотни портретов предков Тревиса, и они также были предками Дженнифер. Она заслужила жизнь в этом родовом поместье, преисполненном покоя и достоинства, а не в постоянно меняющейся обстановке гостиницы.

С улыбкой она откинулась на спинку стула. Правда, нелегко будет признаться Тревису, что он выиграл. Без сомнения, он рассмеется и скажет, будто заранее знал, что он выиграет. Но разве дело в этом? Гораздо важнее провести жизнь с человеком, которого она любит, чем от всего отказаться по причине глупой гордыни. К тому же она сможет отплатить ему. «О да», —

подумала Риган. Она заставит его пожалеть о том, что он в прошлом хвастался по любому поводу.

— Вид у тебя довольный, — изрекла Бренди. Риган не услышала, как она вошла.

— Я как раз думала о Тревисе.

— В этом случае и я бы улыбалась. Так когда вы уезжаете?

— А почему ты думаешь?.. — начала Риган, но смех Бренди прервал ее. — Я знаю, что ты думаешь, и ты права. Понимаешь, я столько лет боялась Тревиса, боялась, что его личность поглотит меня, и я исчезну с лица земли.

— Но теперь ты знаешь, что можешь за себя постоять, — сказала Бренди.

— Да, и мне ясно, что он прав, что Дженнифер гораздо лучше жить на его плантации. А что станет с тобой? Что будет с тобой, если я уеду из Скарлет Спрингс? Нужно ли мне нанять кого-либо тебе в помощь, чтобы управлять гостиницей?

— Нет, об этом не беспокойся, — ответила Бренди, движением руки остановив ее. — Мы с Тревисом уже обо всем договорились. Трудностей здесь не будет.

— Ты с Тревисом! Хочешь сказать... ты с моим мужем?.. За моей спиной?

— Как я слышала, он тебе больше не муж. И конечно же, я знала, что ты уедешь. Тревис не тот человек, кому можно долго противиться. А ты знаешь, через какие муки он прошел, чтобы найти тебя, когда ты его оставила? И что все это время он вел монашескую жизнь?

— Как? — ответила Риган, и тело ее окатила волна жара. — Откуда тебе это известно?

— Пока ты была занята делами, я какое-то время провела с Тревисом и Дженнифер и, в отличие от тебя, проявила любопытство. Так не хочешь ли послушать, что этот замечательный человек пережил за последний годы?

Не дожидаясь ответа Риган, Бренди приступила к долгому и подробному повествованию о страданиях Тревиса. Большинство его друзей решили, что Риган утонула, но Тревис продолжал искать ее, хотя ему и говорили, что поиски пора бы прекратить. Пастор даже предложил ему отслужить заупокойную службу по любимой усопшей жене, надеясь, что это избавит Тревиса от одержимости ею.

Спустя час Риган вышла из библиотеки. Голова ее была затуманена. Не обратив внимания на Фаррела, который бросился к ней, она стала искать Тревиса, желая сказать ему, что любит его, что хочет выйти за него замуж и вернется домой вместе с ним.

К концу дня Тревис так и не появился, и ее радостное настроение стало портиться. Она рассеянно отказалась от приглашения Фаррела поужинать вместе и весь вечер провела с дочерью. Прошла вторая ночь, Тревиса по-прежнему нигде не было, и ее восторженное настроение исчезло совсем. Дженнифер капризничала и бросала сердитые взгляды на мать. Фаррел настойчиво одолевал ее приглашениями, а Марго без конца спрашивала, где Тревис.

На третий день она уже жалела о том, что когда-то встретила Тревиса Стэнфорда. Не мог же он покинуть ее после того, как нашел с таким трудом! Или мог? «Господи! — взмолилась она, бросившись ночью на кровать. — Не допусти, чтобы он бросил меня.» Впервые за много лет

Риган расплакалась. «Черт тебя побери, Тревис!» — со стоном произнесла она. Сколько слез пролила она из-за него?

Глава 18

На следующий день в пять часов Риган разбудил стук в дверь. Спросонок она скатилась с кровати и надела халат.

В коридоре стоял Тимми Уотс, сын арендатора одной из ее ферм. Не успела она произнести хоть слово, как мальчик протянул ей алую розу на длинном стебле и исчез.

Еще не проснувшись, Риган зевнула и посмотрела на изящный ароматный цветок. К стеблю его был приколот листок бумаги. Развернув его, она прочитала: «Риган, выходи за меня замуж. Тревис».

Целую минуту она не могла осознать смысл этих слов, а потом восторженно закричала, прижала розу к груди и запрыгала. Все же он ее не забыл!

— Мамочка, — позвала Дженнифер, протирая глаза. — Папа вернулся домой?

— Почти, — смеясь ответила Риган, схватила дочь на руки и закружилась по комнате. — Эту розу, эту прекрасную чудную розу прислал твой папа. Он хочет, чтобы мы жили с ним.

— Мы уезжаем! — радостно воскликнула Дженнифер и схватилась за мать покрепче, потому что у нее закружилась голова. — Мы сможем кататься на моем пони.

— Каждый день, отныне и всегда! — весело ответила Риган. — А теперь одевайся, очевидно, папа скоро придет.

Прежде чем остановить свой выбор на платье из золотистого бархата, Риган вывалила на кровать всю свою одежду. Когда она разбиралась в этом ворохе, в комнату опять постучали. Ожидая увидеть Тревиса, она распахнула дверь.

На пороге стояла Сара Уотс, сестра Тимми, сжимая в руке две темно-розовые розы. Риган озадаченно взяла их, а Сара бросилась бежать по коридору.

— Это папа? — спросила Дженнифер.

— Нет, но папа прислал нам еще две розы.

К каждому цветку был приколот завиток бумаги с надписью почерком Тревиса: "Риган, выходи за меня замуж. Тревис".

— Что случилось, мама? Почему папа не идет к нам?

Не обращая внимания на разбросанную одежду, Риган села. У нее в уме зародилось некое подозрение, новые цветы заставили задуматься — что же Тревис готовит. Посмотрев на часы, она увидела, что до шести оставалось меньше двадцати пяти минут. В пять часов принесли одну розу, в половине шестого — две. «Нет, — подумала она, — этого не может быть.»

— Деточка, ничего не случилось, — ответила Риган. — Хочешь поставить розы в своей комнате?

— А их прислал папа?

— Конечно.

Дженнифер взяла цветы, прижала их к груди как нечто бесценное и унесла в свою комнату.

В шесть часов, когда Дженнифер и Риган оделись и собирались идти на завтрак, принесли еще три розы.

— Как это замечательно, — заявила Бренди, которая уже хлопотала у плиты. Не успела Риган возразить, как Бренди взяла цветы, прочитала приколотые к ним записки и поставила в вазу.

— Почему ты не сияешь от счастья? Я-то думала, что после трех дней отчаяния ты будешь рада хоть какому-то известию от него. Я бы обрадовалась, получив три розы с такими записками.

— Роз всего шесть, — серьезно ответила Риган.

— Одну принесли в пять утра, две — в половине шестого, и три — в шесть часов.

— Ты не думаешь... — Бренди приготовилась что-то сказать.

— Я совершенно забыла вот о чем: мы с Тревисом спорили, как надо ухаживать. Я презрительно сказала о том, что американцы ухаживать за женщинами не умеют.

— Не очень это красиво, — ответила Бренди, ощущая себя до глубины души американкой. — Шесть роз еще до завтрака — свидетельство того, на что мы, американцы, способны.

С этими словами она продолжила готовить завтрак.

Чувствуя, что обидела лучшую подругу, Риган пошла в обеденный зал, чтобы проверить, все ли готово. Когда она выходила из зала, сын печатника принес ей четыре желтые розы, и к каждой была приколотая записка от Тревиса.

Глубоко вздохнув, она улыбнулась, посмотрела на цветы и покачала головой. Тревис никогда не разменивается на мелочи. Она опустила записки в карман и пошла искать вазу.

К десяти часам она перестала улыбаться. Каждые полчаса ей приносили новые цветы, и, наконец, их стало шестьдесят шесть. Само по себе это количество не было чрезмерным, хотя все жители города с интересом узнали о том, что ее осыпают цветами. Аптекарь с женой пришли в гостиницу завтракать, чего никогда раньше не делали, а уходя, начали расспрашивать Риган, кто такой Тревис, нанявший трех их ребятишек, чтобы они каждые полчаса приносили ей розы. Они с загадочным видом промолчали о том, откуда дети приносят цветы и кто их посылает, ничего не сказали они и про записки, которые прочитали; но любопытство снедало их.

В полдень Риган вручили букет из пятнадцати роз, и к стеблю каждой была приколотая записка.

После этого она решила скрыться. Но можно было подумать, что весь город сговорился против нее. За пять минут до каждого часа или половины часа неизменно находились люди, которым нужно было сказать ей нечто важное, поэтому когда приносили очередной букет, ее видели все.

В четыре часа ей преподнесли двадцать три розы.

— Всего получается двести семьдесят шесть, — объявил хозяин лавки и мелом написал эту цифру на стене рядом со стойкой буфетной.

— У вас сегодня нет покупателей? — спросила Риган многозначительно.

— Ни единого, — ответил он с улыбкой. — Они все здесь. — Он посмотрел на забитую людьми буфетную. — Кто готов поспорить со мной насчет того, когда это закончится?

Повернувшись, Риган вышла из буфетной и сунула охапку цветов в руки Брендди.

— Розы? — удивленно спросила Брендди. — Какой замечательный сюрприз. Кто же их послал?

Риган поджала губы, насупилась и пошла дальше. Она не могла недооценивать Тревиса, который возбудил такой интерес к розам. Конечно же, у жителей городка были более важные дела, чем целый день сидеть в гостинице и смотреть на то, как она пополняет свою коллекцию роз. Конечно, он нанял всех ребятишек в городе, чтобы доставляемые Риган цветы вызвали интерес их родителей. В семь часов ей прислали двадцать девять роз, в восемь — тридцать одну. К девяти роз было пятьсот шестьдесят одна — всех цветов, которые только существуют в природе. Записки Тревиса с теми же словами лежали у нее в карманах, в ящиках стола, в шкатулке на туалетном столике, в медной сковородке на кухне. Хотя она и роптала, но не могла выбросить ни одной из них.

К десяти она попыталась понять, будет ли когда-нибудь этому конец. Она устала, ей хотелось одного — лечь в кровать и забыться в покое.

Как только она подошла к двери своей комнаты, еще один ребенок сунул ей в руки букет из тридцати пяти роз. Закрывшись в комнате, она тщательно собрала все записки, прочитала их и сложила в ящик рядом со своим бельем. «Тревис», — прошептала она, больше не ощущая усталости. Теперь наконец она могла насладиться розами.

Кто-то — несомненно, Брендди — принес в комнату несколько ваз с водой, и в одну из них Риган поставила цветы. За этим занятием она вспомнила, как в последний раз он подарил ей цветы в брачную ночь.

Она продолжала посмеиваться, когда в половине одиннадцатого принесли тридцать шесть роз. Цветы принесли и в одиннадцать, и в половине двенадцатого. В полночь Риган, зевая, открыла дверь на стук, и вошел преподобный Уэнтворт из церкви Скарлет Спринте.

— Войдите, прошу вас, — вежливо пригласила она.

— Нет, мне пора домой. Я уже давно должен был бы спать. А пришел я передать вам это.

Он вручил ей длинную узкую белую коробку, внутри которой Риган обнаружила изящную, тонкую, нежную розу из хрусталя с листьями бледно-зеленого цвета. К ней была прикреплена серебряная ленточка с надписью: «Риган, выходи за меня замуж. Тревис.» Риган утратила дар речи, ей было страшно прикоснуться к хрупкой и невероятно красивой стеклянной розе.

— Тревис так надеялся, что она вам понравится, — произнес преподобный Уэнтворт.

— Где он взял ее? И как смог привезти в Скарлет Спринте?

— Это, дорогая моя, известно одному мистеру Стэнфорду. Он только попросил меня отнести ее вам сегодня в полночь. Разумеется, когда коробку принесли и вскрыли, мы с женой э — э — э... не могли не полюбопытствовать. Ну, а теперь мне пора идти. Спокойной ночи.

Риган не слышала его. Рассеянно закрыв дверь и на секунду прислонившись к ней, она не

сводила глаз с изысканной и великолепной хрустальной розы. Сдерживая дыхание, боясь разбить подарок, она поставила розу в небольшую вазу на столик около кровати рядом с первой живой розой, присланной Тревисом. Раздеваясь, она все смотрела на них, и когда подошла к кровати, можно было подумать, что лунный свет освещает только эти розы. С улыбкой она заснула.

На следующее утро она проснулась поздно, в восемь часов. Бросив взгляд на розы, она улыбнулась им, выпрыгнула из кровати и схватила свой халат. Один рукав его был подогнут, и когда она распрямила его, оттуда выпал листок голубой бумаги. Он упал на пол надписью вверх, и Риган прочитала: "Риган, выходи за меня замуж. Тревис. "

Она поспешно сунула листок в карман, отметив при этом, что ни одна из полученных накануне записок не была на голубой бумаге.

В комнате Дженнифер было пусто. Девочка нередко просыпалась рано и уходила на кухню, дожидаясь, когда мать проснется.

По-прежнему улыбаясь, Риган вернулась в свою комнату и стала одеваться. Она уверовала в то, что сегодня появится Тревис, опустится перед ней на одно колено и попросит стать его женой. Возможно, именно возможно, она согласится. И она громко рассмеялась.

Но смеяться она перестала, когда обнаружила в подоле платья еще одну записку на голубой бумаге. Секунду поколебавшись, она с подозрением рассмотрела ее, а потом быстро повернулась и стала проверять шкаф.

Записки на голубой бумаге были повсюду — в туфлях, в платьях, в ящиках, в нижних юбках и куртках, даже под подушкой!

«Да как он посмел!» — возмутилась Риган, с каждой найденной запиской распаяясь все сильнее. Как он смеет нарушать ее уединение! Если Тревис сделал это не сам, значит, он нанял кого-то другого, а тот залез в ее вещи и повсюду разложил записки. Когда же это произошло? Несомненно, некоторые из них появились ночью, потому что даже в платье, которое было на ней накануне, скрывались три записки.

Рассердившись, она вышла из комнаты и направилась в контору. На первый взгляд здесь все было на месте. К счастью, она каждый вечер запирала ее на ключ.

Сев за рабочий стол, она не сразу заметила тонкую нитку, натянутую поперек кожаной подставки. Она с подозрением поджала губы и проследила за нитью — она вела вниз, к ножке стола, и скрывалась за ней. Опустившись на четвереньки, Риган полезла под стол. Ей пришлось лечь на спину, чтобы добраться до того места, где к нижней крышке стола была приколата записка, написанная громадными буквами: " Рыгая, выходи за меня замуж. Тревис". Скрипнув зубами, она сорвала ее и разодрала на мелкие кусочки. В комнату вошла Бренди, держа в руках несколько дюжин листков голубой бумаги.

— Вижу, и здесь он побывал, — весело заявила Бренди.

— На этот раз он слишком далеко зашел. Это мой кабинет, и у Тревиса нет никакого права входить сюда без приглашения.

— Не хотелось бы злить тебя еще больше, но в сейфе ты смотрела?

— Господи!.. — Риган смолкла. Только у нее были все три ключа к сейфу. Другой набор

хранился в подвале банка в ста милях к югу. Даже Бренди никогда не открывала сейф гостиницы и не знала, как и в какой последовательности пользоваться ключами; во всем этом она полагалась на Риган.

Риган стремительно подошла к большому сейфу и принялась открывать его, на что требовалось немало времени. Когда она распахнула последнюю дверь, оттуда выпала широкая голубая лента. Стиснув зубы, Риган медленно подняла ее. В глазах ее запылал огонь, она сразу увидела, что там написано. Даже не читая, она схватила ленту и бросила ее в мусорную корзину.

— Как ты догадалась? — спросила она, выпрямляясь.

Бренди смутилась и слабо улыбнулась.

— Надеюсь, ты уже подготовлена. Похоже, когда вчера здесь собрались все жители и когда лавки были закрыты, некто, а может быть, целая армия таких «некто», разбросала эти предложения на голубой бумаге по всему городу. Доктор нашел одну из них в своей сумке и четыре в кабинете. Уилл, хозяин лавки, нашел у себя шесть штук, а кузнец... — она подавила смех. — Он взял лошадь за копыто и нашел одну из голубых лент под подковой. Риган села.

— Продолжай, — прошептала она.

— Некоторые из жителей это восприняли хорошо, но некоторые очень недовольны. Адвокат нашел записку в своем сейфе и теперь угрожает подать в суд. Но вообще все смеются и хотят познакомиться с Тревисом.

— Я больше не хочу его видеть, — с жаром заявила Риган.

— Ты же так не думаешь. — Бренди улыбнулась.

— Возможно, ты получила записки одинакового содержания, но в большинстве других он проявил изобретательность. Есть на них стихи, несколько выдержек из Шекспира, а миссис Эллисон, которая играет на фортепьяно, получила целую песню — по ее словам, очень хорошую. Она умирает от желания сыграть ее тебе. Риган вскинула голову:

— Она ждет здесь? Бренди скорчила гримасу.

— Все жители решили, что они к этому теперь причастны и... большинство из них пришли.

— А кто не пришел? — горестно спросила Риган.

— Бабушка миссис Эллисон, с которой в прошлом году случился удар, мистер Уотс, которому еще нужно подоить коров, и ..

Бренди смолкла, так как почувствовала себя виноватой из-за того, что не смогла вспомнить тех жителей города, кто не пришли.

— У миссис Браун гостит сестра, она приехала вчера и теперь умирает от желания познакомиться с тобой. Кстати, она приехала со своими шестью детьми.

Облокотившись о стол, Риган закрыла лицо руками.

— Может ли человек умереть по собственному желанию — просто стремясь к смерти? Ну как я теперь появлюсь перед ними? — Она посмотрела на Бренди. На лице ее читалась глубокая

тревога: как мог Тревис сделать это?

Бренди опустилась рядом с ней на колени и прикоснулась к волосам Риган.

— Риган, неужели ты не понимаешь, как нужна ему? Он пойдет на все, чтобы вернуть тебя. И ты не знаешь, как ужасно он страдал после твоего бегства. Тебе известно, что, когда ты бросила его, Тревис похудел на сорок пять фунтов? Один друг Тревиса по имени Клей с трудом отговорил его от самоубийства.

— Это все Тревис тебе рассказал?

— Не совсем так. Я немного порасспрашивала его, а потом мне пришлось, как мозаику, складывать разрозненные куски, но мне это удалось. Сейчас он утратил всю свою гордыню. Ему все равно что делать, лишь бы вернуть тебя. Если он сможет привлечь на свою сторону весь город, он это сделает. Допустим, его тактика несколько... Скажем, его поступки не слишком изящны, но что лучше: одна роза и муж наподобие Фаррела, или же — как я подсчитала в конце концов — семьсот сорок две розы и Тревис Стэнфорд?

— Но зачем ему это нужно? — с мольбой произнесла Риган, дергая нитку, которая была протянута к записке под ее столом.

— Сколько раз ты повторяла мне, что Тревис никогда и ни в чем с тобой не советовался, а только давал указания. Как мне помнится, во время брачной церемонии ты ответила «нет» только потому, что он не сделал тебе предложение. Но теперь-то ты не можешь быть в претензии, будто сейчас он тебе не предложил стать его женой. К тому же ты утверждала, что хочешь, чтобы он за тобой ухаживал. — Бренди встала и улыбнулась. — Подобное ухаживание войдет в историю.

Сама того не желая, Риган заулыбалась.

— Мне хотелось одного — чтобы было немного шампанского и несколько роз.

Широко раскрыв глаза, Бренди прижала палец к губам.

— Ничего не говори о шампанском. Из-за тебя может начаться потоп. Риган тихо засмеялась.

— Неужели он никогда не научится любое дело делать как положено?

— Разве ты хочешь, чтобы он стал другим? — с серьезным видом спросила Бренди. — Я много дала бы, чтобы оказаться на твоём месте.

— Мое место завалено записками, — сурово ответила Риган.

Бренди улыбнулась и направилась к двери.

— Тебе стоит приготовиться. Тебя ждут с нетерпением.

Риган застонала с таким отчаянием, что Бренди расхохоталась и вышла из кабинета. Собравшись с духом, Риган задумалась над ее словами. Все, связанное с Тревисом, было гигантским: его тело, его дом, его земля — так почему же он должен ухаживать за женщиной не так, как того требует его характер?

Она осторожно вынула ленту из корзины и нежно сложила ее. Когда-нибудь она покажет ее внукам. Решительно выпрямившись, она вышла из кабинета и направилась в общие залы.

Она оказалась не готова к тому, что ее ожидало. Первой она увидела восседавшую в кресле бабушку миссис Эллисон, которая улыбалась ей одной стороной лица — от удара вторая половина была парализована.

— Я так рада, что вы смогли прийти, — учтиво сказала Риган, как будто пригласила всех собравшихся на торжество.

— Семьсот сорок две, — произнес мужской голос. — А последняя сделана из стекла, ее привезли прямо из Европы.

— Любопытно, где он достал ее и как ухитрился не сломать?

— А как он залез на мой сеновал? Два дня назад у меня сломалась лестница, а времени починить ее не было. Но тут вижу: на самом верху красуется ленточка с просьбой, чтобы Риган вышла за него замуж.

За стойкой буфетной один из мужчин нарисовал на стене розовый куст, а рядом с ним были написаны цифры: 5 утра — 1 роза. 5.30 утра — 2 розы., и так до половины двенадцатого ночи — 38 роз, в полночь — одна, но хрустальная; под этим он указал общее число роз. Риган не стала выяснять, кто этот живописец и кто разрешил ему рисовать на стене. Она только успевала отбиваться от вопросов.

— Риган, правда, что он — отец Дженнифер, но ты — не жена ему?

— Когда Дженнифер родилась, мы были женаты, — попыталась объяснить Риган. — Но тогда я еще не достигла совершеннолетия и...

Ее прервал новый вопрос.

— По слухам, этому Тревису принадлежит половина Виргинии.

— Не совсем так — только третья часть.

Но ее саркастическое замечание не охладило интерес посетителей.

— Риган, я не хочу, чтобы этот человек оставлял записки в моем личном сейфе. В нем хранятся частные документы, а слово адвоката, данное клиентам, священно.

И так это тянулось час за часом, пока улыбка не приклеилась к лицу Риган. Только голосок снизу отвлек ее внимание.

— Мамочка! — опустив глаза, она увидела личико дочери, явно чем-то обеспокоенной.

— Идем, — ответила она, подхватила Дженнифер на руки и понесла ее на кухню. — Попросим Бренди приготовить нам ужин и уйдем на пикник.

Спустя час Риган с дочерью сидели вдвоем у ручейка к северу от Скарлет Спринте. Они съели полную корзину жареных цыплят и пирожных с вишнями.

— Почему папа не возвращается домой? — спросила Дженнифер. — И почему он не пишет мне письма, как другие?

Впервые до Риган дошло, что дочь не участвовала во всей этой суматохе, связанной с посланиями и розами. Перебрав события прошедшего дня, она вспомнила и то, что в комнате

Дженнифер не было ни единой записки Тревиса с предложением Риган выйти за него замуж.

Она посадила дочь себе на колени.

— Думаю, это оттого, что папа хочет, чтобы я стала его женой; а ему известно, что ты повсюду ездешь со мной.

— А разве папа не хочет, чтобы я тоже стала его женой?

— Он хочет, чтобы ты жила с ним; вообще-то, как мне кажется, половина всех роз предназначена для тебя, чтобы и тебе захотелось уехать жить к нему.

— Пусть он пошлет розы и мне. Тимми Уотс говорит, что папе нужна только ты, а когда ты уедешь, я останусь здесь с Бренди.

— Что за ужасные вещи он говорит! Это не правда! Папа очень крепко любит тебя. Помнишь, он говорил тебе про пони, которого купил для тебя, и про оранжерею, которую построил? А это произошло еще до того, как он тебя увидел. Только представь себе, что он сделает сейчас, зная, какая ты.

— Ты думаешь, он попросит меня стать его женой?

Риган задумалась над тем, как ответить.

— Когда он сделал мне предложение, это означало, что и ты ему нужна.

Со вздохом Дженнифер прижалась к матери.

— Пускай папа вернется домой. И пусть он никогда не уезжает, а посылает мне розы и пишет письма.

Покачивая Дженнифер, Риган гладила ее по голове и чувствовала, что дочери грустно. Как Тревису будет неприятно узнать, что он обидел дочь своим невниманием. Может быть, завтра она исправит ошибку Тревиса, отыщет где-нибудь розы, если в целом штате осталось хотя бы несколько цветков после того, как Тревис собрал их. Тогда она подарит их дочери от имени отца.

«Завтра», — подумала она, и едва не вздрогнула. Что же он намечает на завтра?

Глава 19

На следующее утро Дженнифер разбудила мать; в руке она сжимала букетик роз.

— Их прислал папа?

— Надеюсь, — ответила Риган, не разуверяя дочь, а внушая ей надежду. Рано утром она сама положила этот букет на подушку.

— Их прислал не папа, — с отчаянием сказала Дженнифер. — Это ты их положила. — Она бросила цветы на кровать и убежала в свою комнату.

Риган не сразу удалось утешить дочь. Она сама едва не заплакала, пока успокаивала Дженнифер. Как же сообщить Тревису, что Дженнифер глубоко удручена?

Безрадостно они оделись, взялись за руки и подготовились к тому, что предназначили им этот день — и Тревис.

В приемной было полно горожан, но поскольку новых волнующих событий не произошло, от многих семей пришло всего по одному человеку. "Риган с неприступным видом отвечала на расспросы и прижимала Дженнифер к себе. Пройдясь по комнатам, она попыталась заняться повседневными делами. Ее утомляло и раздражало всеобщее любопытство.

К полудню ничего нового не произошло, поэтому горожане начали расходиться по домам. В обеденном зале было полно народу, но свободные места еще оставались. Риган заметила, что Марго и Фаррел обедают вместе: беседуя, они склонились друг к другу, почти касаясь головами. Нахмурившись, она спросила себя, что же они могут обсуждать?

Но у Риган не осталось времени на размышления, потому что доносившийся из зала шум становился все громче и пронзительнее.

Подняв глаза к небу, она едва не закричала от отчаяния.

— Что же он сделал на этот раз? — прошептала она. Дженнифер вцепилась в руку матери.

— Папа вернулся домой?

— Думаю, он что-то сотворил, — ответила Риган и направилась к входу в гостиницу.

Выйдя из обеденного зала, они услышали звуки музыки, наполнившие передние комнаты. Все громче звучало ржание лошадей, скрипели колеса фургонов, раздавались другие звуки, которые раньше ей не приходилось слышать.

— Что это? — спросила Дженнифер. С каждой секундой глаза ее раскрывались все шире.

— Понятия не имею, — ответила Риган. Все помещение у выхода из гостиницы было забито: люди облепили все шесть окон, выходящих на фасад, и стояли даже в открытой двери.

— Дженнифер! — Раздался чей-то голос, и толпа внезапно ожила.

— Это же цирк!

— И бродячий зверинец! Я такой видел в Филадельфии.

Несколько раз повторили имя Дженнифер, и Риган с дочерью наконец удалось найти место в первом ряду.

Как раз в это время из-за угла школы появились трое — с раскрашенными лицами, в атласных костюмах, расшитых яркими разноцветными кружками и полосками; они скакали, падали, перепрыгивали друг через друга.

У них на костюмах были вышиты буквы. Из-за акробатических скачков Риган не сразу разобрала, какое слово складывается из них.

— Дженнифер! — воскликнула она. — Там написано: «Дженнифер».

Со смехом она подхватила дочь на руки и радостно показала в их сторону.

— Это к тебе! Это клоуны, и на их костюмах вышито твое имя — «Дженнифер».

— Они пришли ко мне?

— Да, да, да! Папа прислал тебе целый цирк. Ну, а раз это устроил Тревис, думаю, цирк не маленький. Посмотри! Ты видишь, наездники выделывают всякие трюки.

Онемев от изумления, Дженнифер увидела, как к ней скачут три великолепные лошади золотистой масти и с длинными гривами. Один из наездников стоял на седле, другой — то взлетал в седло, то спрыгивал с лошади, едва при этом касаясь ногами земли; а под третьим лошадь, казалось, танцевала. Наездники остановились в клубах пыли и жестами приветствовали Дженнифер. Улыбаясь во весь рот, она подняла глаза на мать.

— Цирк приехал ко мне, — гордо заявила она и посмотрела на окружающих ее людей. — Папа прислал мне цирк.

За клоунами и наездниками шел клоун на ходулях, а вслед за ним появился человек, ведший на цепи черного медвежонка. На костюмах всех людей и животных было написано имя «Дженнифер.» По мере приближения оркестра музыка звучала все громче.

Внезапно все жители смолкли — из-за угла появилось невиданное ранее громадное и странное существо. Медленно топая своими ножищами так, что дрожала земля, оно вместе с дрессировщиком остановилось перед гостиницей. Дрессировщик развернул по боку животного свиток, гласивший:

«Капитан Джон Кроуиншилд представляет первого в Соединенных Штатах Америки слона. По специальной просьбе мистера Тревиса Стэнфорда животное исполнит представление для...»

Риган прочитала эти слова дочери, тесно прижавшийся к ней.

«Для Дженнифер!» — было написано на втором свитке.

— Что ты об этом думаешь? — спросила Риган.

— Папа прислал слона, который даст представление только для тебя.

После долгого молчания Дженнифер прошептала матери на ухо:

— Я ведь не должна держать его дома? Риган едва не рассмеялась, но чем больше она думала о вопросе дочери и чувстве юмора у Тревиса...

— Я искренне надеюсь, что нет, — ответила она. Но ее размышления о слоне прервались сразу же, как только тот начал удаляться. За ним стоял красивый беленький пони с покрывалом из белых роз, на котором красными розами было выложено имя «Дженнифер».

— Что там написано, мама? — спросила Дженнифер с надеждой в голосе. — Этот пони для меня?

— Конечно, — ответила красивая блондинка в откровенном, даже скорее вызывающем костюме из обтягивающей ее тело ткани. — Папа выбрал для тебя самую красивую и ласковую лошадку во всем штате; если хочешь, можешь прокатиться на ней вместе с нашими артистами.

— Можно? Ну пожалуйста!

— Я присмотрю за ней, — объявила женщина.

— Тревис тоже здесь.

Риган неохотно отпустила дочь, женщина подняла девочку на седло. Взяв прикрепленный к седлу жилет, весь украшенный розовыми розами, женщина надела его на Дженнифер.

— Это розы для меня! — крикнула Дженнифер.

— Папа прислал розы и мне.

Риган бессознательно всматривалась в толпу и вдруг поняла, что ищет кого-то глазами. Заметив, что за юбками матери скрывается Тимми Уотс и чувствуя себя неловко от того, что беспокоит людей, Риган вывела мальчика из толпы, чтобы Дженнифер могла увидеть его; тогда девочка быстро высунула язык и бросила в него розу. Чтобы избавиться от ощущения вины, Риган спросила Тимми, не хочет ли он пройти парадом вместе с циркачами рядом с лошадкой Дженнифер, и он с удовольствием согласился.

Счастливая, Дженнифер с царственным видом поехала по улице к южной окраине Скарлет Спринте. За ней следовали циркачи: мужчины и женщины, кто пешком, кто верхом на лошади, и все они были одеты причудливо и пестро, а за — ними шел оркестр из семи музыкантов. В хвосте шествия появились еще клоуны, держа щиты, на которых сообщалось, что с согласия мисс Дженнифер Стэнфорд через два часа цирк даст бесплатное представление.

Когда за углом церкви скрылся последний из циркачей, в толпе зрителей воцарилась тишина.

— Пожалуй, мне пора приниматься за работу, — объявил один из наблюдавших за этой сценой.

— А что принято надевать в цирк? — спросила какая-то женщина.

— Риган, боюсь, когда ты уедешь, город погрузится в спячку.

Раздался смешок, который тут же оборвался — Риган повернулась к Бренди, и та спросила:

— Что, по-твоему, Тревис намерен сделать сейчас?

— Пронять меня с помощью Дженнифер, — ответила Риган. — Во всяком случае, полагаю, что таковы его планы. Пойдем, нам пора браться за дело. Закроем гостиницу, повесим табличку «Ушли в цирк», и все пойдут туда.

— Здорово придумано. Я соберу еду для нас и для половины населения; хоть Тревис отпустил нам так мало времени, мы все равно успеем как следует подготовиться.

И в самом деле, два часа промчались как одна минута, и Риган отправилась в фургоне, нагруженном приготовленной едой, туда, где расположился цирк. Вокруг деревьев и врытых в землю шестов был натянут брезент, отгородивший просторное поле. Внутри были расставлены длинные деревянные скамейки, чем дальше от начала, тем выше, и почти все они уже были заняты горожанами. В центре розовые и оранжевые ленты, развеваясь на ветру, огораживали небольшую площадку.

— Где же нам сесть? — смеясь, спросила Бренди, заметив смущение Риган. — Идем. Не беспокойся, все будет хорошо.

Девушка в обтягивающем розовом трико привела Риган и Бренди к огороженной площадке и ушла. Спустя несколько минут из-за загородки галопом вырвались две лошади: наездник

мчался, стоя одновременно на спинах обеих лошадей. Проскакав до конца поля, он прыгнул на спину одной, повернул лошадей и на всем скаку перескочил на спину второй лошади.

— Вот это да! — выдохнула Бренди.

После этого у них не было времени о чем-либо думать, потому что поле заполняли все новые и новые лошади. Они показывали разные трюки, а наездники выделяли трюки у них на спинах. Два циркача скакали по кругу на спинах двух лошадей, а на их плечах стоял третий. Когда наездники умчались, по кругу проехала Дженнифер на пони, которого вела под уздцы девушка в розовом костюме. И на Дженнифер было розовое платье, расшитое золотыми блестками. У Риган от страха перехватило дыхание, а циркачка тем временем взяла Дженнифер за руку, поставила на седло, и пони медленно прошелся по кругу.

— Сядь! — приказала Бренди, когда Риган хотела броситься к дочери. — Падать ей невысоко, да и ее держат.

Именно в этот момент циркачка отпустила руку девочки, и Дженнифер позвала:

— Мама, посмотри на меня!

Риган едва не потеряла сознание, когда Дженнифер подпрыгнула, а девушка поймала ее.

Видимо, Дженнифер объяснили, что нужно делать — она несколько раз поклонилась, а все население Скарлет Спрингс наградило ее аплодисментами. Девочка подбежала к Риган, которая горячо обняла ее.

— Я тебе понравилась? Я все правильно сделала?

— Просто замечательно. Ты меня напугала до смерти.

Дженнифер обрадовалась. — Вот подожди, ты еще папу увидишь. Риган успокоилась не сразу, но когда собралась с мыслями, расспрашивать было некогда, потому что перед ними снова появился слон. Потом публику веселили клоуны, зрители смеялись, а медвежонок танцевал. Риган тем временем высматривала Тревиса.

Музыканты играли, не умолкая. Вдруг раздался барабанный бой, и зрители сразу же затихли.

— А теперь, леди и джентльмены, — прокричал красивый циркач в красном плаще и блестящих черных сапогах, — вы увидите смертельный номер. Сейчас вы увидите канатоходца, который выступает без сетки. Если он упадет... Словом, надеюсь, у вас воображения хватит.

— Вряд ли мне это понравится, — сказала Риган, глядя на канат, натянутый высоко над землей между двумя шестами. — Пожалуй, мы с Дженнифер уйдем.

Выражение лица Бренди изменилось.

— Думаю, тебе лучше остаться, Риган, — сказала она каким-то неестественным тоном. Проследив за ее взглядом, Риган не поверила собственным глазам.

На круг вышел Тревис, подняв одну руку, как заправский циркач. Его тело плотно облегал костюм из черной трикотажной ткани, подчеркивая могучие мускулы бедер, маленькие подтянутые ягодицы и широкую грудь. С плеч его свисал черный плащ на ярко-красной атласной подкладке. С радостной улыбкой он бросил его красивой циркачке, тело которой

было едва прикрыто кусочком зеленого атласа.

— Ничего удивительного, что Тревис сводит тебя с ума, — заявила Бренди.

— Ради бога, что он делает? — с трудом спросила Риган. — Даже Тревис не способен совершить такую глупость, как...

Ее речь оборвалась на полуслове, когда пропели трубы и Тревис начал спокойно подниматься по качающейся веревочной лестнице к крохотной площадке высоко над головой.

— Это мой папа! Это мой папа! — крикнула Дженнифер, подпрыгивая на жесткой деревянной скамье.

У Риган не было сил шевельнуться. Не моргая, затаив дыхание, с бьющимся сердцем она следила за тем, как Тревис взбирался по лестнице. Остановившись высоко над головами зрителей, он опять приветственно поднял руку, обращаясь к ним, и в ответ вся толпа громко зааплодировала. В полной тишине Тревис начал медленно и осторожно продвигаться по туго натянутому канату, держа в руке длинный шест, и путь его к противоположной площадке тянулся целую вечность.

От рукоплесканий задрожали скамейки, а Риган закрыла лицо руками; на глазах ее выступили слезы облегчения.

— Бренди, скажи мне, когда он спустится, — попросила она.

Против обыкновения Бренди хранила молчание.

— Бренди! — позвала Риган и украдкой взглянула сквозь пальцы. Увидев лицо подруги, она опять посмотрела на Тревиса. Он стоял на площадке и спокойно разглядывал ее, как бы ожидая чего-то. Заметив, что Риган смотрит на него, он что-то прицепил к шесту, на котором держалась площадка, и к своему широкому черному кожаному поясу.

— Он собирается идти опять, — прошептала Бренди. — Но теперь он хотя бы пристегнул страховку.

Тревис сделал уже несколько шагов по канату, когда зрители поняли, что представляет собой этот страховочный трос. Медленно разворачивалось полотно. «Риган...» — было первое слово, которое увидели зрители, и поскольку за последние два дня им сотни раз довелось прочитывать эти слова, они заранее знали, что за ним последует.

«Риган!» — хором читали зрители. «Выходи» — было следующее слово, потом «за». Каждое следующее слово произносилось все громче и громче. Когда, наконец, Тревис добрался до второй площадки, горожане хором повторили все слова. Даже если бы они разучивали это несколько недель, вряд ли хор получился бы лучше. "Риган, выходи за меня замуж".

Краска бросилась в лицо Риган. У нее было такое чувство, что вспыхнуло все тело — от пяток до кончиков волос.

— Что там написано, мама? — спросила Дженнифер, когда все вокруг стали хохотать.

Риган молчала, боясь, что скажет что-либо невпопад. Она не взглянула на Тревиса, который спускался по лестнице сопровождаемый шумными приветствиями, рукоплесканиями и всеобщим весельем.

— Я ухожу домой, — наконец прошептала Риган. — Прошу тебя, присмотри за Дженнифер, — попросила она. С высоко поднятой головой она вышла с огороженной лентами площадки, прошествовала перед собравшимися и вышла с поля. Ей что-то кричали, но она не обратила внимания на призывы, а пешком проделала весь долгий путь до гостиницы.

Открыв дверь ключом, она прошла в свои комнаты. Риган подумала, что если когда-либо и выйдет отсюда, так только ночью, чтобы ускользнуть украдкой и никогда больше не встретиться с жителями Скарлет Спринте.

Ее нисколько не удивило, когда она увидела на своей подушке лист плотной дорогой бумаги цвета слоновой кости. На нем изящными буквами было выведено приглашение в девять часов вечера присоединиться к Тревису Стэнфорду за ужином. Внизу от руки было приписано, что без пятнадцати девять он будет ждать Риган у двери ее комнаты.

Чувствуя свое полное поражение, Риган поняла, что выход у нее только один — встретиться с ним. Если она откажется, видимо, слон вышибет ее дверь, а то и сам Тревис прибудет верхом на слоне. Она была готова к любому сюрпризу, зная изобретательность Тревиса.

Весь вечер никто ее не беспокоил, и она была благодарна тому, кто смог оградить ее. За сегодняшний день внимания посторонних ей хватило с избытком.

Ровно без пятнадцати девять в дверь постучали.

В коридоре стоял Тревис, одетый в модный фрак темно-зеленого цвета и светло-зеленые брюки. Он с улыбкой оглядел ее красивое шелковое платье цвета абрикоса.

— Ты еще красивее, чем всегда, — заявил он и предложил ей руку.

Коснувшись руки Тревиса, она простила ему все. Она готова была ударить себя за это, но весь гнев и огорчение, желание убить его мгновенно исчезли.

Качнувшись, она на долю секунды оперлась на него, и Тревис тут же взял ее рукой за подбородок и посмотрел в глаза. Вглядываясь в ее лицо, он поймал ее взгляд, наклонился и нежно и ласково поцеловал.

— Мне тебя не хватало, — прошептал он, а потом улыбнулся и повел к великолепной двухместной коляске.

— Господи, Тревис! — только и смогла прошептать она, когда он сел рядом с ней, засмеялся и, щелкнув языком, послал лошадь вперед.

Стояла ясная теплая ночь, ярко светила луна, в неподвижном воздухе струился чудесный аромат. Можно было подумать, что это Тревис заказал такую ночь. За последние несколько дней Риган уже не представляла, что еще может придумать Тревис, но то, что она увидела, превзошло все ее ожидания.

На траве, на берегу ручья, было расстелено одеяло, сшитое из лоскутов бархата с золотыми блестками, а на нем разложены темно-синие с золотом подушки. Там же были расставлены хрустальные бокалы, фарфоровая посуда. От блюд исходил чудесный аромат, горели свечи, их резкий свет смягчали плафоны из розового матового стекла. Все выглядело нереальным, сказочным.

— Тревис... — только и сказала она, когда он снял ее с сидения. — Как прекрасно!

Он подвел ее к разложенным подушкам и помог сесть, потом открыл бутылку холодного шампанского. Когда Риган подняла свой бокал, Тревис осторожно опустился на подушки напротив нее.

— Тебе не больно, Тревис? — спросила она. В ответ он чуть не застонал.

— У меня все тело дьявольски болит. В жизни не приходилось так поработать, как за последние несколько дней. Надеюсь, ты уже сыта ухаживаниями?

Она приготовилась было ответить ему сердито, но потом предпочла сделать большой глоток шампанского и едва не захлебнулась.

— Нет, пожалуй, ухаживаний мне достаточно, — вполне серьезно ответила Риган, потом добавила:

— Думаю, никому в городе уже никогда не придет в голову мысль об ухаживании.

— Хватит об этом, — ответил ее Тревис и сел поудобнее. На лице его появилась гримаса боли.

— Лучше дай мне чего-нибудь поесть. «Опять распоряжение», — отметила про себя Риган, но улыbnулась и стала накладывать на его тарелку горячих цыплят, холодный ростбиф, соус и рис, смешанный с морковью.

— Трудно было научиться ходить по канату?

— Трудно было первые три дня. Потом я практиковался еще дня два и мог ходить уже без шеста.

— Ты мог бы поучиться еще один день, — вкрадчиво заявила Риган.

— И оставить тебя с этим английским снобом Бэтсфордом? Кстати, чем он занимался последнее время?

— Боюсь, я была слишком занята и не заметила.

При этих словах Тревис величественно улыбнулся и, облокотившись на подушки, принялся за еду.

— Буду рад, когда ты вернешься домой вместе со мной, и я смогу нормально питаться. Последнее время мне приходилось есть одной рукой, пока другой писал.

— Писал? Ах да, а я-то пыталась понять, сам ли ты писал эти записки.

— А кто же еще, черт побери, просил бы тебя стать его женой? Ну ладно, — улыбнулся он, заметив обиду на ее лице. — Я не то хотел сказать, ты же знаешь. Как ты думаешь, Дженнифер понравился цирк?

— Она была в восторге. Этим пони и розами ты сделал ее самой счастливой девочкой. На лице Тревиса отразилось блаженство.

— Признаться, я не был уверен, что смогу вовремя залучить сюда проклятого слона. Ну и зверь! Готов поспорить, что он оставил навоза на шесть акров кукурузы. Я уж подумал, не захватить ли домой фургон этого добра, чтобы посмотреть, на что оно годится. Разумеется, куриный помет лучше, но его много не получишь. Не исключено, что слон...

Его прервал взрыв хохота Риган. Его глаза сразу же сузились, и он отвел их в сторону.

— Тревис, был ли когда-нибудь на земле второй такой человек, как ты? Он улыбнулся и подмигнул ей.

— А я ведь недурно прошел по канату, правда? Дай-ка мне кусок пирога. Как ты думаешь, Бренди захочет уехать с нами и готовить для нас?

Риган, которая в этот момент отрезала кусок пирога, на секунду замерла. За эти несколько дней он просил ее выйти замуж несколько тысяч раз, но ни разу не делал предложения наедине и даже не стал дожидаться ответа. И ни разу не сказал Риган о своей любви.

Положив ему на тарелку кусок пирога, она ответила:

— Кажется, Бренди хочет заняться другими делами, но я могу найти повариху лучше, чем твоя Мальвина.

Рассмеявшись, Тревис откусил кусок пирога.

— Она с тобой грубо обходилась, правда? Старая повариха нашей семьи умерла шесть лет назад, и Марго подыскала нам Мальвину. У меня с ней не было сложностей, но она несколько раз крупно ссорилась с Уэсом. Однако ты сможешь от нее избавиться.

— Я так и сделаю, — ответила Риган, и глаза ее заблестели. — Очень этого хочу.

Наступившее молчание было таким долгим, что Риган подняла глаза на Тревиса. Казалось, его ласковые глаза как бы увлажнились — наверняка виной тому был лунный свет. Вряд ли это могли быть слезы — ведь в сущности Риган ответила, что возвращается с ним домой.

— Рад это слышать, — негромко ответил он, а потом улыбнулся собственным мыслям и продолжил поглощать пирог. — Уэс поможет тебе в любых делах, пока я занят в поле.

— Пожалуй, я и сама могу обойтись. А чем занят Уэс? Он что, большую часть времени проводит дома?

— Он хороший парень. Правда, бывает упрям, иногда мне приходится одергивать его, но вообще-то он мне помогает.

Риган сдержала улыбку.

— По-видимому, он отваживается высказывать свое мнение и если с тобой не соглашается, ты...

, ты его поучаешь кулаками?

— Видишь? — Тревис стал защищаться и показал на крохотный шрам на своем подбородке. — Это сделал мой братец, так что не думай, будто он — пострадавшая сторона.

— А на меня ты поднимешь кулак, когда я осмелюсь возразить тебе? — поддразнила она его.

— Да что бы я ни говорил, ты всегда не соглашалась, а я до сих пор пальцем тебя не тронул. Ты будешь и дальше рожать таких детей, как Дженнифер, и всегда меня радовать. А теперь пора возвращаться. Мне нужно выспаться.

— Тебя интересуют только дети, которых я буду тебе рожать? — спросила она серьезным тоном.

В ответ Тревис застонал — то ли от подобного вопроса, то ли от боли в мышцах.

— Оставь все здесь, — попросил он, когда Риган хотела убрать еду. — Придет человек и все уберет.

И он подтолкнул ее к коляске.

— Скольких ты нанял за последние несколько дней и как ты забрался в мой сейф?

Он бесцеремонно поднял ее и посадил на сиденье повозки.

— У мужчины должны быть свои тайны. Я тебе это скажу в пятидесятую годовщину нашей свадьбы. Мы соберем всех наших двенадцать детей и расскажем им о самом смелом, изобретательном и романтичном ухаживании в истории земли.

«А мы им расскажем про слоновий навоз?» — подумала Риган, но по пути в город больше не сказала ни слова.

Глава 20

Остановившись у двери в комнату Риган, Тревис шумно зевнул, потом, как бы по зрелому размышлению, поцеловал ей руку, пересек спальню, прошел через дверь, которая вела во внутреннюю часть гостиницы и стал подниматься по черной лестнице, очевидно, в свой номер. Изумленная, удивленная, потрясенная, Риган остановилась у своей кровати и посмотрела на закрытую дверь.

После всех испытаний, через которые он заставил ее пройти, после всех предложений стать его женой Тревис приглашает ее на пикник при луне, ни разу не заикнувшись о свадьбе, разглагольствует главным образом про слоновий навоз, а потом бросает в спальне, даже не поцеловав на ночь. За весь вечер он ни разу не прикоснулся к ней, даже, кажется, не сознавал, что она так близко к нему и так жаждет его. Разумеется, она умело скрывала свои чувства — Риган прекрасно понимала это — но ведь он, несомненно, должен был испытывать страсть. Или ему оказалось достаточно заниматься с ней любовью один раз за четыре года? В конце концов, Тревис старел; ему сейчас уже около тридцати восьми. А что, если в этом возрасте мужчина...

Мысли Риган затуманились, она стала раздеваться. Одеваясь сегодня утром, она в глубине души мечтала о том, как Тревис снимет с нее одежду. Может быть, ему не нужна жена-призрак, подумалось ей. Да! Дело именно в этом. Он всегда считал, что они женаты, а теперь, когда оказалось иначе... Нет, во время путешествия на корабле они женаты не были.

Опустившись на кровать, Риган сняла туфли и чулки. Все дело в том, что Тревис устал — он же сам сказал. И у него не осталось сил задыхаться в ее объятиях.

Она надела белый халат из бумажной ткани, пошла посмотреть на спящую дочь и улеглась в просторную, холодную и пустую кровать. Час спустя она все еще лежала без сна, понимая, что уснуть так и не сможет, пока они с Тревисом спят в разных постелях.

— Чтоб ему пусто было с его усталостью! — вслух произнесла она и отбросила легкое одеяло. В платяном шкафу висел подарок Бренди, который она еще ни разу не надела — белый шелковый

пеньюар из мягкой, полупрозрачной ткани и с таким глубоким вырезом, что почти не скрывал тело. Корсаж выше белой атласной ленты был совсем крохотным, и два дюйма его ткани туго обтягивали тело, приподнимая грудь.

— Пусть он и устал, но зато не умер, — с улыбкой прошептала она, глядя в зеркало. Закутавшись в плащ, она по лестнице направилась в комнату Тревиса.

Улыбаясь своим мыслям, Тревис стоял в центре комнаты, держа в руке бокал портвейна, когда в комнату ворвалась взбешенная Марго. Его улыбка сразу исчезла.

— Уходи, — резко сказал он. — В любую минуту может прийти Риган.

— Эта потаскуха! — прошипела Марго. — Мне тошно смотреть на тебя, Тревис! Знаешь, на кого ты был похож последнее время? Весь город смеется над тобой. Им в жизни не приходилось видеть, чтобы мужчина выставлял себя круглым идиотом.

— Ты свое сказала, а теперь убирайся, — холодно ответил он.

— Я не сказала тебе и половины того, что нужно. Все эти дни я немало порасспрашивала здесь. Как я понимаю, ты даже не знаешь, кто она. Зачем ей выходить замуж за тебя, здорового, глупого и грубого американца? Ты так гордишься своей плантацией. А знаешь ли ты, что твоя малютка Риган может купить ее не моргнув глазом?

Она ждала ответа, пытаясь понять, как Тревис воспримет эту новость.

Он не шелохнулся, а только недовольно смотрел на нее.

— Она стоит миллионы, — выдохнула Марго. — И на следующей неделе эти деньги перейдут к ней. Она может заполучить любого, кого захочет; так с какой стати ей нужен фермер-американец?

Тревис по-прежнему хранил молчание.

— А может, ты и знал, — продолжала Марго. — Может, тебе было известно с самого начала, и потому ты так охотно выставил себя в дураках, чтобы добиться ее. Мужчина способен на многое ради таких денег.

Не успела Марго ничего добавить, как Тревис схватил ее за волосы и потянул голову назад.

— Убирайся, — глухим голосом приказал он. — И что б я больше никогда тебя не видел. — Он с силой толкнул ее к двери.

Она мгновенно пришла в себя.

— Тревис, — вскрикнула она и, бросившись к нему, обняла его. — Ты же знаешь, как я люблю тебя. Я любила тебя с самого детства. Ты всегда был моим. С тех пор, как ты привез ее домой и назвал своей женой, я медленно умираю. А теперь ты творишь из-за нее всякие глупости, понять не могу — почему. Ведь она тебя не любила. Она покинула тебя, но я-то всегда была рядом, поблизости, когда ты во мне нуждался. Я не могу соперничать с ее богатством, но если ты позволишь, я могу дать тебе любовь. Раскрой глаза, Тревис, посмотри на меня. Посмотри, как крепко я тебя люблю.

Оторвав ее руки от своего тела, Тревис удерживал Марго на расстоянии.

— Ты никогда не любила меня. Ты всегда хотела заполучить только мою плантацию. Мне известно, что ты уже много лет в долгах. Я часто помогал тебе, но не стану тебе помогать до такой степени, что женюсь на тебе. — Голос его звучал спокойно, даже мягко, и было видно, что ему не нравится то, как она унижается.

Когда Риган тихонько приоткрыла дверь комнаты Тревиса, думая, что он спит, и собираясь скользнуть к нему в кровать, она увидела в его объятиях Марго — он смотрел на нее мягко и нежно. Риган резко повернулась и бросилась прочь.

Тревис швырнул Марго на пол и бросился вслед за Риган.

Зная, что она не сможет добежать до своей спальни раньше Тревиса, Риган нажала ручку двери, третьей от комнаты Тревиса — здесь жил Фаррел. Тревис схватил край ее плаща как раз в тот момент, когда Риган вбежала в комнату; плащ остался в руках Тревиса, и тут дверь закрылась.

— Риган? — изумился Фаррел. Глаза его расширились; он зажег свечу, быстро надел панталоны и выпрыгнул из кровати. — У вас испуганный вид.

Риган прислонилась к двери. Грудь ее, выступавшая над вырезом пеньюара, бурно вздымалась.

— Марго и Тревис, — прошептала она, задыхаясь.

В следующее мгновение она отпрянула — в дверь ударило что-то тяжелое. После следующего удара сквозь дырку просунулся сапог Тревиса, потом появилась его рука и открыла замок. Широко распахнув дверь, он в два шага пересек комнату и схватил Риган за руку.

— Хватит этих игр! — заявил он. — На этот раз ты будешь подчиняться мне, хочешь ты того или нет.

— Но послушайте! — произнес Фаррел, пытаясь удержать Тревиса.

Тревис оглядел его с ног до головы, отодвинул в сторону и повернулся к Риган.

— Даю тебе двадцать четыре часа, чтобы ты собрала вещи, и мы сразу уедем. И опять поженимся в моем доме.

Резко вырвавшись, Риган отстранилась:

— А Марго придет к нам на свадьбу, или тебе больше хочется провести ночь с ней после нашей свадьбы?

— Можешь устраивать дома сцены ревности.

Но мне уже надоело ходить по канату и добывать для тебя проклятые розы. Я больше не собираюсь с этим мириться. Если надо, я прикую тебя цепью к своей кровати, но знай: ты и моя дочь будете жить у меня.

Потом он немного смягчился:

— Риган, я сделал все, чтобы доказать тебе, что ты меня любишь. Разве ты этого не поняла?

— Я? — Она была потрясена. — Я тебя люблю? Но я в этом никогда не сомневалась. Это ты не знал, что происходит в твоей душе. Ты никогда не любил меня. Ты был вынужден на мне

жениться! Ты был вынужден...

Изумленно взглянув на Тревиса, она смолкла. Он качнулся назад, руки его упали. Лицо его побелело, он начал слепо искать опору. Можно было подумать, что за несколько секунд он постарел на десять лет. Тревис тяжело опустился на стул.

— Вынужден жениться на тебе? — Он задыхался, голос его ослабел и охрип. — Не мог разобраться в себе? Никогда не любил тебя?

Он тяжело уронил голову на руки, а когда поднял ее, Риган заметила, что его глаза покраснели.

— Я полюбил тебя с первой встречи, — тихо ответил он. — А иначе с чего же я беспокоился за тебя? Ты была такой юной, такой испуганной, и я боялся потерять тебя.

Голос его зазвучал громче.

— А с какой же стати я стал бы рисковать жизнью на корабле, чтобы спасти щенка Уэйнрайта, который тебе так приглянулся? Знаешь ли ты, как мне хотелось бросить его за борт? Но я этого не сделал, потому что он был нужен тебе. А ты говоришь — я тебя никогда не любил.

Он поднялся; в голосе его послышался гнев.

— И знай, что ты не первая родила мне ребенка. Я не был вынужден жениться на тебе.

— Но ты же сказал, что всегда женишься на матери своих детей. Я и решила... — ответила она, расплакавшись.

Он вскинул руки к небу.

— Тебе было страшно, ты огорчилась, еще не зная, что у тебя будет ребенок. А что я должен был сказать: что дома у меня есть незаконнорожденный ребенок и что его мать пыталась привлечь меня к суду за то, что я не хочу на ней жениться?

— Ты... ты мог бы сказать, что любишь меня. Он успокоился:

— В присутствии свидетелей я поклялся, что буду любить тебя до конца своих дней. Что же мог я сделать сверх этого?

Она опустила глаза.

— Ты никогда не просил меня стать твоей женой. Никогда не говорил этого.

— Никогда не просил тебя стать моей женой? — прорычал Тревис. — Черт побери, Риган, чего еще ты хочешь от меня? Я выставил себя в дураках на глазах целого штата, а ты говоришь...

Он замолчал, упал перед ней на колени и схватил за руки.

— Риган, ты станешь моей женой? Умоляю тебя. Я люблю тебя больше собственной жизни.

Умоляю, стань моей женой!

Лица их оказались на одном уровне. Риган положила руки ему на плечи.

— А что же Марго? — прошептала она.

Скрипнув зубами, Тревис все же ответил:

— Я мог бы жениться на ней много лет назад, но никогда этого не хотел.

— Почему же ты мне ничего не сказал?

— А почему же ты не сумела понять, даже если тебе этого не сказали? Я люблю тебя, — прошептал он. — Ты будешь моей женой?

— Да! — вскричала Риган и обвила его шею руками. — Я буду твоей женой навсегда!

Они позабыли обо всем и обо всех на свете, поэтому раздавшиеся рукоплескания поразили их.

Риган уткнулась лицом в шею Тревиса.

— Там так много народу? — испуганно спросила она.

— Боюсь, что да, — ответил он. — Думаю, они услышали, как ты хлопнула дверь у меня перед носом.

Она и не подумала возразить ему, что шум произвел его сапог, разбивший дверь, а не хлопанье двери.

— Уведи меня отсюда, — прошептала она. — Я не могу смотреть им в глаза.

Тревис торжественно выпрямился и, подхватив Риган на руки, направился к двери. Заслышав шум, сюда сбежались и жители городка, и те постояльцы гостиницы, которые, посчитав себя участниками событий, задержались после того, как Тревис прислал Риган первую розу.

Женщины в плотных ночных рубашках, с папилотками в волосах, глубоко вздыхая, следили за тем, как Тревис уносил Риган.

— Я знала, что все кончится хорошо, — объявила одна из них. — Она бы не смогла отвергнуть его.

— Моя жена ни за что в это не поверит, — сказал какой-то постоялец. — Надеюсь, она простит меня за то, что я опаздываю на три дня.

— Дурак ты, если расскажешь об этом жене, — презрительно бросил другой. — Нам стоит договориться и молчать об этом, а то все женщины в стране будут ждать, что за ними станут так же ухаживать. А уж я-то не собираюсь ходить по канату. Лучше я скажу жене, что провел эти три дня с другой женщиной; мне это принесет меньше неприятностей.

С этими словами он вернулся в мужскую спальню.

Постепенно собравшиеся вернулись в свои постели, услышав перед этим, как Фаррел с треском захлопнул взломанную дверь.

Несколько минут Фаррел осыпал проклятиями Америку, американцев и всех женщин на свете. Эта пара полностью игнорировала его, когда давала друг другу лживые клятвы в любви, как будто его и не было в комнате. Подсчитав, сколько денег он потратил на поиски Риган, на ухаживания за ней, он разъярился еще больше. А Риган соблазнилась этим животным, которое

выбивает двери, этим безмозглым бездельником, которого все, знавшие его, считали дураком. Эта женщина не в себе!

Она вообще принадлежит ему, Фаррелу Бэтсфорду. Он прошел через тяжкие испытания, чтобы получить ее деньги, и теперь от них не откажется.

Фаррел быстро набросил халат и отправился на поиски Марго. Он понимал, что такая женщина не оставит безнаказанным подобное унижение на людях; возможно, вдвоем они что-либо придумают.

— М — м — м — м — м, Тревис, — проворковала Риган, проведя ногой по его ноге. В лучах восходящего солнца ее кожа казалась золотистой.

— Больше не трогай меня, — сказал он. — Этой ночью ты меня довела до изнеможения.

— Но ты же не думаешь, что это навсегда, — Риган рассмеялась, поцеловала его в шею и стала тереться об него.

— Если ты не хочешь устроить для дочери представление, то веди себя пристойно. С добрым утром, любимая, — произнес Тревис.

Риган отпрянула вовремя — как раз в этот момент ее дочь бросилась на них и упала на живот Тревиса.

— Ты вернулся домой, папа! — вскричала она.

— Можно мне сегодня покататься на пони? А мы пойдем опять в цирк? Ты научишь меня ходить по канату?

— А что, если мы не в цирк пойдем, а поедем домой? Слона у меня нет, зато есть много других животных, да к тому же еще и братишка.

— А Уэсли знает, как ты его называешь? — спросила Риган, но Тревис не ответил.

— А когда мы поедем? — спросила Дженнифер у матери.

— Может быть, через два дня? — спросила она, поглядев на Тревиса. — Мне нужно многое сделать.

— Так, деточка, — заявил Тревис. — Ступай на кухню и позавтракай. Мы скоро придем к тебе. Мне пока нужно поговорить с мамой.

— Поговорить? — ответила Риган, когда они остались наедине, и прижалась к нему. — Мне очень нравятся наши беседы.

Он обнял ее; глаза Тревиса смотрели серьезно.

— Я не случайно сказал, что хочу поговорить с тобой. Мне нужно знать, кто ты такая и что делала в одной ночной рубашке в доках Ливерпуля в ту ночь, когда мы встретились.

— Полагаю, будет лучше, если мы вернемся к этому как-нибудь в другой раз, — ответила она как можно беззаботнее. — Меня ждет огромная работа.

Тревис обнял ее.

— Послушай, я знаю, что пережитое принесло тебе немало страданий. Когда мы уплыли из Англии, я не требовал от тебя ответа, но теперь мы встретились, ты вне опасности. Я не позволю обидеть тебя, но хочу все о тебе знать.

Она не сразу смогла приступить к рассказу. В памяти всплыла та ночь, когда она встретила Тревиса, и вся ее предыдущая жизнь. С тех пор много лет она жила как свободный человек, познакомилась со многими людьми, узнала, как они живут, и теперь понимала, насколько ее детство напоминало жизнь в тюрьме.

— Пока я росла, я была полностью лишена свободы, — начала она совершенно спокойно, но воспоминания о том, как с ней обращались в детстве, постепенно все сильнее распалили ее.

Тревис ни разу не поторопил ее, а только сжимал в объятиях. От близости его рук и тела она чувствовала себя уверенно, рассказывая историю своей жизни. Риган потребовалось немало времени, чтобы дойти до той ночи, когда услышала, как Фаррел и ее дядя сговариваются. Тревис не произнес ни слова, но тело его напряглось.

Риган продолжала свое повествование: рассказала, какие чувства к нему испытывала, как боялась его, но как льнула к нему, разрываясь между желанием доказать, на что способна, и стремлением укрыться за его силу. Она поведала о горьких днях в его доме, когда ее охватывал страх перед окружающими; смеясь, вспоминала, как до смерти боялась отдавать распоряжения собственной прислуге.

Она закончила рассказом о том, как бежала от него, об оставленных за собой следах, о горьком разочаровании, когда он не разыскал ее и не приехал за ней.

— Дома я мог бы тебе помочь, — произнес Тревис, когда она замолчала. — Только я понимал, что тебе и это было бы обидно. В тот день, когда ты обожгла руку и приехала Марго, я был готов убить Мальвину.

Повернувшись, она посмотрела ему в глаза:

— А я и не знала, что тебе об этом известно.

— Я знаю почти все, что происходит у меня на плантации, — объяснил он. — Но, честное слово, я не знал, как помочь тебе. Мне казалось, ты должна помочь себе сама.

— Неужели ты всегда прав, мой милый прекрасный муж? — спросила Риган, глядя его лицо.

— Всегда. Надеюсь, ты будешь помнить об этом и отныне во всем слушаться меня.

Она улыбнулась ему своей самой ласковой улыбкой:

— Я собираюсь в любом деле драться с тобой. Как только ты отдашь мне распоряжение, я...

Но она не договорила, потому что Тревис громко чмокнул ее и вытолкнул из постели.

— Вставай, одевайся и иди проверь, достаточно ли у Бренди наготовлено еды для меня. В ответ ему в лицо полетела подушка.

— Я тебе сообщила о своем невероятном богатстве, а ты даже ни слова не сказал. А ведь есть мужчины, которые хотели бы наложить лапу на мои деньги.

Разглядывая ее обнаженное тело, он слегка усмехнулся:

— Я смотрю как раз на то, на что хотел бы наложить свою лапу. А что касается денег, можешь купить себе цирк, которого ты желала, а если что останется — отдашь нашим детям.

— Цирк, которого я желала? — Риган оторопела. — Это был твой замысел!

— Но тебе хотелось, чтобы за тобой ухаживали.

— Ухаживали! Да такого грубого, неумелого и беспомощного ухаживания я в жизни не видела! Любой англичанин справился бы с этим куда лучше.

Тревис лениво откинулся на подушки.

— Но ведь это в мою комнату ты пришла в крохотном прозрачном одеянии и умоляла обладать тобой, так что, как видно, я не так уж плохо ухаживал.

Еще несколько минут Риган свирепо поносила его, а потом рассмеялась и стала одеваться.

— Ты невыносим. Тебе завтрак подать в постель, или ты предпочитаешь отдельный кабинет?

— Вот это называется — добрая женщина. Постарайся и впредь оставаться такой. Пожалуй, буду завтракать на кухне; только пусть еды принесут побольше.

По-прежнему смеясь, Риган ушла, а Тревис думал, каким же образом его заставят расплачиваться за свои последние слова. Но что бы она ни сделала, жить с ней будет истинным счастьем. Она стоит всех пережитых им за последние годы страданий.

С удовлетворенным видом он начал медленно одеваться.

Большинство горожан в тот день заходили к ней поздравить с предстоящим замужеством и попрощаться — все уже знали, что она скоро уезжает. Вопреки тому, что говорила Марго, никто не считал Тревиса глупцом. Женщины думали, что он невероятно романтичен, а мужчины одобряли то, как он добивается своего. К полудню Риган с головой погрузилась в работу. Пришла служанка и пожаловалась на то, что на простынях обнаружили следы чернил странного цвета. У Риган возникло впечатление, что на нее со всех сторон сыпались какие-то жалобы. А может, это просто плод ее воображения, может, на нес подействовала тоска, охватившая ее при мысли о том, что оставляет отличную гостиницу, которую построила вместе с Бренди?

— Тебе грустно? — спросил Тревис, подойдя к ней.

Она до сих пор не привыкла к его пронизательности. Раньше она не представляла себе, насколько хорошо он понимает ее нужды и трудности, и теперь его чуткость вызывала у нее изумление.

— Когда мы приедем домой, тебе станет легче.

То, в чем ты нуждаешься — это бросить вызов новым трудностям.

— И что же произойдет, когда я узнаю все, что необходимо для управления плантацией? — спросила она, повернувшись к Тревису.

— Этого не будет, потому что я — часть плантации, а ты никогда не узнаешь меня до конца. А где моя дочь?

— Обычно в это время она занята с Бренди. Я полагала, она с тобой. — Подумав секунду, Риган улыбнулась. — А где пони, которого ты ей купил? Дженнифер там, где и он.

— Я заглянул в конюшню, но ее там нет. И Бренди все утро ее не видела.

— Даже за завтраком? — Риган нахмурилась и встревожилась.

— Подожди, — начал успокаивать ее Тревис. — Не волнуйся. Она могла уйти к подруге.

— Но она всегда говорит мне, куда идет. Всегда! Только так я могу за ней уследить, когда занята делами.

— Ну ладно, — негромко ответил Тревис. — Посмотри в гостинице, а я пройду по городу. Мы ее мигом разыщем. А теперь за работу.

И он засмеялся.

Первой мыслью Риган было то, что после волнений вчерашнего дня у Дженнифер заболел живот и она легла в кровать, никому об этом не сказав. Риган тихо прошла через спальню и медленно открыла дверь в комнату дочери, надеясь, что Дженнифер спит, поэтому не сразу поняла, почему в комнате такой беспорядок. Повсюду была разбросана одежда, ящики шкафа выдвинуты, белье свешивалось с постели на пол, а на кровати и полу были разбросаны туфли.

— Она укладывала вещи, — вслух произнесла Риган с облегчением.

Только опустившись на колени, чтобы поднять туфельку, она заметила на подушке записку. Она гласила, что Дженнифер не вернут до тех пор, пока через два дня у основания старого колодца к югу от города Риган не положит пятьдесят тысяч долларов.

Страшный вопль Риган был слышен по всей гостинице.

Первой в комнату Дженнифер вбежала Бренди; ее руки и фартук были покрыты мукой. Обняв опущенные плечи Риган, она усадила ее на кровать и взяла записку.

Бренди посмотрела на людей, столпившихся у двери, и скомандовала:

— Найдите Тревиса! Пусть немедленно придет. Когда Риган встала с кровати, Бренди схватила ее за руку.

— Куда ты?

— Мне нужно проверить, сколько денег в сейфе, — ответила Риган потрясением. — Я знаю, что там не хватит. Как ты думаешь, смогу я что-либо продать за два дня?

— Риган, сядь и дождись Тревиса. Он придумает, как раздобыть деньги. Может быть, у него при себе найдется такая сумма.

Оглушенная, Риган опять опустилась на кровать, сжимая в руке записку с требованием выкупа и туфельку Дженнифер.

Спустя несколько минут в комнату ворвался Тревис; она вскочила и подбежала к нему.

— Кто-то украл мою дочь! — крикнула она сквозь рыдания. — У тебя есть деньги? Ты можешь добыть пятьдесят тысяч долларов? Конечно, можешь!

— Дай-ка мне взглянуть, — потребовал он и обнял Риган. Тревис несколько раз перечитал записку, потом оглядел комнату.

— Тревис, как нам достать деньги?

— Мне это не нравится, — ответил он вполголоса и повернулся к Бренди. — Ты все утро была на кухне?

Бренди кивнула.

— И ничего не слышала? В зале были чужие? — спросил Тревис, кивнув в сторону коридора, который вел на кухню и в контору Риган.

— Никого. Ничего особенного не произошло.

— Бренди, собери здесь всех служащих, — распорядился Тревис.

— Прошу тебя, Тревис, нам нужно собрать деньги.

Тревис сел на кровать, притянул Риган к себе и сжал ее коленями.

— Послушай, тут что-то не так. В твои комнаты можно попасть только двумя путями: либо через кухню, где находилась Бренди, либо через заднюю дверь. В коридоре между кухней и буфетной всегда бывают Бренди с поварами, и никто не смог бы выйти с Дженнифер незамеченным. Значит, остается задняя дверь, а ты ее всегда запираешь на ключ. Дверь цела. Стало быть, Дженнифер открыла ее изнутри.

— Но она бы не стала этого делать — ей это запрещено.

— Об этом я и говорю. Она бы открыла ее только знакомому, человеку, которому доверяет, кого считает другом. А, во-вторых, кому известно, что ты можешь достать пятьдесят тысяч долларов? В городе никто, кроме меня, не знает, а до вчерашнего дня и мне не было известно, что у тебя есть деньги. Сумма пятьдесят тысяч означает, что кому-то известно гораздо больше, чем рядовому жителю Скарлет Спрингс.

— Фаррел! — Риган задохнулась. — Он лучше меня знает, сколько у меня денег.

В этот момент Бренди вернулась в сопровождении слуг. Все они молчали, глаза их расширились от удивления. А за их спинами стоял Фаррел Бэтсфорд.

— Риган, я только что узнал ужасную весть, — сказал он. — Я могу чем-либо помочь?

Тревис ринулся мимо него и начал расспрашивать прислугу, выясняя, не заметил ли кто-нибудь утром что-либо необычное и не видел ли кто Дженнифер с чужими людьми.

Пока они размышляли, так ничего и не припомнив, Тревис схватил одну из служанок за руку.

— Что у тебя на пальцах? Откуда это? Девушка испуганно попятилась.

— Это чернила. Ими были испачканы простыни в двенадцатом номере.

Он повернулся к Риган, ожидая, что она скажет.

— Это комната Марго, — потрясение ответила она.

Не сказав ни слова, Тревис вышел из комнаты через заднюю дверь и направился в конюшню. Риган бросилась за ним. Когда она догнала Тревиса, он уже седлал коня.

— Куда ты? — спросила она. — Тревис! Мы должны достать эти деньги! Он коснулся ее щеки.

— Это Марго увезла Дженнифер, — ответил он, продолжая седлать лошадь. — Она понимает, что мы обнаружим чернила, и знает, что я брошусь за ней вдогонку. Вот чего она добивается. Вряд ли она обидит Дженнифер.

— Вряд ли! Твоя потаскуха украла мою дочь, и...

Он приложил палец к ее губам.

— Дженнифер — и моя дочь, и если понадобится отдать всю мою землю Марго, я заберу у нее Дженнифер невредимой. А теперь оставайся здесь, будет лучше, если я займусь этим сам.

Он вскочил на коня.

— А я должна остаться здесь и ждать? И почему ты так уверен, что найдешь Марго?

— Она всегда возвращается домой, — мрачно ответил Тревис. — Она всегда возвращается туда, где будет поблизости от всего, что напоминает о ее проклятом папаше.

Он дернул поводья, пришпорил коня и скрылся в облаке пыли.

Глава 21

Спустя три дня перед самым рассветом Тревис остановился у дома Марго. За долгую дорогу ему пришлось сменить несколько лошадей, которых он гнал беспощадно. Спрыгнув с коня, он ворвался в дом, зная, где искать Марго. Она сидела в библиотеке под портретом отца.

— Тебе потребовалось немного больше времени, чем я рассчитывала, — весело поздоровалась она с Тревисом. Ее рыжие волосы в беспорядке свисали до плеч, а на платье красовалось темное пятно.

— Где она?

— Она вне опасности, — в ответ рассмеялась Марго, поднимая пустую рюмку. — Пойди и сам убедись в этом. Я редко обижаю детей. А потом возвращайся сюда, и мы выпьем вместе.

Тревис пошел по лестнице, перепрыгивая сразу через несколько ступенек. Некогда он был частым гостем Дженкинсов и хорошо знал дом. Теперь, ища дочь, он не обращал внимания на голые простенки, где раньше висели портреты, и на пустой стол, с которого исчезли все украшения.

Он обнаружил спящую Дженнифер в той кровати, на которой спал еще мальчиком. Он взял ее на руки, глаза девочки открылись. С улыбкой она сказала «Папа» и снова заснула. По запыленному личику и одежде было видно, что Марго с девочкой ехали всю ночь.

Он осторожно уложил ее в постель, поцеловал и пошел вниз. Настало время объясниться с

Марго.

Марго даже не подняла глаза, когда Тревис пересек комнату и налил себе стакан портвейна.

— Ну почему? — прошептала она. — Почему ты на мне не женился? Мы столько лет провели вместе. Мы вместе катались на лошадях, купались голыми, спали вместе. И я всегда думала, и папа тоже...

Взорвавшись от ярости, Тревис оборвал ее:

— Именно поэтому! — закричал он. — Этот твой чертов папаша! Ты в жизни любила только двоих: себя и Эзру Дженкинса!

Он на секунду замолчал и рукой, державшей стакан, повел в сторону висевшего над камином портрета.

— Ты никогда не понимала, каким был твой отец — гнусным и дешевым лгуном, способным украсть даже последний грош у ребенка. Я никогда не интересовался его делишками, зато видел, как с каждым днем ты все больше походила на него. Вспомни, как ты стала штрафовать ткачей за сломанные веретена.

В поднятых глазах Марго застыло отчаяние.

— Он не был таким. Он был хорошим и добрым...

Тревис с презрением прервал ее:

— Он был добрым только с тобой, и ни с кем больше.

— А я была бы добра с тобой, — с мольбой произнесла Марго.

— Нет! — резко ответил Тревис. — Ты бы меня ненавидела, потому что я никого не обманываю и не обкрадываю. Ты бы сочла это моей слабостью.

Марго не отрывала глаз от бокала.

— Но почему она? Почему эта тщедушная бесцветная крыса с английской свалки? Она не умела приготовить даже чашку чая.

— Ты и сама знаешь, что она не крыса со свалки, ты так не думала, когда потребовала у нее выкуп пятьдесят тысяч долларов. — Тревис вспомнил их встречу в Англии, и глаза его засверкали. — Тебе стоило бы увидеть ее, когда мы только встретились: грязную, испуганную, в разорванной ночной рубашке. Но говорила она как английская леди высшего круга. Она четко произносила каждое слово, каждый слог. Она оставалась леди, даже плача.

— Ты женился на ней из-за ее напыщенного говора? — в бешенстве выкрикнула Марго. Тревис улыбнулся своим мыслям.

— Я женился на ней из-за того, как она смотрела на меня. От ее взгляда мне кажется, что во мне десять... нет, двадцать футов роста. Когда она рядом, я способен на многое. И я с радостью видел, как она взрослеет. Она сама превратила себя из запуганной девочки в женщину. — Он улыбнулся еще шире. — И она всецело принадлежит мне.

Пустой бокал Марго пролетел через комнату и разбился о стену за головой Тревиса:

— Ты что думаешь — я буду молча выслушивать твою болтовню о другой женщине?

На лице Тревиса появилось жесткое выражение.

— Тебе вообще нечего меня слушать. Сейчас я пойду за дочерью и увезу ее домой.

Стоя у основания лестницы, он повернулся к ней:

— Я хорошо знаю тебя. Я знаю тебя потому, что отец обучил тебя подлыми способами добиваться своего. Ну, раз Дженнифер не пострадала, на этот раз я не подам в суд. Но если еще хоть раз...

Речь Тревиса замедлилась, потом он замолчал и провел рукой по глазам. Внезапно его охватила сонливость, и когда он шел вверх по лестнице, то вид у него был как у пьяного.

Вскоре после того, как Тревис уехал из гостиницы, растерянная Риган вернулась в свою комнату, где ее ждал Фаррел.

— Риган, прошу, скажите, что происходит. Вашу дочь кто-то обидел?

— Нет, — прошептала она. — Не знаю. Ничего не могу сказать.

— Сядьте и расскажите мне все, — предложил он, обняв ее за плечи.

Рассказ Риган длился всего несколько минут.

— И Тревис оставил вас страдать в одиночестве? — изумленно спросил Фаррел. — Вы не знаете, что происходит с вашей собственной дочерью, и понадеялись на то, что он отнимет ее у своей бывшей любовницы?

— Да, — растерянно ответила она. — Тревис сказал...

— А с каких пор вы позволяете посторонним руководить собой? Разве вам не хотелось бы поехать к дочери, а не оставаться здесь в неведении?

— Да! — решительно ответила она и выпрямилась. — Конечно.

— Тогда нам нужно ехать. Мы сразу же уезжаем.

— Мы?

— Да, — ответил Фаррел и взял ее за руку. — Мы — друзья, а друзья помогают друг другу в беде.

Только позже, когда они на повозке мчались на юг, в сторону плантации Тревиса, Риган сообразила, что никому не сказала, куда направилась. Но мысль эта сразу же улетучилась, потому что она очень беспокоилась о благополучии дочери.

Дорога длилась много часов, и, по мнению Риган, ехали они слишком медленно; в конце концов она задремала, и вдруг ударилась головой о борт повозки. Она проснулась, почувствовав, что Фаррел взял ее за руку. Повозка стояла на месте, а Фаррел уже спрыгнул на землю.

— Почему вы остановились? — спросила Риган.

Он снял ее с сиденья и опустил на землю рядом с собой:

— Вам нужно отдохнуть, и мы должны поговорить.

— Поговорить? — вскрикнула Риган. — Мы можем поговорить позже, а в отдыхе я не нуждаюсь.

Она попыталась отстраниться, но он крепко держал ее.

— Риган, разве вы не знаете, как сильно я люблю вас? Вы ведь понимаете, что много лет назад, в Англии я любил вас? Ваш дядя предложил мне деньги, и я взял их. Но я бы женился на вас и без такого соблазна. Вы были такой ласковой и невинной, такой прекрасной.

Охваченная беспокойством за дочь, Риган не подумала, что оказалась наедине с этим человеком в далеком лесу.

Она изумленно отпрянула от него.

— Фаррел, ради бога! Ну с чего вы взяли, что я идиотка? Вы никогда не любили меня, не любите сейчас и любить не будете. Вам нужны только мои деньги, но вы их не получите. Поэтому будьте мужчиной: отправляйтесь в Англию, в ваш красивый несчастливый дом и оставьте меня в покое.

Фаррел отшвырнул ее. Риган ударилась спиной о повозку и опустилась на колени.

— Да как вы смеете так разговаривать со мной, — прошипел он. — Моя семья происходит от королей, а ваша — от простых купцов. Я готов унизиться и жениться на женщине, подобной вам, которая больше знает о деньгах, чем о кружевах, потому что...

Пока он разглагольствовал, Риган стала собираться с мыслями. Ее беспокоила судьба дочери и не было дела до Фаррела. Она ринулась вперед и головой, как тараном, ударила его между ног.

От боли Фаррел согнулся, и Риган бросилась бежать.

Одного взгляда на повозку хватило, чтобы понять: Фаррел распряг лошадей, поэтому ей потребуется слишком много времени, чтобы вновь запрячь их. Подобрав юбки, она бросилась назад, к дороге, и увидела, как за поворотом скрылся старый потрепанный фургон. Собрав все силы, она догнала его.

Фургоном правил старик с седыми бакенбардами.

— Меня преследуют! — крикнула Риган, держась рядом с фургоном.

— А может, нужно, чтобы вас поймали? — спросил старик, которого это сообщение развеселило.

— Он хочет вынудить меня стать его женой из-за моих денег. Но я собираюсь выйти замуж за американца.

Патриотизм в душе старика победил. Даже не придержав лошадей, он подхватил Риган за руку и подтянул ее наверх так, будто она была невесомой. Еще одним быстрым движением он толкнул ее назад и прикрыл мешками с зерном.

Спустя несколько секунд их догнал Фаррел на лошади. Когда он закричал, стараясь привлечь

внимание кучера, Риган затаила дыхание. Некоторое время старик прикидывался глухим, а потом не позволил Фаррелу обыскать фургон; когда англичанин начал настаивать, возница вытащил пистолет. В конце концов он неохотно сообщил, что мимо него проскакали трое всадников, один из которых держал перед собой в седле красивую женщину. Лошадь Фаррела застучала копытами и скрылась в облаке пыли.

— Теперь вылезайте, — позвал старик, взял Риган за руку и перетащил на сиденье.

Потирая руку, она не стала упрекать его за то, что он швыряет ее подобно мешку с зерном. Несколько раз сильно чихнув, она спросила, известна ли ему плантация Стэнфордов в Виргинии.

— Это далеко отсюда. Туда несколько дней пути.

— Можно быстрее, если мы сменим лошадей и будем ехать всю ночь. Я заплачу за лошадьми и за любую другую помощь.

Он разглядывал ее несколько минут.

— Думаю, мы могли бы с вами договориться. Я доставлю вас туда как можно быстрее, только объясните, почему англичанин гнался за вами и что вам нужно от Тревиса. Или вам нужен Уэсли?

— Я все вам расскажу потом, а Тревис — мой муж.

— Леди, ну и везет же вам, — ответил он, посмеиваясь, и погнал лошадей вскачь. Риган вцепилась обеими руками в поручни, зубы ее от тряски лязгали. Она была просто не в состоянии говорить, поэтому не смогла ничего рассказать ему.

После часа езды старик остановил фургон, спрыгнул на землю и снял Риган.

— Что вы делаете? — спросила она.

— Мы поплывем на лодке, — ответил он. — Я доставлю вас к парадной двери Тревиса по воде.

Пройдя около мили, они оказались возле небольшой хижины и причала, сильно выступавшего в неширокий поток. На секунду старик зашел в хижину и вынес брезентовый мешок.

— Ну, в дорогу, — скомандовал он и втащил ее в такую же старую, как и фургон, лодку.

— А теперь рассказывайте, — предложил он, когда они отплыли.

Спустя несколько дней он высадил Риган у пристани на плантации Тревиса, попрощался с ней и пожелал удачи. Было раннее утро, и в полной тишине она побежала от реки к дому.

Дверь оказалась открытой. Поднимаясь бегом вверх по лестнице, она молилась о том, чтобы Тревис и Дженнифер оказались в одной из комнат. На бегу она распахивала двери одну за другой, проклиная этот громадный дом, где теряет столько времени. В четвертой спальне она его нашла — из-под простыни виднелись только его волосы.

— Тревис! — крикнула она, бросаясь к кровати. — Где Дженнифер? Она здорова? Как же ты мог бросить меня в неведении, а сам спокойно спать? — спросила она, сильно дернув его за ухо.

Из-под одеяла показался другой человек. Он был очень похож на Тревиса, но меньших размеров.

— Так что еще натворил мой братец? — устало спросил он, потирая ухо. Посмотрев ей в лицо, он улыбнулся. — А вы, конечно, Риган. Позвольте мне представиться...

— Где Тревис с моей дочерью? Уэсли сразу насторожился:

— Расскажите, что произошло?

— Марго Дженкинс похитила нашу дочь, и Тревис погнался за ней.

Не успела она договорить, как Уэсли сбросил одеяло, забыв о том, что спал нагим, и начал одеваться.

— Я же всегда говорил Тревису, что Марго — дрянной человек. Только он считал, что обязан ей, поэтому прощал. А Марго думает, что все на земле принадлежит ей, что у нее на это все права. Идем, — заявил он и, взяв Риган за руку, повлек ее за собой.

— Вы очень похожи на Тревиса, — сказала она, морщась от боли в руке и пытаясь поспевать за его широкими шагами.

— Сейчас не время для оскорблений, — заявил он и попросил подождать около двери, ведущей в библиотеку, пока заряжал два пистолета, которые сунул за пояс.

— Вы умеете ездить верхом? Хотя нет, Тревис говорил, что не умеете. Ладно, я посажу вас на седло впереди себя. Даже вдвоем мы легче, чем Тревис.

Если бы у Риган было время и желание, она обязательно проявила бы свое возмущение отвратительным поведением младшего брата Тревиса. Ну как могут сосуществовать двое таких, как Тревис? К тому же через год или два Уэс станет таким же могучим, как Тревис.

— Меня зовут Уэсли, — представился он, потом посадил ее на лошадь и сам устроился позади нее.

— Я догадалась, — съязвила она, и лошадь рванулась вперед бешеным галопом.

Уэс ссадил ее с лошади у входа в дом Марго.

— Мы пойдем раздельно. Помните, я поблизости.

Он скрылся, а Риган вошла в дом. Довольно быстро она нашла Марго в библиотеке.

— Как раз вовремя. — Марго любезно улыбнулась, но глаза ее, налились кровью. — За это утро вы — третий гость.

— Где моя дочь и где Тревис? — требовательно спросила Риган.

— Милая богатая крошка Дженнифер спит, и ее отец тоже. Дженнифер конечно, проснется. Но у Тревиса это не получится.

— Что? — закричала Риган. — Что вы сотворили с моей семьей?

— То же, что и вы с моей жизнью. Тревис проглотил столько опиума, что хватило бы убить

двоих. Он в комнате наверху спит в ожидании смерти.

Риган бросилась к двери, но остановилась, услышав выстрел на улице. Ошеломленная, она посмотрела в сторону входной двери. Марго пронеслась мимо нее и распахнула дверь. Вошел Фаррел, волоча на себе окровавленного Уэсли.

— Я застал его, когда он болтался возле дома, — сообщил Фаррел, держа в руке пистолет. Он толкнул Уэсли на стул.

— Что вы делаете? — воскликнула Риган и направилась к Уэсли.

— Оставьте его! — приказал Фаррел и схватил ее за плечо. — Вы думали, что после многих лет поисков я от вас так легко откажусь? Нет, мы с Марго задумали это давным-давно, пока все вы развлекались с вашим дурацким цирком. Уэсли умрет от ран, полученных на охоте в результате несчастного случая. Тело Тревиса не найдут никогда, а его дорогая дочь унаследует все. Я, разумеется, женюсь на матери крохотной наследницы, а она, страдая от горя из-за смерти мужа, покончит с собой. Затем я вернусь в Англию и стану единственным попечителем вашего имения, Марго великодушно согласится стать опекуном Дженнифер и управлять плантацией Стэнфордов, пока девочка не вырастет — если она до этого доживет. Теперь вам понятно, почему я здесь?

— Вы оба сошли с ума, — ответила Риган, отступая. — Никто не поверит, что так много людей умерли случайно.

Она повернулась и бросилась к лестнице в глубине зала, но Фаррел перехватил ее.

— Теперь вы моя, — объявил он и шагнул к ней; он был весь в крови Уэсли. Резким движением Риган опрокинула канделябр, стоявший на низком столике. Занавески на ближайшей двери мгновенно вспыхнули. Марго с визгом схватила коврик и стала гасить огонь.

— Отпусти ее, — прозвучал голос из глубины зала.

— Тревис! — вскрикнула Риган, вырываясь из рук Фаррела. У Тревиса был вид тяжелобольного.

— Я думал, вы от него избавились! — закричал Фаррел, обращаясь к Марго, которая боролась с огнем.

— Я не сразу сумел освободиться от опиума в желудке, — сказал Тревис, держась за перила.

— Хватит разговоров! — взвизгнула Марго. — Помогите мне погасить огонь — он же расплзается.

Фаррел сильнее сжал руку Риган и поднес пистолет к ее голове.

Все забыли об Уэсли, который тяжело поднялся со стула позади Фаррела. Собрав последние силы, он вытащил из-за отворота сапога нож и, рывком поднявшись, вонзил его Фаррелу между лопаток. Ствол пистолета дернулся вверх, пуля попала в потолок, и Фаррел упал лицом вперед.

Риган сразу сообразила, что делать: она подбежала к Тревису, потом бросилась вверх по лестнице.

— Помоги Уэсли, — приказала она. — А я принесу Дженнифер.

Риган быстро нашла спящую дочь, выхватила ее из кровати, быстро спустилась по лестнице и

столкнулась с Тревисом, пытавшимся вытащить брата из дома. Сил у обоих оставалось совсем немного, поэтому прошло немало времени, прежде чем они выбрались на свежий воздух, где светило утреннее солнце.

Тревис осторожно положил Уэсли на траву:

— Я раздобуду лошадей и фургон.

— Тревис! — Риган коснулась его руки и глазами показала в сторону дома. Из окна первого этажа вырвалось пламя. — Мы не можем оставить Марго — она погибнет. Ее нужно вывести на улицу.

Тревис быстро погладил ее по щеке и побежал к дому. Спустя несколько минут он появился, неся Марго на плече, а она отбивалась, царапалась и осыпала его самыми страшными ругательствами.

Он опустил ее на землю.

— Этот проклятый дом не стоит человеческой жизни, даже твоей, — сказал он в ответ на ее яростный взгляд.

Риган склонилась над Уэсом, чтобы перевязать рану в боку.

Только Тревис отвел глаза от Марго, как она вскочила и бросилась к дому, визжа:

— Там мой папа!

На глазах Тревиса языки пламени коснулись ее юбки. Он понял, что ее не спасти. Тревис подхватил на руки дочь, которая смотрела на происходившее широко раскрытыми глазами, и спрятал ее личико на своем плече.

В считанные секунды пропитанное виски платье Марго запылало, и Риган отвернулась, а когда Уэс обнял ее и прижал к груди, она зарыдала.

Не сразу они пришли в себя. Тревис ласково провел рукой по лбу брата и улыбнулся, видя, как тот обнимает его жену.

— Присмотри за моими женщинами, а я пойду за фургоном.

Когда он вернулся, их уже окружили рабочие с плантации, беспомощно наблюдавшие за тем, как горит особняк. Огонь разгорелся так сильно, что дом нельзя было спасти. Из ближайших конюшен выводили лошадей, а двое рабочих помогали Тревису укладывать Уэса в фургон. Дженнифер сидела возле своего дяди. От усталости и растерянности она не могла произнести ни слова.

Когда Тревис и Риган поднялись на сиденье, он повернулся к ней:

— Мы едем домой?

— Домой, — прошептала она. — Дом — это там, где ты, Тревис, и где мне хочется быть. Он поцеловал ее.

— Я люблю тебя, и...

— Я могу умереть, истекая кровью, а вы милуетесь, — прорычал Уэсли из фургона.

— Милуемся! — ответил Тревис и погнал лошадей. — Братец, ты даже не знаешь, как милуются. Когда ты наберешься сил, я расскажу тебе про самое лучшее ухаживание в мире. Может быть, когда-нибудь тебе и удастся стать хоть вполнину таким изобретательным, как...

Он остановился и, сузив глаза, повернулся к расхохотавшейся Риган. Увидев его обиженное лицо, она засмеялась еще громче.

— Тревис, пожалуй, теперь мне лучше послушать, что о ваших затеях расскажет Риган, — ответил Уэсли, улыбаясь с закрытыми глазами.

— Домой, — произнесла Риган, вытирая глаза. — Так хорошо вернуться домой.

Тревис тоже заулыбался, направляя лошадей в сторону плантации Стэнфорд.

mir-knigi.org